

INSPIRIA

КЛАРА И СОЛНЦЕ

КАДЗУО ИСИГУРО

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ

 INSPIRIA

Annotation

Клара совсем новая. С заразительным любопытством из-за широкого окна витрины она впитывает в себя окружающий мир – случайных прохожих, проезжающие машины и, конечно, живительное Солнце. Клара хочет узнать и запомнить как можно больше – так она сможет стать лучшей Искусственной Подругой своему будущему подростку. От того, кто выберет Клару, будет зависеть ее судьба. Чистый, отчасти наивный взгляд на реальность, лишь слегка отличающуюся от нашей собственной, – вот, что дарит новый роман Кадзуо Исигуро. Каково это – любить? И можно ли быть человеком, если ты не совсем человек? Это история, рассказанная с обескураживающей искренностью, заставит вас по-новому ответить на эти вопросы. Кадзуо Исигуро – лауреат Нобелевской и Букеровской премий; автор, чьи произведения продаются миллионными тиражами. Гражданин мира, он пишет для всех, кто в состоянии понять его замысел. «Моя цель – создавать международные романы», – не устает повторять он. Сейчас его книги переведены на более чем 50 языков и издаются миллионными тиражами. Его новый роман «Клара и Солнце» – повествование на грани фантастики, тонкая спекулятивная реальность. Но, несмотря на фантастический флер, это история о семье, преданности, дружбе и человечности. Каково это – любить? И можно ли быть человеком, если ты не совсем человек?» [Исигуро] в романах великой эмоциональной силы открыл пропасть под нашим иллюзорным чувством связи с миром» – из речи Нобелевского комитета «Исигуро – выдающийся писатель» – Нил Гейман «Настоящий кудесник» – Маргарет Этвуд «Кадзуо

Исигуро – писатель, суперспособность которого словно бы в том и состоит, чтобы порождать великолепные обманки и расставлять для читателя восхитительные в своей непредсказуемости ловушки». – Галина Юзефович «Изучение нашего душевного пейзажа, чем занимается Исигуро, обладает силой и проникновенностью Достоевского». – Анна Наринская

- [Кадзуо Исигуро](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Часть шестая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Кадзуо Исигуро Клара и Солнце

*Памяти моей матери Сидзуко Исигуро
(1926-2019)*

Kazuo Ishiguro
KLARA AND THE SUN
Copyright © Kazuo Ishiguro 2021
Jacket design by John Gall

© Мотылев Л., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Когда мы были новые, наше с Розой место было в середине торгового зала, на той стороне, где журнальный стол, и оттуда нам открывался вид наружу сквозь полвитрины и даже больше. Мы могли смотреть на офисных сотрудников, спешащих мимо, на такси, на бегунов, на туристов, на Попрошайку с его собакой, на нижние этажи Здания РПО. После того как мы освоились, Администратор позволила нам приближаться к витрине вплоть до самой экспозиции, и тогда мы видели, какое оно высокое – Здание РПО. А если оказывались у витрины в удачное время, то видели Солнце на Его пути, переходящее между верхами зданий с нашей стороны на сторону РПО.

Когда мне везло и я видела Его там, я подавалась лицом вперед, чтобы получить как можно больше питания, и если Роза была со мной, я говорила ей, чтобы она делала то же. Через минуту-две мы возвращались на наши места, и, когда мы были новые, нас тревожило, что из середины зала мы не так часто видим Солнце и потому будем слабеть и слабеть. ИД Рекс, который был тогда рядом с нами, сказал, что тревожиться не о чем: Солнце находит способ добраться до нас, где бы мы ни были. Он показал на половицы:

– Видите – вот Солнечная фигура. Если вам тревожно, просто потрогайте, и опять наберетесь сил.

Когда он это сказал, посетителей в зале не было, Администратор что-то переставляла на Красных Полках, и я не хотела просить разрешения и отвлекать ее этим. Я взглянула на Розу, та ответила пустым взглядом, и тогда я сделала два шага вперед, присела на корточки и протянула обе руки к Солнечной фигуре на полу. Но, едва мои пальцы коснулись ее, фигура померкла, и хотя

я прилагала все старания – хлопала по месту, где она была, а когда это не помогло, стала тереть по полу ладонями, – она не вернулась. Когда я поднялась, ИД Рекс сказал:

– Ты пожадничала, Клара. Вы, Искусственные Подруги, вечно жадничаете.

Хоть я и была новая, мне сразу подумалось, что моей вины, возможно, и нет: Солнце, может быть, случайно убрало Свою фигуру, когда я ее трогала. Но лицо ИД Рекса оставалось серьезным.

– Ты все питание себе забрала, Клара. Смотри, как стало темно.

И правда, в магазине сделалось очень мрачно. Даже снаружи, на тротуаре, знак Зоны Принудительной Эвакуации на фонарном столбе был теперь серым и тусклым.

– Прости меня, – сказала я Рексу, потом повернулась к Розе: – Прости меня. Я не хотела все себе забирать.

– Из-за тебя, – сказал ИД Рекс, – я к вечеру ослабею.

– Ты в шутку это говоришь, – возразила я ему. – Я же знаю.

– Вовсе не в шутку. Мне прямо сейчас может стать нехорошо. А эти ИД и ИП в глубине магазина? С ними и так уже неладно. А теперь будет хуже. Ты пожадничала, Клара.

– Я тебе не верю, – сказала я, но уже не была так убеждена. Посмотрела на Розу, но у нее по-прежнему было безучастное лицо.

– Мне уже нехорошо, – сказал ИД Рекс. И обвис, ссутулился.

– Но ты же сам только что сказал. Солнце всегда находит способ до нас добраться. Ты шутишь, я же знаю.

В конце концов я сумела убедить себя, что ИД Рекс просто меня дразнит. И все же я почувствовала в тот день, что невольно побудила Рекса коснуться

неудобной темы – того, о чем большинство ИД и ИП в магазине предпочитали молчать. А вскоре произошел этот случай с участием ИД Рекса, из-за которого я стала думать, что если он и шутил тогда, то всего лишь отчасти.

Было яркое утро, и Рекс был уже не рядом с нами, потому что Администратор переместила его в переднюю нишу. Администратор всегда говорила, что каждое наше место тщательно продумано, что у нас, где бы мы ни стояли, одинаковые шансы, что нас выберут. Тем не менее мы все знали, что взгляд покупателя, входящего в магазин, вначале падает на переднюю нишу, и Рекс, естественно, был рад, что настала его очередь там быть. Мы смотрели на него из середины зала – он стоял, приподняв подбородок, весь внутри Солнечной фигуры, и Роза наклонилась ко мне со словами:

– Он выглядит просто чудесно! Наверняка для него скоро найдется дом!

Рекс третий день был в передней нише, когда пришла девочка с мамой. Я не так точно могла тогда определять возраст, но помню, что оценила и вышло для девочки тринадцать с половиной, и думаю сейчас, что не ошиблась. Мама была офисная сотрудница, и по туфлям и костюму мы видели, что хорошего уровня. Девочка прямо пошла к Рексу и встала перед ним, а мама, прохаживаясь по залу, двинулась к нам, взглянула на нас, затем направилась в дальнюю часть магазина, где две ИП сидели на Стеклянном Столе и свободно покачивали ногами, как им сказала Администратор. В какой-то момент мама позвала девочку, но та не отреагировала и продолжала смотреть на лицо Рекса. Потом протянула руку и провела ладонью по его руке. Рекс ничего, конечно, не сказал, только улыбался ей сверху вниз и стоял

спокойно – вел себя ровно так, как нам говорили себя вести, когда покупатель проявляет особый интерес.

– Гляди! – шепнула мне Роза. – Она его выберет! Полюбила его. Повезло же Рексу!

Я толкнула Розу локтем в бок, чтобы она молчала, ведь нас легко могли услышать.

Теперь уже девочка позвала маму, и вскоре они обе стояли перед ИД Рексом, оглядывали его с головы до ног, девочка иногда тянулась к нему и трогала его. Они с мамой негромко совещались, и я услышала, как девочка сказала:

– Мама, ну ведь он прекрасный. Он такой красивый!

Немного погодя до меня донеслось:

– Боже мой, мама, ну что ты.

Администратор к тому времени тихо подошла и встала за ними. В конце концов мама повернулась к ней:

– Какая это модель?

– Это Б2, – ответила Администратор. – Третья серия. Для подростка определенного склада Искусственный Друг Рекс будет великолепным компаньоном. В частности, я убеждена, что он будет поощрять в юной личности добросовестность и прилежание.

– Ну, этой юной особе, безусловно, такое не повредит.

– Мама, мама, он идеальный.

Потом мама сказала:

– Б2, третья серия. У них, кажется, есть проблемы с солнечной подпиткой?

Она прямо так это и сказала, стоя перед Рексом и по-прежнему улыбаясь. Рекс тоже продолжал улыбаться, но девочка обескураженно перевела взгляд с него на маму.

– Да, – сказала Администратор, – с третьей серией были поначалу кое-какие мелкие затруднения. Но в этих сообщениях их очень сильно преувеличили. В среде с

нормальным уровнем освещенности проблем нет ни малейших.

- Я слышала, что недостаточное поглощение солнечной энергии может повести к дальнейшим неприятностям, - сказала мама. - Даже поведенческим.

- При всем моем к вам уважении, мадам, не соглашусь с вами: третья серия колоссально ошастливила множество мальчиков и девочек. Если вы живете не на Аляске и не в угольной шахте, беспокоиться вам не о чем.

Мама продолжала смотреть на Рекса. Наконец покачала головой.

- Мне очень жаль, Кэролайн. Понимаю, почему он тебе нравится. Но нам он не подходит. Мы найдем тебе то, что подойдет безупречно.

Рекс улыбался и улыбался, пока посетители не ушли, и даже после их ухода ничем не показал, что опечален. Но тогда-то я и вспомнила, как он пошутил, и поняла с несомненностью, что эти вопросы про Солнце, про то, сколько питания нам от Него достается, были у Рекса на уме уже некоторое время.

Сегодня, конечно, я понимаю, что не только у Рекса. Официально, однако, проблем не было вообще: у каждого из нас имелись технические характеристики, которые гарантировали, что на нас не воздействуют такие факторы, как наше положение внутри помещения. И все-таки после нескольких часов без Солнца у ИД или ИП возникала некоторая сонливость, а с ней и беспокойство, что с тобой что-то не так - что у тебя какой-то особый, только тебе присущий недостаток, и, если о нем станет известно, тебе никогда не обрести дома.

Это одна из причин того, что мы так много значения придавали пребыванию в витрине. Всем нам было обещано, что очередь дойдет до каждого, и каждому хотелось, чтобы она поскорей до него дошла. Отчасти

это объяснялось тем, что представлять магазин наружному миру, по словам Администратора, «особая честь». Кроме того, разумеется, что бы Администратор ни говорила, мы все знали: кто на витрине, того скорее выберут, чем кого-то другого. Но крупная мысль, которую молча разделяли мы все, касалась Солнца и Его питания. Роза однажды, незадолго до того как настала наша очередь, высказала ее мне шепотом:

– Клара, как ты думаешь: когда мы будем в витрине, мы получим от Солнца столько, что хватит уже навсегда?

Я все еще была совсем новая и не знала, как отвечать, хотя тот же вопрос и мне приходил на ум.

Потом наконец наша очередь пришла, и однажды утром мы с Розой вступили в витрину, стараясь не повалить ничего, что в ней выставлено, как повалила предыдущая пара на той неделе. Магазин, конечно, еще был закрыт, и я думала, что решетка будет совсем опущена. Но, едва мы сели на Полосатую Софу, я увидела неширокую щель под нижним краем решетки – Администратор, вероятно, приподняла ее, когда проверяла, все ли для нас готово, – и свет Солнца образовал яркий прямоугольник, который поднимался на наше возвышение и кончался прямой линией у самых наших ног. Надо было только вытянуть их чуть-чуть, и они оказывались внутри Солнечного тепла. Я поняла тогда, что, каким бы ни был ответ на вопрос Розы, мы вот-вот получим все необходимое питание на ближайшее время. И, когда Администратор дотронулась до выключателя и решетка поползла вверх, открывая всю витрину, нас окатил ослепительный свет.

Должна признаться: у меня, чтобы желать пребывания в витрине, всегда была еще одна причина, не связанная ни с Солнечным питанием, ни с возможностью быть выбранной. В отличие от большинства ИД и ИП, в отличие от Розы, я всегда

хотела смотреть наружу и видеть там как можно больше – и во всех подробностях. Поэтому, как только решетка поднялась, сознание, что от тротуара меня теперь отделяет только стекло, что я могу свободно, вблизи и целиком рассматривать многое, от чего раньше видела только углы и края, так меня взволновало, что на мгновение я почти позабыла о Солнце и Его доброте к нам.

Я впервые увидела, что Здание РПО на самом деле построено из отдельных кирпичей и что оно не белое, как я всегда думала, а бледно-желтое. Я теперь увидела еще, что оно даже выше, чем я воображала – двадцать два этажа, – и что каждое из его повторяющихся окон подчеркнуто своим наружным подоконником. Мне видна была диагональная линия Солнца по фасаду Здания РПО: треугольник по одну сторону от нее казался почти белым, а тот, что по другую сторону, был очень темный, хотя я знала теперь, что весь фасад бледно-желтый. И я не только все окна видела до самой крыши, но иногда и людей внутри – одни стояли, другие сидели, третьи перемещались. А внизу, на улице, я видела прохожих, их разнообразную обувь, бумажные стаканчики, наплечные сумки, маленьких собачек, и, если хотела, я могла следить взглядом за кем угодно до пешеходного перехода и дальше, за второй знак Зоны Принудительной Эвакуации, до того места, где два ремонтных человека стояли над канализационным люком и на что-то показывали. Я могла заглядывать внутрь такси, когда они замедляли ход, чтобы пропустить людей на переходе: видела, как пальцы водителя постукивают по рулевому колесу, видела, какая кепка на пассажире.

День длился, Солнце нас грело, и я видела, что Роза очень счастлива. Но я заметила, что она почти ни на что не смотрит, ее взгляд все время был направлен на первый знак Зоны Принудительной Эвакуации прямо

перед нами. Только если я показывала ей на что-то, Роза поворачивала голову, но она быстро теряла интерес и снова принималась глядеть на тротуар и на знак.

Сколько-нибудь долго Роза смотрела куда-то еще, лишь когда перед нашей витриной останавливался прохожий. В этом случае мы обе вели себя так, как нас учила Администратор: улыбались «нейтральными» улыбками и неподвижно глядели в отдаленную точку на полпути до Здания РПО. Очень заманчиво было получше рассмотреть подошедшего, но Администратор объяснила, что заглядывать в такую минуту прохожему в глаза – верх вульгарности. Только если нам делали знак или заговаривали с нами через стекло, нам полагалось отвечать, но никак не до этого.

Некоторых из тех, кто останавливался, мы не интересовали вовсе. Кому-то надо было снять спортивную туфлю и что-то с ней сделать, кто-то доставал свою дощечку и жал на экран пальцами. Некоторые, однако, подходили прямо к стеклу и смотрели внутрь. Часто это были мальчики и девочки такого примерно возраста, для какого мы лучше всего годились, и они на вид были нам очень рады. Подросток, один или со взрослым, подходил, полный возбуждения, показывал пальцем, смеялся, строил рожицу, стучал по стеклу, махал.

Случалось иногда так – я вскоре получше научилась глядеть на тех, кто у витрины, делая вид, будто разглядываю Здание РПО, – что подходил подросток, смотрел на нас, и в нем была печаль, а то и злость, словно мы сделали что-то нехорошее. Такой легко мог в следующую секунду перемениться, начинал смеяться или махать, как все остальные, но к нашему третьему дню в витрине я уже неплохо умела различать.

После третьего или четвертого раза я попробовала поговорить об этом с Розой, но она улыбнулась:

- Клара, ты слишком много беспокоишься. Я уверена, что эта девочка была очень счастлива. Как она могла быть грустна в такой день? Весь город так счастлив сегодня.

Но я в конце нашего третьего дня завела об этом разговор с Администратором. Она хвалила нас, говорила, что мы в витрине смотрелись «красиво и достойно». Свет в магазине уже горел тускло, и мы были в дальней его части, прислонились к стене, некоторые листали интересные журналы перед сном. Роза была рядом со мной, и я видела по ее осанке, что она уже наполовину спит. Поэтому, когда Администратор спросила, хорошо ли у меня прошел день, я воспользовалась случаем и сказала ей про невеселых мальчиков и девочек у витрины.

- Клара, ты просто необыкновенная, - промолвила Администратор тихим голосом, чтобы не потревожить Розу и остальных. - Ты столько всего замечаешь, столько впитываешь. - Она покачала головой, словно в изумлении. Потом сказала: - Ты должна понимать, что мы не простой магазин. Многие подростки были бы несказанно рады, если бы могли выбрать тебя, или Розу, или кого угодно из вас. Но у них нет такой возможности. Ты для них недоступная роскошь. Вот почему они подходят к витрине: помечтать о тебе. Но потом им делается грустно.

- Администратор, скажите, а такой подросток... У него есть дома свой ИД или своя ИП?

- Вряд ли. Если даже и есть, то не твоего уровня. Так что если иногда подросток странно на тебя смотрит, с горечью или грустью, говорит через стекло что-нибудь неприятное, не придавай этому значения. Просто знай. Этот подросток, вероятно, фрустрирован.

- Такому подростку, без ИД или ИП, наверняка одиноко.

- Да, и это тоже, - тихо сказала Администратор. -
Одиноко. Да.

Она опустила глаза и молчала, поэтому я ждала. Потом вдруг она улыбнулась, протянула руку и мягко забрала у меня интересный журнал, который я до этого рассматривала.

- Спокойной ночи, Клара. Будь завтра такой же чудесной, какой была сегодня. И не забывай: вы с Розой - наши представители в глазах всей улицы.

* * *

Прошла почти половина нашего четвертого утра в витрине, когда я увидела такси - оно замедляло ход, и водитель высунул голову, чтобы другие такси позволили ему пересечь полосы движения и подъехать к бордюру у нашего магазина. Когда Джози вышла на тротуар, ее глаза были на мне. Она была бледная и худенькая, и, когда Джози шла к нам, я видела, что идет она не так, как другие прохожие. Не то чтобы медленно, но после каждого шага, казалось, должна была убедиться, что все в порядке и она не упадет. Я оценила возраст - примерно четырнадцать с половиной.

Когда приблизилась настолько, что все пешеходы теперь шли позади нее, она остановилась и улыбнулась мне.

- Приветик, - сказала она через стекло. - Слышишь меня?

Роза продолжала смотреть вперед, на Здание РПО, как ей было положено. Но я, потому что ко мне обратились, могла теперь перевести взгляд на девочку, улыбнуться в ответ и ободряюще кивнуть.

- Правда? - сказала Джози - хотя тогда я, конечно, не знала еще, что ее так зовут. - Я и сама-то себя тут еле слышу. Ты действительно меня слышишь?

Я опять кивнула, и она покачала головой, словно была поражена.

- Ничего себе.

Джози оглянулась через плечо - даже это движение она сделала с осторожностью - на такси, откуда только что вышла. Дверь машины, которую она оставила открытой, торчала поперек тротуара, и на заднем сиденье виднелись двое, они разговаривали и показывали на что-то за пешеходным переходом. Джози, похоже, была довольна, что ее взрослые не спешат выходить, и сделала еще один шаг вперед: ее лицо теперь почти касалось окна.

- Я вчера тебя заметила, - сказала она.

Я стала вспоминать вчерашний день, но Джози в памяти не нашла и посмотрела на нее с удивлением.

- О, не расстраивайся, все норм, ты меня увидеть никак не могла. Я же в такси была, ехала мимо, быстро довольно-таки. Но заметила тебя в витрине, ну и вот, сегодня говорю маме, чтобы мы тут остановились. - Она оглянулась еще раз, опять так же оберегаясь. - Ничего себе. *До сих пор* разговаривает с миссис Джеффрис. Недешевые разговорчики, как по-твоему? Счетчик-то тикает.

Смех, я увидела, наполнил ее лицо добротой. Но странно, в тот же самый момент мне в первый раз показалось, что Джози, может быть, из тех одиноких подростков, про которых мы говорили с Администратором.

Она перевела взгляд на Розу - та по-прежнему послушно смотрела на Здание РПО - и сказала: «Твоя подружка очень милая». Но не успела она договорить, как ее глаза вновь обратились на меня. Она молча продолжала смотреть на меня несколько секунд, и я обеспокоилась, что ее взрослые выйдут до того, как она еще что-нибудь скажет. Но тут я услышала:

- Знаешь что? Твоя подружка отлично сгодится в подружки еще кому-нибудь. Но понимаешь, вчера мы ехали мимо, я вдруг увидела тебя и думаю: вот она, ИП, которую я искала! - Она опять засмеялась. - Извини. Может быть, это звучит неуважительно. - Она еще раз повернулась в сторону такси, но не видно было, чтобы сидевшие на заднем сиденье собирались выходить. - Ты не француженка? - спросила она. - Что-то в тебе есть такое, французское.

Я улыбнулась и покачала головой.

- На последнюю нашу встречу, - сказала Джози, - пришли эти две девчонки француженки. У обеих волосы вот так же были - аккуратно и коротко, как у тебя. Симпатичный вид.

Она еще какое-то время разглядывала меня молча, и мне почудился очередной маленький намек на грусть, но я была совсем новая тогда и не могла быть уверена. Потом она просветлела:

- Слушай, а тебе там с ней не жарко вот так сидеть? Не хочется попить или еще что?

Я покачала головой и подняла руки ладонями вверх, чтобы показать, как чудесно питает нас Солнце, посылая нам тепло и свет.

- Ага, вот оно что! Не подумала. Ты любишь быть под Солнцем, правильно?

Она вновь оглянулась - теперь посмотреть на верхи зданий. Солнце в это время было в небесном промежутке, и Джози мигом сощурила глаза и повернулась ко мне обратно.

- Не понимаю, как у тебя выходит. В смысле - смотреть вот так и не ослепляться. Я даже секунду не выдерживаю.

Она приложила ладонь ко лбу и снова отвернулась, на этот раз взглянуть не на Солнце, а куда-то ближе к верхним этажам Здания РПО. Через пять секунд опять посмотрела на меня.

- Для вас, девчонки, где вы сидите, Солнце должно опускаться вон за тот высокий дом, верно я говорю? Это значит, вы никогда не видите, как оно *на самом деле* заходит. Дом всегда мешает. - Она бросила короткий взгляд в сторону такси - взрослые все еще сидели в нем, и она продолжала: - Где мы живем, там ничего не мешает. Сверху, из моей комнаты, видно то самое место, где оно вечером заходит. Куда опускается в конце дня.

У меня, наверное, был удивленный вид. И краем глаза я заметила, что Роза, забывшись, уставилась на Джози в изумлении.

- Но где оно утром поднимается, я увидеть не могу, - сказала Джози. - Холмы и деревья заслоняют. Ну, примерно как тут здания. А вот вечером другое дело. Куда мое окно с той стороны выходит, там просто широко и пусто. Вот если приедешь и будешь жить у нас, убедишься сама.

Взрослые одна за другой выбрались из такси на тротуар. Джози их не видела, но, может быть, услышала что-то и заговорила быстрее.

- Клянусь чем хочешь, не вру. Прямо в точности то место видно, куда оно опускается.

На обеих взрослых была офисная одежда хорошего уровня. Мамой, которую упомянула Джози, была, я догадалась, та, что повыше, потому что она смотрела на Джози, даже когда обменивалась со своей спутницей поцелуями в щеку. Потом спутница пошла и смешалась с идущими по тротуару, а Мама полностью обратилась в нашу сторону. И всего на секунду ее пронизывающий взгляд перешел со спины Джози на меня, и я немедленно отвела глаза и стала смотреть вверх, на Здание РПО. Но Джози опять говорила со мной через стекло, ее голос стал потише, но слышно было.

- Ну, мне пора. Но я скоро вернусь. Еще поболтаем. - Потом сказала почти шепотом, я едва расслышала: - Ты

ведь меня дождешься, да?

Я кивнула и улыбнулась.

- Вот и отлично. Ну ладно, теперь прощаемся. Но ненадолго.

Мама тем временем подошла и стояла позади Джози. Она была черноволосая и худая, но не такая тоненькая, как Джози или некоторые из бегунов. Теперь, когда она была ближе и я могла рассмотреть лицо лучше, я подняла свою оценку ее возраста до сорока пяти. Как я говорила, я тогда хуже умела определять возраст, но потом выяснилось, что примерно так оно и есть. Вначале, на расстоянии, она показалась мне моложе, но, когда она приблизилась, я увидела глубокие складки вокруг рта и какое-то злое изнурение в глазах. И я заметила еще, что, когда Мама потянулась рукой к Джози со спины, ладонь на мгновение повисла в воздухе, чуть ли не пошла назад, прежде чем двинуться дальше и лечь на плечо дочери.

Они направились в потоке прохожих в сторону второго знака Зоны Принудительной Эвакуации, Джози шла своей осторожной походкой, Мама приобнимала ее рукой. Один раз, до того как скрыться из виду, Джози обернулась и, хотя ей пришлось нарушить ритм ходьбы, махнула мне на прощание.

* * *

Позднее в тот же день Роза сказала мне:

- Клара, странная вещь. Я всегда думала, мы увидим множество ИД и ИП на улице, когда окажемся в витрине. Тех, для кого уже нашелся дом. Но там их совсем немного. Интересно, где они.

Это помимо прочего было замечательно в Розе. Она не очень много всего примечала, и даже когда я ей что-то показывала, она не видела, что в этом особенного

или интересного. И тем не менее изредка она делилась наблюдениями вроде этого. Как только она сказала, я поняла, что тоже ожидала увидеть из витрины гораздо больше ИД и ИП, радостно сопровождающих своих подростков и даже порой идущих по каким-то их делам без них, и мне стало ясно, что, пусть и не сознавая того, я тоже была удивлена и слегка разочарована.

- Да, ты права, - сказала я, оглядывая улицу. - Вот, например, сейчас среди всех этих прохожих нет ни ИД, ни ИП.

- А вон там? Видишь, идет мимо Здания С Пожарными Лестницами?

Мы обе вгляделись, но затем одновременно покачали головами.

Хотя именно она задала этот вопрос про ИД и ИП снаружи, характерно для нее, что она вскоре потеряла к этому всякий интерес. Когда я наконец заметила тинейджера, проходящего со своим ИД мимо киоска с соками на стороне Здания РПО, она едва взглянула туда, где они шли.

Но я не переставала думать о том, что сказала Роза, и всякий раз, как все-таки видела на улице ИД или ИП, присматривалась внимательней. И вскоре обнаружила любопытную вещь: ту сторону, где Здание РПО, они неизменно выбирали чаще, чем эту. И нередко, если все же кто-то приближался к нам со своим подростком по нашему тротуару, то, миновав второй знак Зоны Принудительной Эвакуации, они переходили улицу и не шли мимо нашего магазина. А если и шли, то почти всегда эти ИД и ИП вели себя странно: ускоряли шаг и смотрели в другую сторону. Мне подумалось, что, может быть, мы - весь наш магазин - смущаем их чем-то. И подумалось, не будем ли мы с Розой, когда каждой из нас найдется дом, испытывать неловкость от напоминаний, что когда-то мы жили не с нашими подростками, а в магазине. Впрочем, как ни старалась,

я не могла представить себе, что Роза или я когда-нибудь будем чувствовать такое по отношению к магазину, Администратору и другим ИД и ИП.

Потом, пока я продолжала смотреть наружу, мне пришла на ум другая возможность: что они не смущение испытывают, а страх. Что им страшно, потому что мы – новые модели, а значит, их мальчики и девочки вскоре могут решить, что пора их выбросить и заменить такими, как мы. Вот почему они плетутся мимо так неуклюже, не желая взглянуть в нашу сторону. И вот почему так мало ИД и ИП видно из нашей витрины. Насколько мы могли судить, на следующей улице – за Зданием РПО – их было видимо-невидимо. Насколько мы могли судить, ИД и ИП снаружи делали все, чтобы выбрать любой другой маршрут, лишь бы только их мальчики и девочки не видели нас и не подходили к витрине.

С Розой я этими мыслями не делилась. Вместо этого, когда мы замечали на улице ИД или ИП, я всякий раз старалась завести разговор о том, счастливо ли ему или ей живется со своим подростком в его доме, и это неизменно радовало и волновало Розу. Она подхватила это как игру, показывала рукой и говорила: «Вон, смотри, смотри! Видишь, Клара? Этот мальчик просто влюблен в своего ИД! Смотри, как они вместе весело хохочут!»

И действительно, было множество пар, которые выглядели вполне счастливыми. Но Роза многого не улавливала. Часто, увидев идущую пару, она издавала восторженное восклицание, но я смотрела и понимала, что, пусть девочка и улыбается своему ИД, на самом деле она на него злится и, может быть, в эту самую минуту у нее в голове жестокие мысли на его счет. Я замечала такое постоянно, но ничего не говорила и позволяла Розе верить в хорошее.

На пятый наш день в витрине я увидела утром два такси, они медленно ехали по той стороне, где Здание РПО, и держались так близко друг к другу, что кто-нибудь совсем новый мог решить, будто они один автомобиль - этакое двойное такси. Потом переднее двинулось чуть быстрее и возник просвет, и я увидела через этот просвет на дальнем тротуаре девочку четырнадцати лет в рубашке с картинкой на манер комикса или мультфильма, идущую в сторону перехода. Она была без взрослых и без ИД или ИП, но выглядела уверенной в себе и слегка нетерпеливой, и из-за того, что она шла со скоростью такси, я могла некоторое время наблюдать за ней через просвет. Потом просвет между такси увеличился, и я заметила, что она все-таки не одна, а с ИД, - он следовал за ней, отстав на три шага. И даже за этот краткий промежуток времени я успела понять, что он не случайно идет вот так сзади: девочка решила, что они всегда будут так ходить - она впереди, а он в нескольких шагах за ней. Ее ИД смирился с этим, хотя люди на улице глядят на них и могут заключить, что девочка его не любит. И я увидела в походке ИД усталость и попыталась представить себе, каково это - обрести дом и при этом знать, что твой подросток тебя не жалуется. До этой пары мне не приходило на ум, что можно оказаться у подростка, который презирает тебя и хочет от тебя избавиться, но вы тем не менее продолжаете существовать вместе. Потом переднее такси, приближаясь к переходу, поехало медленнее, заднее подтянулось к нему, и я перестала видеть девочку и ее ИД. Я продолжала смотреть в надежде, что они пойдут на нашу сторону, но их не было в переходящей толпе, а противоположный тротуар заслоняли другие такси.

* * *

Я ни за что бы не захотела, чтобы в витрине со мной была не Роза, а еще кто-то, и все же время, проведенное там, выявило разницу между нами. Не в том дело, что я сильнее желала узнавать новое о происходящем снаружи: на свой лад Роза была и зоркой, и взволнованной, и она так же, как я, беспокоилась о том, чтобы как можно лучше подготовиться и стать для кого-то по-настоящему доброй и полезной ИП. Но я чем больше смотрела, тем большему хотела научиться и, в отличие от Розы, была сначала озадачена, а затем все сильнее заморожена загадочными эмоциями, которые прохожие на улице иногда проявляли. Я сознавала, что если не пойму хотя бы часть этого загадочного, то, когда придет время, не смогу помогать своему подростку так, как следовало бы. И поэтому принялась высматривать на тротуарах, в проезжающих такси, в скоплениях людей, ожидающих на переходе, признаки поведения, в котором мне надо разобраться.

Вначале я хотела подключить к этому Розу, но вскоре поняла, что толку не выйдет. Однажды, в третий наш день в витрине, когда Солнце уже зашло за Здание РПО, на нашей стороне остановились два такси и водители вышли и начали драться. Это была не первая драка у нас на глазах: когда мы были еще совсем новые, мы собрались у витрины, чтобы получше видеть, как трое полицейских дерутся с Попрошайкой и его собакой перед пустым дверным проемом. Но та драка была не злая, и Администратор потом объяснила нам, что полицейские обеспокоились из-за Попрошайки, потому что он напился пьяный, и на самом деле хотели помочь ему. Но водители двух такси вели себя не как те полицейские. Они дрались так, будто важнее всего было причинить другому как можно больше вреда. Их лица так жутко кривились, что кто-нибудь новый мог принять их вовсе даже не за людей, и все время, пока

они лупили друг друга, они выкрикивали жестокие слова. Прохожие вначале были до того поражены, что отступили от них, но затем какие-то офисные сотрудники и бегун их разняли. И хотя у одного была кровь на лице, оба сели обратно в свои такси, и все стало таким же, каким было раньше. Я даже заметила чуть погодя, что два такси – те, чьи водители только что дрались, – терпеливо ждут, одно перед другим, в одной полосе движения, чтобы загорелся зеленый свет.

Но когда я попробовала поговорить с Розой о том, что мы видели, она сказала с озадаченным видом:

– Драка? Клара, я не видела никакой драки.

– Роза, не может быть, чтобы ты не заметила. Это только что случилось прямо перед нами. Два водителя.

– А-а. Ты про таксистов! Я не поняла, что ты про них говоришь, Клара. О, их-то я видела, конечно. Но я не думаю, что они дрались.

– Роза, они конечно же дрались.

– Да нет, они притворялись. Играли просто.

– Роза, они дрались.

– Не говори глупостей, Клара! Ты странные вещи выдумываешь. Они просто играли. Им было весело, и проходим тоже.

В конце концов я просто сказала: «Может быть, ты и права, Роза», и вряд ли она потом возвращалась мысленно к этому случаю.

Но я не могла так легко забыть про водителей такси. Провожала взглядом кого-нибудь из идущих по тротуару и думала, не может ли он разозлиться так же, как они. Или пыталась представить себе, как будет выглядеть вот этот прохожий или эта прохожая, если его или ее лицо исказится от ярости. И главное – этого Роза никогда бы не поняла, – я старалась почувствовать внутри себя ту злость, какую испытывали водители. Пыталась вообразить, что мы с Розой до того разозлились одна на другую, что принялись вот так же

даться, всерьез стараясь причинить друг другу телесный вред. Нелепая идея, но я видела водителей такси и потому пыталась найти в себе начатки подобного чувства. Ничего, впрочем, из этого не выходило, и кончалось всегда тем, что я смеялась над своими мыслями.

Видели мы, однако, из своей витрины и другое – другие эмоции, я вначале их не понимала, но в конце концов все же нашла в себе подобия, пусть и такие, что, пожалуй, походили на тени на полу при свете потолочных ламп, когда витрина закрыта опущенной решеткой. Вот, например, случай с Кофейной Чашкой.

Это было через два дня после того, как в первый раз пришла Джози. Утро было наполнено дождем, и прохожие шагали сузив глаза, под зонтами и капающими шляпами. Здание РПО ливень мало изменил, разве только многие окна горели, как будто уже вечер. А на соседнем Здании С Пожарными Лестницами с левой стороны фасада появилось большое мокрое пятно, как будто с угла крыши натекающей какой-то пролившийся сок. Но потом вдруг пробилось Солнце, осветило намокшую улицу и крыши такси, и прохожие, увидев это, повалили густыми толпами, и в этой сутолоке я заметила маленького мужчину в дождевике. Он был на стороне Здания РПО, я оценила его возраст: семьдесят один год. Он махал и выкрикивал что-то, подойдя так близко к краю тротуара, что я обеспокоилась, как бы он не оказался перед движущимися такси. Случилось так, что с нами в витрине в эту минуту была Администратор – поправляла табличку перед нашей софой, – и она увидела машущего мужчину одновременно со мной. На нем был коричневый дождевик, и пояс с одной стороны свисал чуть ли не до щиколотки, но он, кажется, этого не замечал, продолжал махать и кричать кому-то на нашей стороне улицы. Перед нашим магазином образовалась

толпа прохожих, не потому что все на нас хотели смотреть, а просто тротуар в эти мгновения был так заполнен, что никто не мог двигаться. Потом что-то переменялось, толпа сделалась реже, и я увидела стоящую перед нами маленькую женщину, спиной к нам, она смотрела через четыре полосы движущихся такси на мужчину, который махал. Лица ее я не видела, но по фигуре и сутулости дала оценку: шестьдесят семь лет. Я назвала ее мысленно Кофейной Чашкой, потому что со спины она в своем толстом шерстяном пальто выглядела маленькой, широкой и закругленной в плечах, похожей на керамические кофейные чашки, стоявшие кверху доньшками на Красных Полках. Хотя мужчина продолжал махать и звать и она, безусловно, его видела, она не махала и не кричала в ответ. Она стояла в полной неподвижности и даже не пошевелилась, когда двое бегунов приблизились к ней, обежали ее каждый со своей стороны и снова соединились, шлепая спортивными туфлями по мокрому тротуару.

Потом наконец она пошла. Она направилась к переходу, к чему мужчина побуждал ее знаками, – пошла сначала медленными шагами, а затем торопливо. Там ей опять пришлось остановиться, подождать вместе с другими на светофоре, и мужчина перестал махать, но смотрел на нее таким взволнованным взглядом, что я опять встревожилась, как бы он не пошел наперерез движущимся такси. Но нет, он успокоился и направился к своему концу перехода, чтобы дождаться ее там. И когда такси остановились и Кофейная Чашка двинулась вместе со всеми через улицу, мужчина, я увидела, поднес к одному глазу кулак, как делали при мне дети в магазине, когда были чем-то расстроены. Потом Кофейная Чашка дошла до тротуара на стороне Здания РПО, и они с мужчиной обняли друг друга так крепко, что были теперь как бы

одним большим человеком, и Солнце, заметив это, стало изливаться на них Своим питанием. Лица Кофейной Чашки я по-прежнему не видела, а у мужчины были закрыты глаза, и я не была уверена: то ли он очень счастлив, то ли очень огорчен.

- Эти двое, видно, так обрадовались друг другу, - сказала Администратор. И я поняла, что она смотрела на них так же пристально, как я.

- Да, они выглядят такими счастливыми, - сказала я. - Но странно: и огорченными тоже.

- Ох, Клара, - тихо промолвила Администратор. - Ничто от тебя не ускользает.

После этого Администратор долго молчала, держа табличку в руке и глядя через улицу, - даже после того, как пара скрылась из виду. Наконец она сказала:

- Вероятно, они долго не виделись. Очень-очень долго. Вероятно, когда они в прошлый раз так обнимались, они были еще молоды.

- Вы имеете в виду, Администратор, что они потеряли друг друга?

Она еще какое-то время постояла молча.

- Да, - сказала она в конце концов. - Видимо, так. Потеряли друг друга. И вероятно, сейчас по чистой случайности встретились вновь.

Голос Администратора был не такой, как обычно, и, хотя ее глаза смотрели за витрину, мне подумалось, что она сейчас не глядит ни на что в особенности. Мне даже стало любопытно: что могут подумать люди на улице, глядя на витрину и видя, что Администратор собственной персоной так долго в ней с нами вместе.

Потом она отвернулась от стекла и, проходя около нас, дотронулась до моего плеча.

- Иногда, - сказала она, - случаются особые моменты, когда люди ощущают и радость, и боль. Мне приятно, Клара, что ты так внимательна ко всему.

Администратор ушла, и Роза тогда сказала:

- Как странно. Я не поняла - о чем это она?

- Не думай про это, Роза, - сказала я ей. - Она просто рассуждала о том, что снаружи делается.

Тут Роза заговорила о чем-то другом, но я продолжала думать про Кофейную Чашку и ее Мужчину В Дождевике и про то, что сказала Администратор. И я попыталась представить себе, что бы я почувствовала, если бы мы с Розой много времени спустя, когда для каждой из нас уже давным-давно нашелся свой дом, случайно встретились на улице. Испытала бы я тогда, как сказала Администратор, и радость, и боль?

* * *

Однажды утром в начале нашей второй недели в витрине я разговаривала с Розой о чем-то на стороне Здания РПО - и осеклась, увидев, что на тротуаре перед нами стоит Джози. Рядом с ней была ее мама. На этот раз никакого такси позади них не было, хотя, может быть, просто оно уже уехало, а я не заметила из-за группы туристов между нашей витриной и местом, где Джози с Мамой сейчас стояли. Но теперь туристы прошли, пешеходы вновь гладко текли по тротуару, и Джози смотрела на меня, сияя радостью. Когда она улыбалась, ее лицо - я опять подумала - переполняла доброта. Но подойти к витрине она пока еще не могла, потому что Мама наклонилась к ней и что-то ей говорила, держа руку на ее плече. На Маме было пальто - тонкое, темное, хорошего уровня, - и оно шевелилось на ветру вокруг ее тела, поэтому на мгновение она напомнила мне одну из тех темных птиц, что сидят на высоких уличных знаках даже когда ветер дует неистово. И Джози, и Мама, разговаривая, глядели прямо на меня, и я видела, что Джози не терпит подойти, но Мама не отпускала ее, не переставала что-

то ей объяснять. Я знала, что мне полагается все равно смотреть на Здание РПО, как смотрит Роза, но невольно я поглядывала на них украдкой – уж очень меня беспокоило, что они скроются в толпе.

Наконец Мама выпрямилась, и, хотя она продолжала на меня смотреть, меняя наклон головы всякий раз, как прохожий заслонял ей вид, она убрала руку, и Джози двинулась вперед своей осторожной походкой. Меня ободрило, что Мама позволила Джози подойти одной, но Мамин взгляд, которого она ни разу не смягчила и не отвела, и само то, как она там стояла, скрестив руки на груди и ухватившись пальцами за ткань пальто, наводили меня на мысль о множестве сигналов, которых я еще не научилась понимать. Тем временем Джози встала передо мной по ту сторону стекла.

– Привет! Как делишки?

Я улыбнулась, кивнула и подняла большой палец – этот жест мне не раз встречался в интересных журналах.

– Прости, раньше не могла, – сказала она. – Прошло, кажется... сколько?

Я подняла три пальца и добавила полпальца другой руки.

– Долго, – сказала она. – Прости меня. Скучала?

Я кивнула и сделала печальное лицо, но постаралась показать, что это не серьезно, что на самом деле я не была огорчена.

– Я тоже по тебе скучала. Я правда думала, что раньше получится. Ты, наверно, решила, что я уже всё. Прошу прощения, честно. – Потом ее улыбка ослабла, и она сказала: – Тут, наверно, уйма парней и девчонок побывала, все смотрели на тебя.

Я покачала головой, но Джози это, кажется, не убедило. Она обернулась бросить взгляд на Маму – не для большей уверенности, а узнать, не подошла ли она ближе. Потом, понизив голос, Джози сказала:

- У мамы чудной вид, я знаю: смотрит и смотрит. Это потому, что я ей сказала про тебя. Говорю, вот кого я выбрала, вот кто мне нужен, и теперь она тебя изучает. Прости, пожалуйста. - Мне показалось, в ней, как в тот раз, проглянула грусть. - Поедешь к нам, а? Если мама одобрит, и все такое.

Я ободряюще кивнула. Но в ее лице оставалась неуверенность.

- Потому что я не хочу, чтобы ты ехала против воли. Так будет нечестно. Мне очень хочется, чтобы ты приехала, но если ты скажешь: нет, Джози, я не желаю, то я скажу маме: ладно, жаль, но ничего с ней не вышло. Но ты хочешь к нам, да?

Я опять кивнула, и на этот раз Джози, кажется, поверила.

- Прекрасно! - Улыбка вернулась на ее лицо. - Тебе у нас понравится, уж я для этого постараюсь. - Она вновь оглянулась, теперь с торжествующим видом. - Мама! Вот, она говорит, что хочет ко мне!

Мама кивнула маленьким кивком, но другого ответа не дала. Она все еще вглядывалась в меня, пальцы крепко защемили ткань. Когда Джози повернулась ко мне обратно, лицо девочки снова было омрачено.

- Послушай, - начала она, но умолкла на несколько секунд. Потом сказала: - Так здорово, что ты к нам хочешь. Но я хочу, чтобы с самого начала все между нами было ясно, поэтому вот что. Не волнуйся, мама не слышит. Ну так вот. Я думаю, тебе понравится у нас дома. Я думаю, ты полюбишь мою комнату, ты в ней будешь жить, а не в шкафу каком-нибудь. И мы всякие дела замечательные будем с тобой делать, пока я буду взрослеть. Но только дело в том, что иногда, ну... - Она опять быстро оглянулась и, еще понизив голос, сказала: - Может быть, все это из-за того, что бывают дни, когда я не так хорошо себя чувствую. Не знаю. В общем, что-то иногда может быть такое... точно не

понимаю что. Не уверена даже, что плохое. Но бывает так, что у нас становится, ну, необычно. Нет, ты не думай, большую часть времени ты не будешь ничего такого чувствовать. Но я хотела с тобой начистоту. Потому что ты ведь знаешь, как иногда паршиво бывает: люди уверяют, что все будет распрекрасно, а на самом деле ничего подобного. Вот почему я сейчас тебе говорю. Пожалуйста, скажи мне, что все равно хочешь к нам. Моя комната тебе очень-очень полюбится, я точно знаю. И ты увидишь, куда Солнце опускается, я в прошлый раз тебе говорила. Хочешь к нам все равно, а?

Я кивнула ей из-за своего стекла так серьезно, как только могла. И хотела дать ей понять, что если в ее доме придется столкнуться с чем-то трудным, с чем-то пугающим, то мы будем преодолевать это вместе. Но я не знала, как передать такую сложную мысль через стекло без слов, поэтому я сцепила ладони, подняла их и слегка ими покачала – этим жестом, я видела раньше, один водитель изнутри своего движущегося такси ответил кому-то, кто помахал ему с тротуара, хоть водителю и пришлось для этого снять обе руки с руля. Как бы Джози этот мой жест ни истолковала, вид у нее стал радостный.

– Спасибо тебе большое, – сказала она. – Нет, ты не думай. Может быть, и вовсе нет ничего плохого. Может быть, я зря что-то навоображала...

В этот момент Мама окликнула Джози и двинулась в нашу сторону, но на пути у нее были туристы, и Джози успела быстро сказать:

– Я совсем-совсем скоро вернусь. Обещаю. Завтра, если получится. Пока, совсем ненадолго.

* * *

Джози не пришла ни на следующий день, ни еще на следующий. Потом, в середине второй недели, наше время в витрине закончилось.

Все эти дни мы получали от Администратора много теплой поддержки. Каждое утро, когда мы готовились на Полосатой Софе и ждали, чтобы поднялась решетка, она говорила примерно такие слова: «Вы обе вчера были чудо как хороши. Постарайтесь, чтобы и сегодня было не хуже». А в конце каждого дня она улыбалась нам: «Отлично справились обе. Я вами очень горда». Поэтому мне никогда не приходило на ум, что мы могли в чем-то оплошать, и когда в наш последний день решетка опустилась, я ожидала, что Администратор опять нас похвалит. И меня удивило, что, заперев решетку, она просто отошла, не подождав нас. Роза посмотрела на меня озадаченно, и несколько секунд мы продолжали сидеть на Полосатой Софе. Но из-за опущенной решетки мы были в почти полной темноте, поэтому через некоторое время мы встали и сошли с возвышения.

Торговый зал был перед нами, и я видела все вплоть до Стеклянного Стола в глубине, но пространство разбилось на десять прямоугольных секций, так что теперь передо мной не было единой цельной картины. Передняя ниша, как и следовало ожидать, была в крайней правой секции; но журнальный стол, который находился рядом с передней нишей, разделился между разными секциями, так что одна часть стола даже виднелась в крайней секции слева. Свет в магазине был уже пригашен, и в нескольких секциях на заднем плане я видела других ИД и ИП, они готовились ко сну вдоль стен в середине зала. Но мое внимание притягивали три центральные секции – в тот момент между ними был разделен облик Администратора, которая как раз поворачивалась к нам. В одной секции она была видна только от талии до верха шеи, а соседнюю почти

целиком занимали ее глаза. Ближний к нам глаз был гораздо больше второго, но оба были полны доброты и печали. Однако в третьей секции, которая показывала часть подбородка и почти весь рот, я увидела злость и досаду. Потом Администратор повернулась совсем и пошла к нам, и вид магазина опять стал цельным.

- Спасибо вам обеим, - сказала она и, протянув руку, мягко дотронулась до нас по очереди. - Спасибо огромное.

И все равно что-то, я чувствовала, изменилось: чем-то мы разочаровали ее.

* * *

После этого начался наш второй период в средней части магазина. Мы с Розой по-прежнему часто были вместе, но Администратор теперь меняла наше расположение, и я могла провести день, стоя около ИД Рекса или ИП Кику. Большинство дней, однако, я проводила там, откуда была видна часть витрины и улица за ней, поэтому могла и дальше узнавать новое про наружные дела. Например, когда появилась КОТЭ-машина, я была на той стороне, где журнальный стол, прямо перед центральной нишей, и мне было почти так же хорошо видно, как если бы я все еще сидела в витрине.

Уже за несколько дней стало ясно, что КОТЭ-машина - это будет что-то особенное. Вначале, чтобы все для нее подготовить, пришли ремонтные люди, они огородили часть улицы деревянными барьерами. Водителям такси это очень не понравилось, их громкие гудки звучали не переставая. Потом ремонтные люди начали долбить и взламывать поверхность улицы и даже участки тротуара, чем испугали двоих ИД в витрине. Когда шум сделался просто ужасным, Роза

поднесла ладони к ушам и оставила их там, хотя в магазине были покупатели. Администратор извинялась перед каждым, кто к нам входил, хотя шум был не из-за нас. Один покупатель начал говорить про Загрязнение и, показывая на ремонтных людей снаружи, сказал, что Загрязнение опасно для всех. Поэтому, когда приехала КОТЭ-машина, я подумала, что это, наверное, машина, которая борется с Загрязнением, но ИД Рекс сказал – нет, она предназначена его усиливать. Я сказала ему, что не верю, а он мне на это ответил: «Подожди, Клара, сама увидишь».

Он, конечно, оказался прав. КОТЭ-машина – я мысленно назвала ее так, потому что на ее боку было большими буквами написано «КОТЭ», – начала с завывания на высокой ноте. Это было далеко не так плохо, как долбежка, и не хуже, чем пылесос Администратора. Но из ее крыши торчали три короткие трубы, и из них пошел дым. Вначале он вылетал маленькими белыми клубами, но затем потемнел и стал подниматься не отдельными сгустками, а одной плотной тучей без просвета.

Когда я взглянула в следующий раз, улица была разделена на несколько вертикальных блоков – со своего места я, не наклоняясь вперед, вполне отчетливо видела три из них. Густота темного дыма в разных блоках казалась разной, можно было подумать, что предлагаются на выбор контрастирующие оттенки серого. Но даже там, где дым стоял плотнее всего, я все равно различала много подробностей. В одном блоке, например, был кусок деревянного барьера ремонтных людей и была, как бы прикрепленная сейчас к барьеру, передняя часть такси. В соседнем блоке, косо срезая его верхний угол, виднелся металлический прут, в котором я узнала деталь одного из высоких уличных знаков. И, вглядываясь, я даже могла различить часть темного силуэта сидящей на нем птицы. В какой-то

момент я увидела бегуна, и когда он переместился из одного блока в другой, изменились и величина фигуры, и направление движения. А потом Загрязнение до того ухудшилось, что даже со стороны журнального стола я больше не видела небесного промежутка, и сама витрина, которую стекольные люди так гордо очищали для Администратора, покрылась грязными точками.

Мне очень жалко стало двоих ИД, которые так долго ждали своей очереди в витрине. Они продолжали там сидеть в хороших позах, но я увидела, как один из них не выдержал и закрыл лицо локтем, как будто Загрязнение могло проникнуть через стекло. Администратор тогда поднялась на возвышение и зашептала ему на ухо что-то успокаивающее, но, когда она наконец сошла вниз и начала поправлять браслеты в Передвижной Витрине, я увидела, что она тоже расстроена. Я подумала, что она, может быть, даже выйдет наружу разговаривать с ремонтными людьми, но тут она заметила нас, улыбнулась и сказала:

- Пожалуйста, послушайте все. Да, это неприятно, но волноваться не о чем. Несколько дней потерпеть, и все будет позади.

Но прошел день, за ним еще день, а КОТЭ-машина все не унималась, и день сделался почти как ночь. Один раз я принялась искать на нашем полу, в нишах и на стенах Солнечные фигуры, но их больше там не было. Солнце, я знала, старалось изо всех сил, и ближе к вечеру второго скверного дня, пусть даже дым стал еще гуще, Его фигуры снова появились, хоть и очень бледные. Я обеспокоилась и спросила Администратора, будем ли мы получать все нужное питание, но она ответила со смехом:

- Этот ужас тут уже был несколько раз, и никто в магазине не пострадал. Так что перестань об этом думать, Клара.

И все-таки после четырех дней непрерывного Загрязнения я почувствовала, что слабею. Я старалась этого не показывать, особенно при покупателях. Но – возможно, из-за КОТЭ-машины – в магазине теперь подолгу не было покупателей вовсе, и я иногда позволяла себе поникнуть телом, так что ИД Рексу приходилось трогать мою руку, чтобы я опять встала прямо.

Потом однажды утром поднялась решетка, и не только КОТЭ-машины, но и всего огороженного участка уже не было. Загрязнение тоже ушло, небесный промежуток вернулся и сиял голубизной, и Солнце вливало в магазин Свое питание. Такси вновь ехали гладко, водители были счастливы. Даже бегуны пробегали с улыбками. Все время, пока тут была КОТЭ-машина, я беспокоилась, что Джози, может быть, пытается прийти в магазин, но Загрязнение ей мешает. Теперь, однако, с этим было покончено, и настроение в магазине и снаружи стало таким приподнятым, что у меня возникло чувство: если Джози вернется, то сегодня. Но во второй половине дня я осознала, что эта идея ни на чем не основана. Я перестала высматривать Джози на улице и сосредоточилась вместо этого на том, чтобы узнать побольше о наружных делах.

* * *

Через два дня после того, как КОТЭ-машина уехала, в магазин пришла девочка с короткими волосами торчком. Двенадцать с половиной лет – так я оценила. Тем утром она была, как бегуны, в ярко-зеленой маечке, ее тоненькие руки были оголены до самых плеч. Она пришла с отцом, одетым в повседневный офисный костюм очень хорошего уровня, и поначалу, пока они бессистемно ходили и все рассматривали,

разговаривали они мало. Я сразу заметила, что девочка заинтересовалась мной, хотя она всего лишь бегло на меня взглянула, прежде чем вернуться в переднюю часть магазина. Через минуту, однако, пришла обратно и сделала вид, будто поглощена браслетами в Передвижной Витрине, позади которой я стояла. Потом огляделась, чтобы убедиться, что ни ее отец, ни Администратор на нее не смотрят, и ради пробы приналегла на витрину туловищем, из-за чего она чуть-чуть сдвинулась на колесиках. Делая это, девочка посмотрела на меня с легкой улыбкой, как будто перемещение витрины – наш с ней особый секрет. Затем она, потянув витрину на себя, вернула ее на прежнее место и позвала: «Папа!» Он не отозвался – поглощенно рассматривал пару, сидевшую на Стеклянном Столе в глубине магазина, – и тогда девочка бросила на меня последний взгляд и отправилась к нему. Они начали переговариваться тихим шепотом, постоянно поглядывая в мою сторону, – не было сомнений, что обсуждали меня. Администратор, заметив это, поднялась из-за своего стола, подошла и встала недалеко от меня, сцепив руки перед собой.

В конце концов после долгих перешептываний девочка двинулась обратно, миновала Администратора и оказалась со мной лицом к лицу. Потрогала по очереди мои локти, затем взялась правой рукой за мою левую ладонь и держала ее, разглядывая мое лицо. Глаза смотрели строго, но я ощутила пожатие руки, оно было мягким, нежным, и я поняла, что это задумано как еще один наш маленький секрет. Но я ей не улыбалась. Безучастно смотрела поверх ее шипастой головы на Красные Полки на противоположной стене, в особенности на ряд керамических кофейных чашек, выставленных кверху дном на третьем ярусе. Девочка пожала мне ладонь еще дважды, во второй раз уже не так нежно, но я не опускала на нее глаз и не улыбалась.

Отец между тем подошел ближе, ступая мягко – видимо, чтобы не нарушить особый момент. Администратор тоже придвинулась к нам и стояла теперь прямо позади отца. Я примечала все это, но не сводила глаз с Красных Полок и керамических кофейных чашек, а моя рука, которую девочка держала, была расслаблена, так что, если бы она ее отпустила, рука просто упала бы вниз.

Я все отчетливей сознавала, что Администратор смотрит на меня. Потом услышала ее слова:

– Клара великолепна. Она одна из наших лучших. Но, может быть, юной леди интересно будет взглянуть на новых БЗ, которых мы только что получили.

– БЗ? – Голос отца прозвучал взволнованно. – Они у вас уже есть?

– У нас эксклюзивные отношения с поставщиками. БЗ только что прибыли и еще не прошли настройку. Но я с удовольствием их вам покажу.

Девочка с торчащими волосами пожала мне ладонь еще раз.

– Но, папа, я хочу эту. Она как раз такая.

– Но у них уже есть новые БЗ, радость моя. Не хочешь просто сходить и взглянуть? Ни у кого из твоих знакомых нет этой модели.

Долгая пауза, затем девочка отпустила мою руку. Я позволила руке упасть и продолжала смотреть на Красные Полки.

– Что это за новые БЗ, что в них особенного? – спросила девочка, отходя от меня к отцу.

Пока девочка держала мою руку, я не думала про Розу, но теперь я о ней вспомнила – она стояла слева от меня и глядела на меня с изумлением. Я хотела посмотреть на нее так, чтобы она отвела глаза, но решила, что буду продолжать разглядывать Красные Полки, пока девочка, ее отец и Администратор не уйдут в дальнюю часть зала. Я услышала, как отец смеется из-

за каких-то слов Администратора, а затем, когда наконец посмотрела им вслед, то увидела, что Администратор открывает дверь Только Для Персонала в самой глубине магазина.

- Прошу вашего извинения, - говорила она при этом. - Тут не очень-то прибрано.

- Нам повезло, это привилегия, что нас сюда пускают, - сказал отец девочки. - Верно говорю, радость моя?

Они вошли, дверь за ними закрылась, и я уже не могла расслышать их слов, хотя один раз до меня донесся смех девочки с шипастой прической.

Дальше было занятое утро. Пока Администратор с отцом девочки оформляли заказ на доставку нового БЗ, пришли другие покупатели. Поэтому только после полудня, когда наконец настало затишье, Администратор подошла ко мне.

- Клара, ты меня удивила сегодня утром, - сказала она. - От тебя уж никак не ожидала.

- Простите меня, Администратор.

- Что на тебя нашло? Совсем была на себя не похожа.

- Мне очень жаль, Администратор. Я не хотела причинять затруднений. Просто мне показалось, что для этой девочки я, возможно, не лучший выбор.

Администратор продолжала смотреть на меня.

- Может быть, ты и права, - сказала она в конце концов. - Я верю, что девочка будет рада и счастлива со своим новым БЗ. И все равно, Клара, я была очень удивлена.

- Мне очень жаль, Администратор.

- В этот раз я тебя поддержала. Но больше такого не будет. Покупатель выбирает себе ИД или ИП, а вовсе не наоборот.

- Я понимаю, Администратор. - Затем я тихо сказала: - Спасибо вам, Администратор, за то, что вы

сегодня сделали.

- Все хорошо, Клара. Но помни: больше такого не будет.

Она двинулась было от меня, но повернулась и пошла обратно.

- Ведь не может же быть так, Клара? Что ты поверила в какую-то будто бы договоренность?

Я подумала, что Администратор сейчас отчитает меня, как отчитала однажды двоих ИД за то, что они смеялись в витрине над Попрошайкой. Но она положила руку мне на плечо и сказала более тихим голосом, чем раньше:

- Позволь мне объяснить тебе кое-что, Клара. Подростки дают обещания постоянно. Подходят к витрине и кучу всего обещают. Говорят, что непременно вернуться, просят ждать и никому другому не даваться. Постоянно такое происходит. Но чаще всего подросток так и не возвращается. Или хуже: возвращается и, не обращая внимания на бедняжку, которая ждала, выбирает себе другую. Уж такие они, подростки. Клара, ты за многим наблюдаешь, многому учишься. Что ж, вот тебе еще один урок. Поняла меня?

- Да, Администратор.

- Хорошо. И давай на этом поставим точку.

Она дотронулась до моей руки и отвернулась.

* * *

Новые БЗ - три ИД - вскоре прошли настройку и заняли свои места. Двое отправились прямо в витрину, где появилась большая новая табличка, третьему дали переднюю нишу. Четвертый БЗ, разумеется, был уже куплен девочкой с торчащими волосами и отправлен, никто из нас с ним не встречался.

Мы с Розой остались в середине зала, но после появления новых БЗ нас переместили к Красным Полкам. После того как окончилась наша очередь в витрине, у Розы вошло в привычку повторять то, что нам говорила Администратор: что каждое место в магазине хорошее и что нас с таким же успехом могут выбрать в средней части, как в витрине или в передней нише. Что ж, в случае Розы это подтвердилось.

В том, как день начался, ничто не предвещало такого крупного события. Точно так же проезжали такси и шли пешеходы, точно так же поднялась решетка, точно так же с нами поздоровалась Администратор. Но к вечеру Роза была куплена и исчезла за дверью Только Для Персонала, где ее стали готовить к отправке. Мне думается, я всегда считала, что перед тем, как ей или мне придет пора первой покинуть магазин, у нас будет много времени, чтобы все обговорить. Но все произошло очень быстро. Я мало что полезного успела узнать про мальчика и его маму, которые пришли и выбрали ее. И как только они покинули магазин и Администратор подтвердила, что Розу купили, она сделалась до того возбуждена, что никакого серьезного разговора с ней получиться не могло. Я хотела пройтись по многому, о чем ей не следовало забывать, чтобы быть хорошей ИП, хотела напомнить ей, чему нас учила Администратор, и разъяснить ей все, что узнала про наружные дела. Но она ни на чем не могла остановиться, перескакивала с одного на другое. Высокий будет потолок у мальчика в комнате? Какого цвета у его семьи машина? Доведется ли ей увидеть море? Будут ли ей поручать собирать корзину для пикника? Я пыталась напомнить ей про Солнечное питание, про то, насколько оно важно, и вслух задалась вопросом, легко ли Солнцу заглядывать в комнату, где она будет жить, но Розе было неинтересно. Затем неожиданно для нас Розе настало

время идти в заднюю комнату, и я увидела, как она в последний раз улыбается мне через плечо, перед тем как исчезнуть за дверью.

* * *

После того как Розу отправили, я осталась в середине зала. Двоих БЗ в витрине купили с разницей в один день, ИД Рексу тоже нашелся дом примерно в это время. Вскоре появились три новых БЗ – опять ИД, – и Администратор поместила их почти точно напротив меня, на стороне журнального стола, рядом с двумя ИД старой серии. Между мной и этой группой была Передвижная Витрина, поэтому я мало с ними переговаривалась. Но времени, чтобы наблюдать за ними, было вдоволь, и я увидела, до чего приветливы старшие ИД, они давали новым БЗ всевозможные полезные советы. Так что я предположила, что они хорошо поладили. Но потом начала замечать странное. Скажем, в течение утра трое БЗ могли мало-помалу отодвигаться от двоих старших ИД. Иногда делали крохотные шажочки в сторону; или один из БЗ проявлял интерес к чему-то за витриной, отходил посмотреть и возвращался немного не на то место, которое ему отвела Администратор. Четыре дня спустя уже не могло быть сомнений: трое новых БЗ нарочно отодвигаются от старших ИД, чтобы, когда приходят покупатели, выглядеть отдельной группой. Поначалу я не могла этому поверить – что ИД, и тем более ИД, тщательно отобранные Администратором, способны так себя вести. Я пожалела старших ИД, но потом поняла, что они ничего не заметили. И еще я вскоре обратила внимание, а они нет, что БЗ, стоит кому-нибудь из старших ИД взяться что-нибудь им объяснять, обмениваются хитроватыми взглядами и знаками. Говорили, что новые

БЗ отличаются всевозможными усовершенствованиями. Но как они могут быть хорошими ИД для своих подростков, если их ум изобретает такие идеи? Будь со мной Роза, я бы обсудила с ней то, что увидела, но ее, конечно, уже отправили.

* * *

Однажды днем, когда Солнце заглядывало в зал до самого его конца, Администратор подошла ко мне и сказала:

- Клара, я решила снова дать тебе время в витрине. На этот раз будешь одна, но я знаю, что ты не против. Ведь тебе так всегда интересно, что делается снаружи.

Я была до того удивлена, что только смотрела на нее и ничего не говорила.

- Милая Клара, - сказала Администратор. - А я всегда из-за Розы тревожилась. Ты не обеспокоена, нет? Ты не должна беспокоиться. Тебе непременно найдется дом, уж я об этом позабочусь.

- Нет, я не обеспокоена, Администратор, - ответила я и едва не сказала ей про Джози, но вовремя остановила себя, вспомнив наш разговор после того, как приходила девочка с торчащими волосами.

- Значит, с завтрашнего дня, - сказала Администратор. - Всего на шесть дней. И я назначаю тебе специальную цену. Не забывай, Клара, тебе опять поручено представлять наш магазин. Поэтому постарайся, пожалуйста.

Мое второе пребывание в витрине отличалось от первого, и не только тем, что со мной не было Розы. Улица была так же полна жизни, как раньше, но я почувствовала, что мне надо делать большее усилие, чтобы увиденное взволновало меня. Иногда такси замедляло ход, прохожий наклонялся поговорить с

водителем, и я пыталась угадать, друзья они или враги. Еще я смотрела на маленькие фигуры людей, движущихся в окнах Здания РПО, и пыталась понять, какой в их перемещениях смысл, и представить, что человек делал перед тем, как появился в прямоугольнике окна, и что будет делать потом.

Самым важным, что я увидела, когда второй раз сидела в витрине, было случившееся с Попрошкой и его собакой. Это было на четвертый день, когда после полудня сделалось так серо, что некоторые такси зажгли свои огоньки: я заметила, что Попрошки нет на его обычном месте в пустом дверном проеме между РПО и Зданием С Пожарными Лестницами, откуда он всегда приветствовал проходящих. Поначалу я не придавала этому значения, потому что Попрошка часто отходил, иной раз надолго. Но потом посмотрела еще раз через улицу и поняла, что все-таки он тут, как и его собака; я потому их не сразу увидела, что они лежали на земле. Они притиснулись к пустому дверному проему, чтобы не мешать прохожим, поэтому с нашей стороны их можно было принять за мешки, которые иногда оставляют городские рабочие. Но теперь я стала присматриваться сквозь промежутки между пешеходами и увидела, что Попрошка не шевелится, как и собака в его объятиях. Иной раз прохожий это замечал и приостанавливался, но потом шел дальше. В конце концов Солнце почти зашло за Здание РПО, а Попрошка и собака лежали точно так же, как весь день, и стало ясно, что они умерли, хотя прохожие об этом не знали. Мне сделалось от этого печально, хотя хорошо все-таки было то, что они умерли вместе, прижимаясь друг к другу и стараясь оказать друг другу помощь. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь обратил внимание и их забрали куда-нибудь в лучшее место, в более тихое, и я думала, не сказать ли Администратору. Но, когда настало время мне выходить из витрины на

ночь, у нее был такой утомленный и серьезный вид, что я решила ничего не говорить.

На следующее утро решетка поднялась, и день оказался чудесным. Солнце изливало Свое питание на улицу и здания, и когда я посмотрела туда, где умерли Попрошайка и его собака, то увидела, что они вовсе не умерли, что особое Солнечное питание их спасло. На ноги Попрошайка еще не встал, но он улыбался сидя, спиной он прислонился к пустому дверному проему, одну ногу вытянул, другую согнул, чтобы рука могла покоиться на колене. А свободной рукой он ласкал шею собаки, которая тоже вернулась к жизни и смотрела из стороны в сторону на идущих людей. Они оба жадно вбирали в себя особое питание Солнца и делались сильнее с каждой минутой, и я видела, что скоро – может быть, даже сегодня днем – Попрошайка снова будет на ногах и примется, как обычно, весело перебрасываться словами с прохожими, стоя в пустом дверном проеме.

Вскоре мои шесть дней подошли к концу, и Администратор сказала мне, что я оказала магазину огромную услугу. Пока я была в витрине, продолжила она, количество заходящих было выше среднего, и я была очень рада это услышать. Я поблагодарила ее за этот второй раз, она в ответ улыбнулась и сказала, что ждать мне, она уверена, теперь осталось недолго.

* * *

Через десять дней меня переместили в заднюю нишу. Администратор, зная, как я люблю смотреть наружу, заверила меня, что это всего на несколько дней, а потом я смогу вернуться в середину зала. В любом случае, сказала она, задняя ниша – очень хорошее место, и мне там в самом деле оказалось

совсем не плохо. Мне всегда нравились две ИП, которые сейчас сидели на Стеклянном Столе у задней стены, и я теперь была к ним достаточно близко, чтобы подолгу переговариваться, когда нет покупателей. Задняя ниша, однако, находилась за аркой, поэтому оттуда не только не было возможности выглянуть на улицу, но даже и передняя часть магазина была плохо видна. Чтобы увидеть только что вошедших посетителей, мне надо было сильно наклониться, потому что мешал боковой выступ арки, и даже тогда - и даже если сделать несколько шагов - вид все равно загораживали серебряные вазы на журнальном столе и БЗ, стоявшие в середине зала. С другой стороны, может быть, потому, что мы были дальше от улицы, или потому, что потолок в глубине магазина был скошен книзу, звуки я слышала отчетливей. Вот почему я только по шагам, задолго до того, как она что-то сказала, поняла, что в магазин пришла Джози.

- Зачем там у них были все эти духи? Я чуть не задохнулась.

- Мыло, Джози, - прозвучал голос Мама. - Не духи. Мыло ручной работы, очень качественное.

- Не тот был магазин. Здесь тот самый. Я тебе говорила, мама. - Послышались ее осторожные шаги по полу. Потом она сказала: - Да, тот самый магазин, точно. Но ее уже тут нет.

Я сделала три маленьких шага вперед и увидела между серебряными вазами и БЗ Маму - она смотрела на что-то заслоненное от меня. Ее лицо было мне видно только сбоку, но она выглядела еще более уставшей, чем в тот раз на тротуаре, когда напомнила мне одну из высоко сидящих птиц на ветру. Я догадалась, что она смотрит на Джози - и что Джози разглядывает новую БЗ в передней нише.

Долгое время ничего не происходило. Потом Мама спросила:

- Ну, Джози, что ты думаешь?

Джози не отвечала, и я услышала шаги Администратора. Я ощущала теперь ту особую тишину в магазине, что наступает, когда все ИД и ИП прислушиваются: произойдет ли покупка?

- Сунь И - конечно, БЗ, - сказала Администратор. - Одна из самых безупречных, какие мне встречались.

Мне видно было теперь плечо Администратора, но Джози я по-прежнему не видела. Потом раздался ее голос:

- Ты просто фантастическая, Сунь И. Так что, пожалуйста, не пойми неправильно. Просто...

Она не договорила, опять зазвучали ее осторожные шаги, и тут в первый раз я ее увидела. Джози водила взглядом по всему магазину.

Мама сказала:

- Я слышала, что у этих новых БЗ очень хорошие когнитивные способности и память. Но якобы они иногда менее эмпатичны.

Администратор издала звук, в котором слышались и вздох, и смех.

- В самом начале, возможно, два-три из них были сочтены чуточку непокладистыми. Но я могу решительно вас заверить: Сунь И подобных трудностей не вызовет.

- Вы не будете возражать, - спросила Мама, - если я обращусь к Сунь И непосредственно? Я хотела бы задать ей несколько вопросов.

- Но, мама, - вмешалась Джози, теперь она опять не была мне видна, - зачем? Сунь И замечательная, я знаю. Но я не ее хочу.

- Мы не можем искать вечно, Джози.

- Но это тот самый магазин, точно тебе говорю, мама. Она была здесь. Думаю, мы опоздали, вот и все.

Неудачно вышло, что Джози появилась именно тогда, когда я была в глубине магазина. И все равно я

не сомневалась, что рано или поздно она придет в мою часть зала и увидит меня, и это была одна из причин, по которым я оставалась на месте и не издавала ни звука. Но пожалуй, была и другая причина. Потому что почти в ту же секунду, что и радость из-за ее прихода в магазин, я почувствовала страх – страх, связанный с тем, что сказала мне в тот день Администратор про подростков, которые обещают, но не приходят, а если приходят, то не обращают внимания на того или ту, кому обещали, и выбирают себе кого-то еще. Может быть, именно поэтому я продолжала ждать молча.

Потом опять раздался голос Администратора, и теперь в нем звучало что-то новое.

– Прошу прощения, мисс. Я правильно понимаю, что вы ищете определенную ИП? Которую когда-то здесь видели.

– Да, мэ. Она у вас в витрине раньше сидела. Милая такая и очень умная. На француженку была похожа. Волосы короткие, темные, и вся одежда, типа, темная такая, а глаза ну очень добрые, и умная-умная.

– Мне кажется, я догадываюсь, о ком вы говорите, – сказала Администратор. – Позвольте, мисс, я вас провожу, посмотрим.

Только теперь я выдвинулась на более видное место. Я все утро была вне Солнечных фигур, но сейчас, как раз когда Администратор и Джози следом за ней подошли к арке, я вступила в два ярких пересекающихся прямоугольника. Когда Джози меня увидела, ее лицо наполнилось радостью, и она ускорила шаг.

– Ты еще здесь!

Она еще больше похудела. Шла все той же неуверенной походкой, и мне показалось, что хочет меня обнять, но в последний момент она остановилась и посмотрела мне в глаза.

- Обалдеть! Я в самом деле думала, тебя уже тут нет!

- Как меня могло тут не быть? - тихо сказала я. - Мы же обещали друг другу.

- Да, - сказала Джози. - Да, вроде как обещали. А я вроде как нарушила. В смысле - тем, что долго не приходила.

Я улыбалась ей, а она крикнула через плечо:

- Мама! Вот она! Которую я искала!

Мама медленно подошла к арке и там остановилась. И какое-то время все три смотрели на меня: Джози впереди, она вся сияла; Администратор чуть дальше, она тоже улыбалась, но в ее взгляде была осторожность, в которой я увидела важный сигнал от нее; а еще дальше Мама, она сощурила глаза, как люди на тротуаре, когда им хочется понять, свободно такси или занято. И когда я ее увидела, когда увидела, как она на меня смотрит, страх - который почти исчез, когда Джози крикнула: «Ты еще здесь!» - вернулся.

- Я не хотела так долго, - говорила мне Джози. - Но я немножко заболела. А сейчас выздоровела, все хорошо. - Потом она обернулась: - Мама! Можно мы ее прямо сейчас купим? А то кто-нибудь придет и заберет ее до нас!

Стало тихо, а потом Мама негромко сказала:

- Это не Б3, насколько я понимаю.

- Клара - Б2, - сказала Администратор. - Из четвертой серии, непревзойденной - есть такое мнение.

- Но не Б3.

- В Б3 много всего чудесного, новаторского. Но у ряда покупателей возникло ощущение, что для мальчика или девочки определенного склада Б2 высшей категории - все-таки наилучший вариант.

- Понимаю.

- Мама. Я Клару хочу. Больше никого.

- Одну минутку, Джози. - Она обратилась к Администратору: - Каждый Искусственный Друг и каждая Искусственная Подруга уникальны, правильно?

- Да, это так, мэм. Тем более на этом уровне.

- И в чем состоит уникальность этой... Клары?

- У Клары так много уникальных качеств, что я могла бы их перечислять все утро. Но если бы меня попросили выделить из них одно, то я бы назвала стремление наблюдать и познавать. Ее способность впитывать и усваивать все, что она видит вокруг себя, просто поразительна. В результате она сейчас понимает окружающее лучше и тоньше, чем любой ИД и любая ИП в этом магазине, не исключая БЗ.

- Да что вы говорите!

Мама вновь смотрела на меня прищуренными глазами. Затем сделала еще три шага в мою сторону.

- Вы не против, если я задам ей несколько вопросов?

- Пожалуйста.

- Мама, прошу тебя...

- Извини меня, Джози. Просто постой тут чуть-чуть, а я поговорю с Klarой.

Теперь Мама и я были лицом к лицу, и хотя я старалась по-прежнему улыбаться, это давалось мне нелегко, и, может быть, у меня даже не получилось скрыть свой страх.

- Клара, - сказала Мама. - Я прошу тебя не смотреть сейчас на Джози. И скажи мне теперь, не глядя. Какого цвета у нее глаза?

- Серые, мэм.

- Хорошо. Джози, тебя я попрошу не произносить ни слова. Итак, Клара. Голос моей дочери. Ты слышала, как она сейчас говорила. Как бы ты определила тон ее голоса?

- Ее разговорный диапазон - между ля-бемоль над средним до и до следующей октавы.

- Вот как, надо же...

Опять стало тихо, а потом Мама сказала:

- Последний вопрос, Клара. Что ты заметила в походке моей дочери?

- Возможно, имеется слабость в левом бедре. И правое плечо может давать болезненные ощущения, поэтому Джози ходит так, чтобы оберегать его от резких движений и ненужных столкновений.

Мама обдумала мой ответ. Затем сказала:

- Ну что ж, Клара. Раз ты, получается, так много про это знаешь. Воспроизведи мне, пожалуйста, походку Джози. Сделаешь это для меня? Прямо сейчас. Покажи мне, как моя дочь идет.

Позади нее Администратор, я увидела, открыла было рот, как будто хотела что-то сказать. Но ничего не сказала. Встретившись со мной взглядом, еле заметно кивнула.

И я пошла. Я отдавала себе отчет, что помимо Мамы - и, конечно, Джози - весь магазин сейчас смотрит и слушает. Я вступила под арку, туда, где по полу протянулись Солнечные фигуры. Потом направилась к БЗ, стоящим посреди магазина, и к Передвижной Витрине. Я старалась, насколько могла, идти так же, как Джози шла при мне уже трижды - первый раз, когда мы с Розой были в витрине, а она вышла из такси, затем четыре дня спустя, когда Мама сняла руку с ее плеча и она двинулась к витрине, и, наконец, только что, когда она поспешила ко мне с облегчением и радостью в глазах.

Дойдя до Передвижной Витрины, я пошла вокруг нее и, даже протискиваясь мимо стоявшего около нее БЗ, старалась сохранять особенности ходьбы Джози.

Но, подняв глаза перед тем, как пойти обратно, я встретилась ими с Мамой, и что-то заставило меня остановиться. Она смотрела на меня все так же пристально, но ее взгляд теперь словно бы проходил сквозь меня, как будто я была стеклом оконной

витрины, а она старалась увидеть что-то далекое за ним. Я замерла около Передвижной Витрины – нога выставлена вперед, пятка оторвана от пола, – и в магазине стояла странная тишина. Потом Администратор сказала:

– Как видите, Клара необычайно наблюдательна. Я никогда раньше с таким не сталкивалась.

– Мама. – На этот раз голос Джози был приглушенным. – Мама. Пожалуйста.

– Хорошо, хорошо. Мы ее берем.

Джози торопливо подошла ко мне. Обхватила меня руками и долго не отпускала. Взглянув поверх ее головы, я увидела радостную улыбку на лице Администратора, а лицо Мама, которая шарила в наплечной сумочке и опустила в нее взгляд, было изможденным и серьезным.

Часть вторая

Кухню было особенно трудно постичь, потому что многие ее элементы поминутно начинали взаимодействовать по-новому. Я оценила теперь то, как тщательно Администратор – безусловно, проявляя заботу о нас – следила в магазине, чтобы все предметы, даже такие маленькие, как браслеты и коробочка с серебряными сережками, все время находились на своих местах. А в доме Джози, и особенно на кухне, Помощница Мелания постоянно перемещала предметы, заставляя меня учиться заново. Однажды утром, например, Помощница Мелания четыре раза за четыре минуты меняла положение своего пищевого блендера. Но, когда я осознала важность Островка, дела пошли намного легче.

Островок располагался в центре кухни, и, может быть, чтобы подчеркнуть его неподвижность, его облицевали светло-коричневыми плитками, которые имитировали кирпичи здания. В его поверхность посередине вдавалась блестящая раковина, а вдоль длинной стороны стояли три высокие табуретки, на которых могли сидеть домашние. В те ранние дни, когда у Джози еще было много сил, она часто сидела у Островка, занимаясь с преподавателем через экран дощечки или просто отдыхая с карандашом и альбомом. Первое время мне было трудно сидеть на высокой табуретке у Островка, потому что ноги не доставали до пола, а если я пыталась ими покачивать, мешала перекладина между ножками табуретки. Но потом я переняла у Джози ее манеру и стала прочно упирать локти в поверхность Островка, и тогда пришло ощущение большей надежности – хотя Помощница Мелания в любой момент могла неожиданно возникнуть

у меня за спиной, потянуться к кранам и пустить воду с большой силой. Когда это произошло в первый раз, я от неожиданности почти потеряла равновесие, но Джози подле меня едва шевельнулась, и вскоре мне стало ясно, что несколько водяных брызг никакой опасности в себе не несут.

Кухня давала Солнцу чудесную возможность в нее заглядывать. Там были большие окна, а в них широкое небо, и почти никакого транспорта и прохожих снаружи. Стоя у больших окон, можно было видеть дорогу, поднимающуюся на холм мимо дальних деревьев. Кухню часто наполняло наилучшее Солнечное питание, там, кроме больших окон, в высоком потолке был световой фонарь, который открывался и закрывался пультом. Вначале меня беспокоило, что Помощница Мелания часто задвигает под фонарем штору как раз в то время, когда Солнце шлет Свое питание. Но потом я увидела, как легко Джози делается слишком тепло, и научилась сама использовать пульт, когда Солнечная фигура на ней чересчур усиливалась.

Первое время мне было странно не только из-за того, что нет транспорта и прохожих, но и из-за отсутствия других ИД и ИП. Конечно, я и не ожидала, что они будут в доме, и видела много хорошего в том, что я единственная, потому что могла благодаря этому все внимание сосредоточить на Джози. Но я понимала, до чего я привыкла наблюдать за ИД и ИП вокруг меня и давать всевозможные оценки, и в этом отношении мне тоже надо было перестроиться. В те ранние дни случались, и нередко, минуты, когда я смотрела на шоссе, идущее по холму, или на поля, на которые открывался вид в заднее окно спальни, искала взглядом фигуру ИД или ИП вдали и только потом вспоминала, где нахожусь и до чего это маловероятно так далеко от города и других зданий.

В свои самые первые дни в доме я по глупости считала Помощницу Меланию кем-то вроде Администратора, и это повело к некоторым недоразумениям. Например, я подумала, что она, наверное, обязана познакомить меня с разными сторонами моей новой жизни, и понятно, что Помощницу Меланию мое слишком частое пребывание около нее и озадачивало, и раздражало. Когда она в конце концов со злостью повернулась ко мне и закричала: «Хватит за мной, ИП, отвяжись ты, ну!» – я удивилась, но вскоре поняла, что ее роль в доме совсем не та, что у Администратора в магазине, и что я сама виновата.

Однако, даже делая скидку на эти недоразумения по моей вине, трудно отрицать, что Помощница Мелания с самого начала была против моего присутствия. Хотя я неизменно была с ней вежлива и, особенно в первые дни, старалась в мелочах ей угождать, она никогда не улыбалась в ответ на мои улыбки, и, кроме распоряжений и упреков, я ничего в свой адрес от нее не слышала. Сегодня, когда я собираю эти воспоминания воедино, мне очевидно, что ее враждебность была связана с ее общими страхами по поводу того, что могло происходить вокруг Джози. Но в то время мне нелегко было объяснить себе ее холодность. Часто казалось, что она хочет сократить время, которое я провожу с Джози – это, конечно, шло вразрез с моими обязанностями, – и вначале она даже пыталась помешать тому, чтобы я входила в кухню, когда Мама пьет свою чашечку кофе, а Джози завтракает. Только после настойчивых требований Джози – и решения Мама в мою пользу – мне в конце концов позволили быть на кухне в эти ключевые моменты каждого утра. Но даже тогда Помощница Мелания пыталась настаивать, чтобы, пока Джози и Мама сидят у Островка, я стояла у холодильника, и

только после новых протестов Джози мне разрешили к ним присоединяться.

Чашечка кофе, которую пила Мама, была, как я сказала, важным ежеутренним моментом, и одной из моих обязанностей было будить Джози, чтобы она успела прийти на кухню к этому времени. Часто, несмотря на мои неоднократные попытки, Джози вставала только в самую последнюю минуту, и тогда она кричала мне из туалета, совмещенного с ванной: «Поскорей, Клара! Мы опоздаем!» – хотя я уже стояла на лестничной площадке и напряженно ждала.

Мы спускались на кухню, где Мама сидела у Островка, глядела на экран своей дощечки и пила свой кофе, а Помощница Мелания держалась поблизости, готовая налить ей кофе еще раз. Времени на то, чтобы Джози с Мамой поговорили, чаще всего было немного, но вскоре я поняла, как важно тем не менее для Джози, чтобы она могла посидеть с Мамой во время этой чашечки. Однажды, когда из-за болезни она большую часть ночи провела беспокойно, я позволила Джози снова заснуть после того, как разбудила ее: думала, правильнее будет дать ей еще немного отдохнуть. Когда она проснулась, она стала кричать мне злые слова и, несмотря на слабость, заторопилась, чтобы успеть на кухню вовремя. Но, когда она выходила из туалета, мы услышали Мамину машину на рассыпанных камешках внизу, поспешили к переднему окну и успели увидеть, как машина удаляется в сторону холма. Кричать на меня снова Джози не стала, но, когда мы спустились на кухню, она не улыбалась за завтраком. Я поняла тогда, что, если она опаздывает к Маминому кофе, то есть опасность, что в ее день закрадется одиночество, какими бы другими событиями он ни был наполнен.

Случались, однако, утра, когда Маме не надо было спешить – когда, хотя она была в своей офисной одежде

хорошего уровня и ее сумка была прислонена к холодильнику, она пила свой кофе медленно, даже вставала с высокой табуретки и ходила по кухне с блюдцем и чашечкой в руках. Иногда, стоя перед большими окнами, где на нее ложилась утренняя Солнечная фигура, говорила что-нибудь, например, такое:

- Ты знаешь, Джози, у меня впечатление, что ты зря забросила цветные карандаши. Мне очень нравятся твои черно-белые вещи. Но все-таки скучно без твоих цветных.

- Я решила, мама, что мои цветные - сущий позор.

- Позор? Ну что ты!

- Мама. Я рисую в цвете - это все равно что ты играешь на своей виолончели. Нет, хуже.

От этих слов Джози Мамино лицо преобразилось в улыбке. Мама нечасто улыбалась, но, когда это происходило, ее улыбка была удивительно похожа на улыбку Джози: все лицо, казалось, заливала доброта, и те самые складки, что обычно придавали лицу такое напряженное выражение, становились, меняя форму, складками мягкой шутливости.

- Готова признать. Моя виолончель даже в минуты вдохновения говорила голосом бабушки графа Дракулы. Но твои цветные работы - это совсем другое, это скорее, ну, пруд летним вечером. Что-то вроде. Ты прекрасные вещи делаешь в цвете, Джози. Неповторимые.

- Мама. Родителям рисунки детей всегда такими кажутся. Это эволюционный процесс, биологическое что-то.

- Знаешь, что я думаю? Я думаю, все это оттого, что ты очень хорошую листовочку, которую нарисовала, принесла на ту встречу. На предпоследнюю. И эта девочка, эта Ричардс, сказала что-то чуть-чуть ироническое. Я уже тебе про нее говорила, знаю, но тут

опять то же самое. Эта юная особа позавидовала твоему таланту. Потому и сказала то, что сказала.

- Ладно. Если, мама, ты и правда так считаешь, я, может быть, даже вернусь к цветным карандашам. А ты, со своей стороны, может быть, опять возьмешься за виолончель.

- О нет. Это пройденный этап. Разве только кому-нибудь отчаянно понадобится саундтрек для домашнего фильма про зомби.

Но бывали и другие утра, когда Мама не улыбалась и оставалась напряжена, пусть даже с кофе можно было не торопиться. Если, например, Джози что-то говорила про кого-нибудь из педагогов, учивших ее через экран дощечки, и старалась вовсю, чтобы звучало как можно забавнее, Мама в такое утро слушала ее с серьезным лицом, а потом перебивала:

- Мы можем поменять. Если он тебе не нравится, всегда можно поменять.

- Мама, я тебя умоляю. Я болтаю просто, понимаешь? На самом деле он намного лучше, чем тот, предыдущий. И смешной к тому же.

- Это хорошо. - Мама кивала, лицо по-прежнему было серьезным. - Ты всегда хочешь дать человеку полноценный шанс. Это хорошая черта.

В те дни, когда со здоровьем у Джози все было в порядке, ей нравилось повременить с вечерней едой до возвращения Мама с работы. Поэтому мы часто поднимались к Джози в спальню подождать Маминого приезда - и посмотреть, как Солнце отправляется на отдых.

Как Джози обещала, из заднего окна спальни открывался ясный вид через поля до самого горизонта, позволявший нам наблюдать, как Солнце в конце Своего дня опускается в землю. Хотя Джози всегда говорила «поле», на самом деле там было три поля, одно за другим, и, если приглядеться, можно было

увидеть столбы, которые их разделяли. Трава на всех трех полях была высокая, и, когда дул ветер, она двигалась так, будто сквозь нее спешили невидимые прохожие.

Небо за этим задним окном спальни было гораздо обширней, чем небесный промежуток, который я видела из магазина, – и способно к удивительным переменам. Иногда оно было цвета лимона во фруктовой миске, а потом могло сделаться серым, как разделочная доска из сланца. Когда Джози была нездорова, оно могло иметь цвет ее рвоты или бледно окрашенного стула, порой на нем даже могла прожилками выступить кровь. Бывало так, что небо делилось на квадраты, у каждого – свой оттенок пурпурного.

У заднего окна спальни стоял мягкий, кремового цвета диван, который я про себя назвала Диваном С Пуговками. Хотя он смотрел в комнату, мы с Джози любили стоять на нем на коленях, положив руки на пухлую спинку, и глядеть в окно на небо и поля. Джози с большим уважением относилась к тому, как меня радовала последняя часть дневного пути Солнца, и мы старались не упускать возможности побыть в эти минуты на Диване С Пуговками. Однажды Мама вернулась с работы раньше обычного, и они с Джози разговаривали, сидя на табуретках у Островка, а я, чтобы дать уединение, отошла к холодильнику. Мама в тот вечер была в приподнятом настроении, говорила быстро, рассказывала забавное про людей в ее офисе, то и дело сама прерывала себя взрывами смеха и порой долго не могла его унять, чуть ли не задышалась. Посреди этого разговора, когда показалось, что Мама вот-вот опять расхохочется, Джози перебила ее:

– Мама, все это замечательно. Но ты не против, если мы с Кларой на минутку поднимемся ко мне? Клара очень любит смотреть на закат, и если мы не пойдем сейчас, то пропустим.

Когда она это сказала, я оглянулась и увидела, что кухню наполнил вечерний свет Солнца. Мама смотрела на Джози во все глаза, и я подумала, что она сейчас рассердится. Но затем ее лицо смягчилось, появилась ее добрая улыбка, и она сказала:

- Ну конечно, дружочек. Иди. Смотри свой закат. А потом поужинаем.

Кроме полей и неба из заднего окна спальни было видно еще кое-что, любопытное для меня: темное, по очертаниям похожее на коробку, в конце самого дальнего поля. Оно не двигалось, когда вокруг шевелилась трава, и, когда Солнце опускалось так низко, что почти касалось травы, темный силуэт оставался перед Его сиянием. В тот самый вечер, когда Джози ради меня пошла на риск и готова была рассердить Маму, я показала ей на этот силуэт. Она тогда поднялась повыше на Диване С Пуговками и поднесла ладони к глазам, чтобы дать им тень.

- А, ты про сарай мистера Макбейна.

- Сарай?

- Может быть, не совсем сарай, потому что он открыт с двух сторон. Скорее навес, мне кажется. Мистер Макбейн хранит там всякое разное. Я ходила туда однажды с Риком.

- Удивительно, что Солнце опускается на отдых в такое место.

- Ну да, еще бы, - сказала Джози. - Если подумать, Солнцу дворец нужен как минимум. Может быть, мистер Макбейн, с тех пор как я там была, устроил там все по-дворцовому.

- Мне хотелось бы узнать, когда Джози туда ходила.

- О, давно уже. Мы с Риком совсем еще маленькие были. До того, как я заболела.

- Там было что-нибудь необычное поблизости? Ворота? Или, может быть, ступени спускались в землю?

- Не-а. Ничего такого. Просто сарай. А мы и сараю были рады, потому что были маленькие и очень устали, пока туда шли. Это было, заметь, не на закате, а днем. Если там и есть вход во дворец, то он скрыт. Может быть, двери отворяются, только когда Солнце уже совсем близко? Я видела в одном фильме что-то вроде этого: там у всех плохих главное убежище внутри вулкана, и то, что там наверху можно принять за озеро лавы, на самом деле крыша, она отодвинулась для них, когда они спустились на вертолетах. Может быть, дворец Солнца так же устроен. Но мы-то с Риком его не искали. Мы просто так туда отправились, а там нам жарко стало, и мы захотели в тень. Поэтому посидели немного в сарае мистера Макбейна, а потом пошли обратно. - Она мягко дотронулась до моей руки. - Мы правда ничего такого не увидели, жаль, но что поделаешь.

Солнце между тем стало коротенькой линией, сияющей сквозь траву.

- Уходит, - сказала Джози. - Будем надеяться, хорошо выспится.

- Мне хотелось бы узнать, кто был этот мальчик. Этот Рик.

- Рик? Мой лучший друг, только и всего.

- А... Понимаю.

- Слушай, Клара, я что-то не так сказала?

- Нет. Но... теперь моя обязанность быть лучшей подругой Джози.

- Ты моя ИП. Это другое. А Рик - ну, мы собираемся быть вместе всю жизнь.

От Солнца теперь осталась только розовая метка в траве.

- Рик ради меня что угодно готов сделать, - сказала она. - Но он слишком много беспокоится. Вечно беспокоится из-за всякого, что может нам помешать.

- Из-за чего он беспокоится?

- Ну, как тебе объяснить. Разные там любовно-романтические вещи. И, догадываюсь, есть еще кое-что.
- Еще кое-что?
- Но он зря беспокоится. Потому что у нас с ним все давным-давно решено. И перемениться не может.
- А где сейчас этот Рик? Он живет поблизости?
- Совсем рядом. Я вас познакомлю. Мне не терпится, чтобы вы встретились!

* * *

Я познакомилась с Риком на следующей неделе - в тот день я впервые увидела дом Джози снаружи.

Мы с Джози много раз дружески спорили о том, как взаимно расположены разные части дома. Она не соглашалась, например, что чулан для пылесоса находится прямо под большой ванной. Потом однажды утром, после очередного такого дружеского спора, Джози сказала:

- Клара, ты меня сводишь этим с ума. Как только закончу с профессором Хельмом, выведу тебя наружу. Посмотрим на все оттуда.

Этот план меня взволновал. Но вначале у Джози был урок, и я увидела, как она раскладывает на Островке свои бумаги и включает дощечку.

Чтобы дать ей уединение, я села не на соседнюю табуретку, а через одну. Вскоре стало понятно, что занятие идет негладко: голос преподавателя, вылетающий из-под наушников Джози, часто звучал укоризненно, она царапала что-то бессмысленно на своих рабочих листах, иногда отодвигала их подальше, так что они едва не падали в раковину. В какой-то момент я заметила, что она полностью отвлеклась из-за чего-то за большими окнами и совсем не слушает своего

профессора. Чуть позже она сердито проговорила в экран:

- Да сделала же я это. Правда сделала. Почему вы мне не верите? Да, в точности так, как вы сказали!

Урок продлился дольше обычного, но в конце концов Джози сказала:

- Хорошо, профессор Хельм. Спасибо. Да. Конечно, сделаю. До свидания. Благодарю вас за сегодняшнее занятие.

Она со вздохом выключила дощечку и сняла наушники. Затем, увидев меня, мгновенно просветлела.

- Нет, Клара, я не забыла. Мы идем наружу, так? Дай только приду в нормальное состояние. Этот профессор Хельм, чтоб его, как я рада, что уже не надо на него пялиться! Живет где-то в жарком месте, это легко понять. Видно, как он потеет. - Она сошла с высокой табуретки и потянулась. - Мама сказала, если мы выходим наружу, надо всегда сообщать Мелании. Сходи скажи ей, пожалуйста, пока я одеваюсь.

Мне было видно, что Джози тоже взволнована, но ее волнение, я догадывалась, относилось к тому, что она увидела в большие окна во время урока. Как бы то ни было, я отправилась в Открытую Планировку искать Помощницу Меланию.

Открытая Планировка - это была самая большая комната в доме. В ней стояли два дивана и несколько мягких прямоугольных сидений; еще были подушки, лампы, растения и угловой письменный стол. Когда я открыла в тот день скользящую дверь, обстановка за ней была сцеплением решеток, фигура Помощницы Мелании в этом сложном рисунке едва различалась. Но все-таки я разглядела ее - она сидела с прямой спиной на краю мягкого прямоугольника и усердно что-то делала на своей дощечке. Она посмотрела на меня недружелюбно, но, когда я сказала ей, что Джози хочет

выйти наружу, она оттолкнула дощечку в сторону и прошагала из комнаты мимо меня.

Джози я нашла в прихожей, она надевала свою любимую коричневую стеганую куртку, в которой иногда ходила и дома, когда ей нездоровилось.

- Ну что, Клара. Даже не верится, что ты столько у нас прожила и ни разу не выходила.

- Да, я никогда не была снаружи.

Джози посмотрела на меня секунду-другую, потом спросила:

- Ты хочешь сказать, что никогда *вообще* снаружи не была? Не только здесь, но совсем нигде?

- Да, это так. Я была в магазине. Теперь я здесь.

- Ого. Значит, для тебя это будет событие! Бояться там нечего, поняла меня? Никаких диких животных, ничего такого. Ну, пошли.

Когда Помощница Мелания открыла входную дверь, я почувствовала, как в прихожую вливается новый воздух - и Солнечное питание. Джози улыбнулась мне, ее лицо наполнила доброта, но затем между нами втиснулась Помощница Мелания, и я не успела ничего сообразить, как она взяла руку Джози и засунула ее под свою руку. Джози тоже была удивлена, но не воспротивилась, и я согласилась мысленно: снаружи для меня все ново, и Помощница Мелания не зря сомневается, что я смогу там надежно оберегать Джози. Так что они вдвоем пошли впереди, а я следом.

Мы вступили на рассыпанные камешки - я предположила, что их нарочно разбросали для шершавости, ради машины. Ветер был мягкий и приятный, и я удивилась, что высокие деревья на холме даже сейчас гнут ветки и машут ими под его натиском. Но вскоре мне пришлось сосредоточиться на ходьбе, потому что среди рассыпанных камешков было много углублений, видимо, от колес машины.

Вид передо мной был мне знаком: он открывался из переднего окна спальни. Следуя за Джози и Помощницей Меланией, я вышла на дорогу, она была гладкая и твердая, как самый настоящий пол, мы двигались по ней некоторое время до и после того, как по обе стороны возникла стриженная трава. Мне хотелось оглянуться на дом - увидеть его так, как увидел бы прохожий, и подтвердить свои оценки, - но Джози и Помощница Мелания все шли и шли, их руки были по-прежнему сцеплены, и я не решалась приостановиться.

С какого-то момента мне уже не нужно было такое внимание обращать на ходьбу, я подняла глаза и увидела слева травянистый склон, а на нем, у самого верха, движущуюся фигуру подростка. По моей оценке, ему было пятнадцать, но я не могла быть уверена, потому что видела только силуэт на фоне бледного неба. Джози направилась к склону, и Помощница Мелания что-то сказала - в помещении я, наверное, расслышала бы, но снаружи звук ведет себя иначе. Как бы то ни было, я поняла, что возникло несогласие. Я услышала, как Джози сказала:

- Но я хочу познакомить с ним Клару.

Были еще какие-то слова, которых я не разобрала, а затем Помощница Мелания сказала: «Ладно, недолго только» - и отпустила руку Джози.

- Пойдем, Клара, - сказала Джози, обернувшись ко мне. - Поднимемся к Рику.

Когда мы поднимались по зеленому склону, у Джози сбилось дыхание, и она плотно прижалась ко мне. Поэтому назад я смогла бросить только короткий взгляд, но успела заметить, что позади нас не только дом Джози, но и еще один дом, стоящий чуть подальше в полях, - соседний дом, которого нельзя было увидеть от Джози ни из какого окна. Мне не терпелось изучить внешний вид обоих домов, но надо было

сосредоточиться на том, чтобы с Джози не случилось ничего неприятного. На вершине холма она остановилась отдышаться, но подросток не поздоровался с нами и даже не посмотрел в нашу сторону. Он держал в руках какое-то круглое устройство и смотрел на небо между двумя домами, где несколько птиц летели стаей, и я быстро сообразила, что это механические птицы. Он не сводил с них глаз, и, когда он дотронулся до своего пульта, птицы перестроились в небе.

- Ух ты, красота какая, - сказала Джози, все еще тяжело дыша. - Новые?

Рик не отвел от птиц взгляда, но ответил:

- Последняя пара - новые. Они отличаются, это заметно.

Птицы по дуге устремились к нам, и теперь они парили прямо над нашими головами.

- Да, но ведь настоящие птицы тоже не все одинаковые, - сказала Джози.

- Это верно. По крайней мере я теперь добился, чтобы команду воспринимала вся группа. Вот, Джози, смотри.

Механические птицы начали спускаться и одна за другой садились на траву перед нами. Но две остались в воздухе, и Рик, нахмурившись, еще раз нажал на пульт.

- Черт. Все-таки непорядок.

- Ну что ты, Рикки, они так здорово летают.

Джози стояла на удивление близко к Рику, она не касалась его, но ее поднятые ладони лишь чуть-чуть отстояли от его спины и левого плеча.

- Этой паре нужна полная перенастройка.

- Не волнуйся, ты все сможешь наладить. Слушай, Рикки, ты не забыл про вторник?

- Не забыл. Но, Джози, я же не сказал, что приду.

- Да ладно! Ты согласился!

- Черта с два я согласился. Так или иначе, не думаю, что твои гости будут очень мне рады.

- Я хозяйка и приглашаю кого хочу. Мама будет страшно довольна. Ну что ты, Рик, мы же все это обсудили вдоль и поперек. У нас есть наш план, и если мы серьезно настроены, то обязаны проходить через такое вместе. Тебе надо так же хорошо это уметь, как я. И с какой стати я должна встречать всю эту толпу одна?

- Ты не одна будешь. У тебя теперь есть ИП.

Последние две птицы опустились на траву. Он коснулся пульта, и все они перешли в спящий режим у его ног.

- Господи, а я вас даже еще не познакомила! Рик, это Клара.

Рик не сводил глаз с пульта и не смотрел в мою сторону.

- Ты говорила, что никогда не заведешь себе ИП, - сказал он.

- Это давным-давно было.

- Говорила - никогда не заведешь.

- А теперь передумала, ну и что? Кроме того, Клара - не простая ИП. Клара, скажи что-нибудь Рику.

- Говорила - никогда.

- Да хватит тебе, Рик! Мало ли что мы говорим, когда мы маленькие. Почему мне нельзя иметь ИП?

Обе ее ладони уже лежали на левом плече Рика, она оперлась на него, как будто хотела уменьшить его рост, сделаться с ним вровень. А Рик, похоже, не имел ничего против ее прикосновения - оно было для него, видимо, чем-то нормальным, - и мне подумалось, что, может быть, на свой лад этот мальчик так же важен для Джози, как Мама; и что его цели, возможно, в чем-то близки к моим и я должна внимательно к нему присмотреться, чтобы понять его место в жизненном рисунке Джози.

- Я очень рада знакомству с Риком, - сказала я. - Мне хочется узнать, живет ли он в том соседнем доме. Странно, но я не замечала этот дом раньше.

- Угу, - сказал он, по-прежнему не глядя на меня прямо. - Да, я там живу. Мы с мамой.

Мы все теперь повернулись к домам, и в первый раз я смогла по-настоящему рассмотреть дом Джози снаружи. Он оказался чуть меньше, чем я думала, углы крыши немного острее, но в остальном все более или менее отвечало моим оценкам изнутри. Стены были составлены из аккуратно перекрывающихся досок, все они были выкрашены в почти белый цвет. Дом представлял собой три отдельные коробки, которые создавали единую сложную пространственную фигуру. Дом Рика был меньше, и не только потому, что отстоял дальше. Он тоже был из деревянных досок, но проще по структуре: одна коробка, в высоту больше, чем в ширину, посреди травы.

- Рик и Джози, наверное, росли бок о бок, - сказала я Рику. - Так же как стоят ваши дома.

Он пожал плечами.

- Угу. Бок о бок.

- Мне думается, у Рика британский выговор.

- Да, наверное, есть немного.

- Я рада, что у Джози такой хороший друг. Надеюсь, что мое присутствие никогда не будет мешать этой прекрасной дружбе.

- И я надеюсь. Но дружбе разное может помешать.

- Так, ну все, хватит! - донесся от подножия холма крик Помощницы Мелании.

- Иду! - крикнула Джози в ответ. Потом сказала Рику:

- Слушай, Рикки, я от этой встречи не больше удовольствия получу, чем ты. Мне надо, чтобы ты был. Приходи обязательно.

Рик был опять сосредоточен на своем пульте; птицы дружно поднялись в воздух. Джози смотрела на них, не снимая ладоней с его плеча, так что она и Рик образовывали единую фигуру на фоне неба.

- Так, а ну пошла мне назад! - скомандовала Помощница Мелания. - Ветер какой! Помереть думала, да?

- Иду, иду! - А Рику Джози тихо сказала: - Во вторник к ланчу, хорошо?

- Хорошо.

- Умница, Рикки. Значит, обещал. А Клара свидетельница.

Убрав ладони с его плеча, она отошла. Затем, держась за мою руку, повела меня вниз.

Мы спускались не по тому склону, по какому поднимались, и этот спуск, я увидела, должен был привести нас прямо ко входу в дом Джози. Тут было круче, и внизу Помощница Мелания начала было протестовать, но потом сдалась и заторопилась вокруг холма, чтобы встретить нас. Когда мы шли вниз по стриженной траве, я обернулась и увидела фигуру Рика, опять силуэт на фоне неба. Он смотрел не на нас, а вверх - туда, где в сером воздухе парили его птицы.

Когда мы вернулись в дом и Джози повесила свою стеганую куртку, Помощница Мелания сделала ей йогуртовое питье, и мы вдвоем, пока Джози пила его через соломинку, сидели у Островка.

- Не верится, что ты первый раз была снаружи, - сказала она. - Ну и как тебе?

- Мне очень понравилось. Ветер, другая акустика, все было так интересно. - Потом я добавила: - И само собой, чудесно было познакомиться с Риком.

Джози щипала свою соломинку чуть выше того места, где она выходила из питья.

- Вряд ли он такое уж сильное впечатление произвел. Он иногда стесняется. Но он замечательный.

Когда я болею и стараюсь думать о хорошем, я думаю про все, что мы собираемся делать вместе. Он точно придет на эту встречу.

* * *

В тот вечер, как они часто делали во время ужина, они погасили все лампы, кроме тех, что светили на сам Островок. Я тоже была на кухне, как обычно, потому что Джози так нравилось, но, давая уединение, стояла в полутьме лицом к холодильнику. Несколько минут я слушала, как Джози с Мамой ведут легкую беседу во время еды. Затем, все тем же легким тоном, Джози спросила:

- Мама, раз у меня такие хорошие оценки, мне правда она нужна - эта встреча у нас дома, эта социализация?

- Конечно, дружочек. Умной быть недостаточно. Надо уметь общаться, ладить с другими.

- Мама, я умею ладить. Но только не с этими.

- Это твоя группа по возрасту и уровню. А в колледже тебе с кем только не придется иметь дело. У меня, когда я поступала в колледж, позади были годы и годы, когда я общалась со сверстниками каждый день. Но для тебя, для твоего поколения все будет очень непросто, если не приложить усилий сейчас. Плохо получается в колледже обычно у тех, у кого было мало встреч.

- До колледжа еще далеко, мама.

- Не так далеко, как тебе кажется. - Потом, более мягко, Мама сказала: - Не упрямясь, дружочек. Ты можешь познакомить Клару со своими друзьями. Им будет с ней очень приятно и весело.

- Не друзья они мне, мама. И раз я хозяйка, я хочу, чтобы пришел Рик.

Несколько секунд позади меня было тихо. Потом Мама сказала:

- Хорошо. Мы, конечно, можем его позвать.
- Но ты думаешь, что это плохая идея, так ведь?
- Нет. Вовсе нет. Рик очень хороший. И он наш сосед.

- Значит, он приходит, так?
- Только если хочет прийти. Это должно быть его решение.

- Ты думаешь, другие будут обращаться с ним грубо?

После еще одной паузы Мама сказала:

- Не вижу для этого никаких оснований. Если кто-то поведет себя неподобающе, то покажет этим только свою недоразвитость.

- Значит, нет причины, чтобы Рик не приходил.
- Причина, Джози, может быть только одна: если он сам не хочет.

Потом в спальне, когда мы были только вдвоем и Джози уже лежала в постели, она тихо сказала:

- Надеюсь, Рик придет на эту жуткую встречу.

Несмотря на позднее время, я была рада, что она заговорила про социализацию, потому что многое в ней было мне неясно.

- Да, и я тоже надеюсь, - сказала я. - Молодые люди придут со своими ИД и ИП?

- Не-а. Не принято. Но ИД или ИП из дома, где все происходит, обычно присутствует. Особенно если недавно купили, как тебя. Они все пожелают тебя изучить.

- Значит, Джози хочет, чтобы я присутствовала.
- Конечно, хочу. Но большого удовольствия не жди. Эти собрания - дрянь, точно тебе говорю.

* * *

Утром в день социализации Джози была полна беспокойства. После завтрака вернулась в спальню, стала примерять разную одежду, и, даже когда мы услышали первых гостей и Помощница Мелания позвала ее в третий раз, она все еще причесывалась. Наконец под звук многих голосов, доносившихся снизу, я сказала ей:

- Мне кажется, нам с Джози пора спуститься к ее гостям.

Только теперь она уронила щетку для волос на туалетный столик и поднялась.

- Ты права. Куда деваться, пошли.

Спускаясь по лестнице, я увидела, что прихожая полна незнакомых людей, они разговаривали шутливыми голосами. Это были сопровождающие взрослые - все женщины. Более молодые голоса долетали из Открытой Планировки, но скользящая дверь была задвинута, поэтому гости Джози пока еще не были нам видны.

Джози остановилась передо мной на лестнице за четыре ступеньки до пола. Может быть, даже повернула бы назад, если бы одна из взрослых не обратилась к ней:

- Привет, Джози! Как дела?

Джози подняла руку, и тут Мама, двигаясь через скопление взрослых в прихожей, сделала жест в сторону Открытой Планировки.

- Туда, туда иди! - громко сказала она. - Твои друзья тебя ждут.

Мне подумалось, что Мама еще что-нибудь скажет в подкрепление этому, но ее окружили другие взрослые с разговорами и улыбками, и ей пришлось отвернуться от нас. Джози - теперь, похоже, осмелев - спустилась по оставшимся ступенькам в толпу. Я шла следом, ожидая, что она направится к Открытой Планировке, но вместо этого она стала протискиваться мимо взрослых ко

входной двери, которая была открыта и впускала свежий воздух. Джози двигалась так, словно у нее была ясная цель, и постороннему могло бы показаться, что у нее какое-то важное поручение от гостей. Как бы то ни было, никто ее не задерживал, а я, следуя за ней, слышала вокруг много голосов. Кто-то говорил: «Да, профессор Кван прекрасно учит наших детей математической физике. Но это не дает ему права быть с нами невежливым». Другой голос произнес: «Европа. Лучшие домработницы по-прежнему из Европы». Кое-кто приветственно обращался к Джози, когда она шла мимо, и вот мы стоим у входной двери, осязая наружный воздух.

Джози выглянула, поставив одну ногу на порог, и крикнула наружу:

- Иди сюда! Что ты там делаешь?

Потом схватилась за косяк двери и высунулась под углом.

- Да скорее же! Все уже здесь!

Рик появился в дверном проеме, и Джози, взяв его за локоть, потянула его в прихожую.

Одет он был, как тогда на травянистом холме, в обычные джинсы и свитер, но взрослые, судя по всему, мгновенно обратили на него внимание. Их голоса не умолкли, но сделались тише. Потом сквозь толпу подошла Мама.

- Здравствуй, Рик! Добро пожаловать! Входи, входи. - Она завела ладонь ему за спину, побуждая идти вперед, ко взрослым гостям. - Внимание, это Рик. Наш добрый друг и сосед. Некоторые из вас уже с ним знакомы.

- Здравствуй, Рик, как дела? - сказала женщина поблизости. - Молодец, что выбрался.

Взрослые начали наперебой здороваться с Риком, говорили ему добрые слова, но в их голосах мне

слышалась странная осторожность. Мама, говоря громче всех, спросила:

- Рик, послушай. Как твоя мама? Она давно к нам не заходила.

- Все хорошо, спасибо, миссис Артур.

Когда Рик ей отвечал, все утихло. Высокая женщина позади меня спросила:

- Я правильно поняла, что ты живешь поблизости, Рик?

Рик переводил взгляд с лица на лицо, чтобы понять, кто задал вопрос.

- Да, мэм. По правде говоря, наш дом единственный, какой можно увидеть, если выйти наружу. - Он издал маленький смешок и добавил: - Помимо этого дома, конечно.

Все громко засмеялись, услышав это добавление, а Джози, стоявшая с ним рядом, нервно улыбнулась, как будто сделала это замечание сама. Другой голос произнес:

- Тут столько чистого воздуха. Отличное место, чтобы расти и взрослеть.

- Тут очень хорошо, благодарю вас, - сказал Рик. - Если только не нужна быстрая доставка пиццы.

Все рассмеялись еще громче, на этот раз включая Джози, которая сияла от радости.

- Ну так вперед, Джози, - сказала Мама. - Веди Рика к гостям. Ты сегодня хозяйка для всей компании. Иди же, иди.

Взрослые посторонились, и Джози, по-прежнему держа Рика за локоть, повела его к Открытой Планировке. Ни она, ни он не смотрели на меня, и я сомневалась, идти мне следом или нет. Они отделились, взрослые опять заполнили прихожую, а я все еще стояла у входной двери. Прозвучал новый голос поблизости:

- Приятный мальчик. Сказал, живет по соседству? Я не расслышала.

- Да, Рик наш сосед, - сказала Мама. - Они с Джози дружат с незапамятных времен.

- Чудесно.

Потом крупная женщина, похожая по очертаниям на кухонный блендер, сказала:

- И такой умница, судя по всему. Страшно жаль, что такому мальчику ничего не светит.

- Я бы и не подумала даже, - произнес еще один голос. - Он так хорошо себя подает. Британский выговор у него, да?

- Очень важно, - сказала женщина-блендер, - чтобы это поколение училось находить общий язык с кем угодно. Питер постоянно это повторяет. - Затем, когда еще не утих одобрительный гул других голосов, она спросила Маму: - Его родители что... просто подумали и решили отказаться? Испугались?

Добрая улыбка сошла с лица Мамы, и все, кто слышал, замолчали. И сама женщина-блендер застыла в ужасе. Потом протянула к Маме руку.

- Ох, Крисси. Что я несу? Я не хотела...

- Все хорошо, - сказала Мама. - Не бери в голову.

- Ох, Крисси, прости меня ради бога. Я такая дура иногда. Я только хотела сказать...

- Это наш самый большой страх, - раздался рядом более твердый голос. - Каждой из нас, присутствующих здесь.

- Все хорошо, - сказала Мама. - Давайте это оставим.

- Крисси, - промолвила женщина-блендер. - Я только хотела сказать, что такой приятный мальчик...

- Кому-то из нас повезло, кому-то нет.

Сказавшая это чернокожая женщина шагнула вперед и нежно дотронулась до Маминого плеча.

- Но Джози здорова сейчас, да? - спросил другой голос. - Она выглядит намного лучше.

- У нее бывают хорошие дни, бывают плохие, - сказала Мама.

- Выглядит она гораздо лучше.

Женщина-блендер сказала:

- У нее все будет хорошо, я уверена. Ты так храбро поступила после всего, через что прошла. Джози когда-нибудь скажет тебе огромное спасибо.

- Пам, пошли. - Чернокожая женщина протянула руку и повела было женщину-блендер в сторону. Но Мама, глядя на женщину-блендер, тихо сказала:

- А Сал, по-твоему, сказала бы мне спасибо?

Услышав это, женщина-блендер расплакалась.

- Ну прости же меня, прости ради бога. Я такая дура, стоит мне только открыть рот, как... - Она громко всхлипнула и во весь голос продолжила: - Видите теперь все, видите, что глупее меня никого на свете нет? Просто мальчик такой приятный, и так несправедливо... Крисси, прости меня.

- Очень тебя прошу, не бери в голову. - Мама, делая теперь большее усилие, потянулась к женщине-блендеру и слегка ее обняла. Та мигом обняла ее в ответ и плакала дальше, положив подбородок на Мамино плечо.

Стояла неловкая тишина, потом чернокожая женщина бодро сказала:

- А у них там, кажется, все идет неплохо. Если бы они там все передрались, мы бы слышали.

Раздался дружный смех, а потом Мама промолвила новым голосом:

- Ну что же мы тут стоим? Прошу всех на кухню. Мелания опять испекла свои чудесные национальные пирожные.

Прозвучал чей-то притворный шепот:

- По-моему, мы для того все тут медлим... чтобы подслушивать!

Это вызвало еще один взрыв смеха, и Мама вновь заулыбалась.

- Если мы им понадобится, - сказала она, - то услышим об этом. Пойдемте, милости прошу.

Когда взрослые двинулись на кухню, мне лучше стали слышны голоса из Открытой Планировки, но слов я разобрать не могла. Одна взрослая, проходя мимо меня, сказала:

- Наша Дженни была так расстроена после той последней встречи. Мы целый уик-энд потратили на то, чтобы объяснить ей, как она неверно все интерпретировала.

- Клара. Ты еще здесь.

Передо мной стояла Мама.

- Да.

- А почему не там? Не с Джози?

- Но... она меня туда не повела.

- Иди. Ты ей там нужна. И другие хотят с тобой познакомиться.

- Да, конечно. Тогда, разрешите, я пойду.

Солнце, заметив такое обилие мальчиков и девочек в одной комнате, вливало Свое питание через широкие окна Открытой Планировки. Два дивана, мягкие прямоугольные сиденья, низкие столики, растения в горшках, фотоальбомы - с этим хитросплетением я в предыдущие дни долго и трудно осваивалась, а теперь все так преобразилось, что комнату было не узнать. Подростки были повсюду, их сумки, курточки, дощечки лежали по всему полу и на других поверхностях. Вдобавок все пространство комнаты вплоть до дальней стены разделилось на двадцать четыре прямоугольные секции, расположенные в два яруса. Из-за этого разбиения получить общую картину того, что передо мной, было нелегко, но постепенно я разобралась.

Джози разговаривала с тремя гостями в середине комнаты. Их головы почти соприкасались, и стояли они так, что верхние части лиц, включая глаза, оказались в секции верхнего яруса, а рты и подбородки были втиснуты в нижнюю секцию. Большинство подростков были на ногах, некоторые перемещались между секциями. У дальней стены трое мальчиков расположились на модульном диване, и хотя они сидели врозь, головы находились в одной и той же секции, в то время как вытянутая нога сидевшего ближе к окну пересекала всю соседнюю секцию и заканчивалась в следующей. У трех секций с мальчиками на диване был неприятный цветовой оттенок – нездоровая желтизна, – и мне на короткое время сделалось тревожно. Потом этих мальчиков, двигаясь по комнате, начали заслонять другие гости, и я переключилась на звучащие вокруг голоса.

Хотя какая-то из девочек, когда я вошла, сказала: «Ой, вот новая ИП, до чего же она милая!» – почти все голоса, что я слышала, обсуждали Рика. Джози, похоже, совсем недавно стояла около него, но разговор с гостями вынудил ее повернуться к нему спиной, и он теперь был один и ни с кем не разговаривал.

– Он друг Джози. Живет рядом, – сказала девочка позади меня.

– Надо с ним поласковой, – сказала другая. – Ему, наверное, тут с нами не по себе.

– Зачем Джози его позвала? Ему, конечно, не по себе сейчас.

– Давай что-нибудь ему предложим. Чтобы почувствовал, что ему рады.

Девочка – она была худая и с необычно длинными руками – взяла металлическое блюдо с шоколадками и направилась к Рiku. Я тоже вдвинулась подальше в комнату и услышала, как она говорит ему:

– Прости, пожалуйста. Хочешь конфетку?

Рик до этого смотрел на Джози, говорившую с тремя гостями, но теперь повернулся к девочке с длинными руками.

- Бери, - сказала она, поднимая блюдо повыше. - Они хорошие.

- Спасибо большое. - Он поглядел на блюдо и выбрал шоколадку, завернутую в блестящую зеленую бумагу.

Хотя голоса продолжали звучать по всей комнате, я поняла, что вдруг каждый - и Джози тоже, как и ее собеседницы, - стал смотреть на Рика.

- Нам всем очень приятно, что ты пришел, - сказала длиннорукая девочка. - Сосед Джози, да?

- Да, я ее сосед. Первый же дом отсюда.

- Первый же дом? Классно пошутил! Только твой дом и этот, больше никаких домов вокруг неизвестно на сколько миль!

Три девочки, с которыми беседовала Джози, теперь присоединились к длиннорукой, непрерывно улыбаясь Рiku. Джози, однако, оставалась, где была, и ее глаза смотрели беспокойно.

- Это правда, - с быстрым смехом отозвался Рик. - Но дом-то все равно первый, он же и последний.

- Ну еще бы! Тебе наверняка тут нравится жить. Тихо так, мирно.

- Очень мирно. Все замечательно, пока в кино не захочется пойти.

Рик, я знала, надеялся, что все, кто слушает, рассмеются, как взрослые, когда он сказал про доставку пиццы. Но четыре девочки просто продолжали смотреть на него участливыми глазами.

- А ты что же, на своем ди-эс кино не смотришь? - спросила в конце концов одна из них.

- Иногда смотрю. Но мне нравится ходить в настоящее кино. Большой экран, мороженое. Мы это любим с мамой. Беда в том, что так долго ехать.

- У нас кинотеатр в конце квартала, - сказала длиннорукая. - Но мы редко ходим.

- Ух ты! Он кино любит!

- Мисси, ну что ты. Прошу прощения за свою сестрицу. Значит, тебе нравится кино. Расслабляться помогает, да?

- Уверена, что ты любишь боевики, - сказала девочка по имени Мисси.

Рик посмотрел на нее. Потом улыбнулся:

- Иногда они ничего. Но мы с мамой любим старые фильмы. Все так по-другому было тогда. Смотришь эти фильмы и видишь, какие были рестораны. Как люди одевались.

- Но боевики ты любишь, верно? - сказала длиннорукая. - Погони на машинах и тому подобное.

- Слушайте, - сказала еще одна девочка за моей спиной. - Он говорит, он ходит в кино с мамой. До чего же мило.

- Твоей маме не хочется, чтобы ты ходил с друзьями?

- Нет, не совсем так. Просто... нам с мамой нравится ходить вместе.

- А ты видел «Золотой стандарт»?

- Его маме *такое* не понравилось бы точно!

Джози теперь подошла и встала перед Риком.

- Ну что с тобой, Рик. - В ее голосе была злость. - Расскажи им, что ты любишь смотреть. Вот и все, о чем они просят. Что ты любишь смотреть?

Еще несколько гостей собрались теперь вокруг Рика и частично заслонили его от меня. Но я увидела, как что-то в нем изменилось в этот момент.

- Что я люблю смотреть? - Он обращался не к Джози, а ко всем остальным. - Я люблю фильмы, где происходят разные ужасы. Насекомые вылезают у людей изо рта, всякое такое.

- Серьезно?

- Могу я поинтересоваться, - спросил Рик, - из-за чего столько любопытства к тому, что мне нравится смотреть?

- Это называется - разговор, - сказала длиннорукая девочка.

- Почему он не ест свою шоколадку? - спросила Мисси. - Держит и держит.

Рик повернулся к ней и протянул ей неразвернутую шоколадку.

- Вот, возьми. Может быть, тебе самой пригодится.

Мисси засмеялась, но попятилась.

- Послушай, - сказала длиннорукая. - Это у нас, типа, дружеская встреча, понимаешь?

Рик быстро взглянул на Джози, которая смотрела на него все более сердитыми глазами. В следующую секунду он опять повернулся к другим девочкам.

- Дружеская. Конечно. Вот не знаю, будет ли вам всем приятно узнать, что я люблю триллеры про жуков.

- Триллеры про жуков? - переспросил еще кто-то. - Это что, жанр такой?

- Не дразните его, - сказала длиннорукая. - Больше доброты. Он справляется.

- Справляется, ага, - произнес чей-то голос, и некоторые захихикали. Рик быстро повернулся к ним, и в этот момент Джози протянула руку и взяла у него шоколадку.

- Послушайте все, - громко сказала Джози. - Я хочу познакомить вас с Кларой. Смотрите, это Клара!

Она показывала жестами, чтобы я подошла ближе, и, когда я двинулась, все глаза обратились ко мне. Рик тоже взглянул, но мельком, а потом перешел на свободное место к угловому столу. Все, похоже, перестали обращать на него внимание, потому что смотрели теперь на меня. Даже длиннорукая девочка потеряла интерес к Рику и стала разглядывать меня.

- Ух ты, какая классная ИП, - сказала она. Потом доверительно наклонилась к Джози, и я подумала, что еще что-нибудь про меня скажет, но она заговорила о другом:

- Видишь Дэнни там? Пришел и первым делом объявляет, что его, мол, полиция задержала. Ни здравствуйте, ничего. Мы ему говорим, что надо сначала поздороваться как следует, а он ноль внимания. Продолжает хвастаться про полицию.

- Надо же. - Джози посмотрела на мальчиков на модульном диване. - Он думает, быть преступником - это круто?

Длиннорукая засмеялась, и Джози стала частью фигуры, которую образовали пять девочек.

- А потом его братец его выдал. Слишком много пива, только и всего.

- Тсс. Он понял, что мы про него, - сказала одна из девочек.

- Тем лучше. Полицейские увидели, что он вырубился на скамейке, и доставили его домой. А он нам врет, что его, типа, арестовали и тому подобное.

- Ни здравствуйте, ничего.

- Мисси, а ты-то сама сейчас с Джози поздоровалась? Я что-то не слышала. Ты не лучше Дэнни.

- Поздоровалась. Я сказала: «Привет, Джози».

- Джози, было такое? Поздоровалась моя сестра с тобой, когда ты вошла?

Мисси заметно расстроилась.

- Я сказала: «Привет, Джози». Просто она меня не услышала.

- Слушай, Джози! - Подросток по имени Дэнни - тот, что сидел на диване, вытянув ногу поверх подушек, - подал голос из дальней части комнаты. - Слушай, Джози, это твоя новая ИП? Скажи ей, чтобы сюда подошла.

- Иди, Клара, - сказала Джози. - Поздоровайся с мальчиками.

Я не двинулась сразу - отчасти потому, что голос Джози меня удивил. Таким голосом она иногда разговаривала с Помощницей Меланией, но ко мне она ни разу таким тоном не обращалась.

- Что с ней такое? - Дэнни встал с дивана. - Она команд не воспринимает?

Джози смотрела на меня жестко, и я направилась в сторону дивана и мальчиков. Но Дэнни, который был выше всех в комнате, быстро прошел через скопление гостей и, не успела я преодолеть даже полпути до дивана, схватил меня за локти, так что я потеряла свободу движений. Он оглядел меня с головы до ног и сказал:

- Ну. Осваиваешься?

- Да. Спасибо.

Один из подростков на диване у стены закричал:

- Ого! Говорить умеет! Возрадуемся!

- Заткнись, Тормоз! - крикнул Дэнни в ответ. Потом спросил меня: - Как тебя зовут, я забыл?

- Ее зовут Клара, - сказала Джози из-за моей спины. - Отпусти ее, Дэнни. Она не любит, когда ее так держат.

- Слушай, Дэнни! - закричал Тормоз снова. - Бросай ее сюда.

- Хочешь посмотреть на нее, - сказал Дэнни, - так поднимайся с дивана и топай к нам.

- Кинь ее сюда просто. Проверим ее координацию.

- Она не твоя ИП, Тормоз. - Руки Дэнни по-прежнему крепко сжимали мои локти. - На такое надо у Джози спрашивать разрешения.

- Джози, Джози! - крикнул Тормоз. - Разрешаешь? Мою БЗ можно сколько угодно подкидывать в воздух, всегда на ноги приземляется. Давай, Дэнни. Бросай ее сюда на диван. Ей ничего не будет.

- Грубо как, - тихо сказала длиннорукая, и несколько девочек, в том числе Джози, захихикали.

- Моя БЗ, - продолжал Тормоз, - делает сальто и приземляется чистенько на обе ноги. С прямой спиной, идеально. Так давай посмотрим, что эта может.

- Ты ведь не БЗ, правильно? - спросил Дэнни.

Я не отвечала, но Джози позади меня сказала:

- Нет, но она самая лучшая.

- Да? Значит, может, как Тормоз говорит?

- У меня теперь БЗ, - подала голос одна из девочек. - Увидите его на следующей встрече.

Потом кто-то еще спросил:

- Джози, а почему у тебя не БЗ?

- Потому что... мне понравилась эта, - неуверенно проговорила Джози, но затем ее голос окреп. - Клара может все, что могут БЗ.

Я услышала движение позади себя, и к Дэнни подошла длиннорукая девочка. Он, мне показалось, почувствовал и волнение, и страх из-за ее приближения и отпустил мои локти. Но теперь длиннорукая взяла меня за левое запястье, хотя далеко не так грубо, как держал меня Дэнни.

- Здравствуй, Клара, - сказала она и тоже оглядела меня всю. - Так. Проверим. Клара, спой мне, пожалуйста, гармоническую минорную гамму.

Я не знала в точности, какого отклика на это хочет от меня Джози, поэтому ждала каких-то ее слов. Но она молчала.

- Не умеешь петь? А?

- Давай же, ну, - крикнул тот, кого прозвали Тормозом. - Бросай ее сюда. Если не скоординируется, я ее поймаю.

- Молчаливая. - Длиннорукая девочка придвинулась ближе и заглянула мне в глаза. - Может быть, солнечные батареи разряжены.

- С ней все в полном порядке, - сказала Джози так тихо, что, возможно, только я и расслышала.

- Клара, - сказала длиннорукая. - Поздоровайся со мной.

Я по-прежнему молчала, ожидая новых слов Джози.

- Нет? Не хочешь?

- Слушай, Джози, - раздался голос из-за моей спины. - Ты же могла получить БЗ, верно? Так почему не захотела?

Джози засмеялась и сказала:

- Теперь начинаю думать, что зря не захотела.

Услышав это, еще несколько человек засмеялись, а потом прозвучал новый голос:

- БЗ - это что-то потрясающее.

- Ну же, Клара, - сказала длиннорукая. - Короткое приветствие хотя бы.

Я к тому времени придала лицу приятное застывшее выражение и смотрела мимо нее - примерно так в магазине учила нас вести себя в подобных случаях Администратор.

- Надо же, ИП отказывается здороваться. Джози, может быть, ты скажешь Кларе, чтобы она хоть чуть-чуть с нами поговорила?

- Бросайте ее сюда. Это ее оживит.

- У Клары поразительная память, - сказала Джози позади меня. - Не хуже, чем у любой ИП где угодно на свете.

- Правда? - спросила длиннорукая девочка.

- И не только память. Она замечает и хранит в себе то, чего никто не замечает.

- Хорошо. - Длиннорукая девочка все еще держала мое запястье. - Ладно, Клара. Давай вот как. Только не оборачиваться и не смотреть. Скажи мне, во что одета моя сестра.

Я продолжала глядеть мимо длиннорукой девочки на кирпичи стены.

- Оцепенела что-то совсем. Но она милая, тут ничего не скажешь.

- Спроси ее еще раз, - сказала Джози. - Попробуй, Марша. Спроси.

- Хорошо. Клара, я знаю, что ты это можешь. Скажи мне, во что одета Мисси.

- Мне очень жаль, - промолвила я, по-прежнему не глядя на нее.

- Тебе жаль? - После этого длиннорукая обратилась ко всем: - Что бы это значило? - и многие засмеялись. Потом посмотрела на меня сердито: - Что это значит, Клара? Почему тебе жаль?

- Мне жаль, что я не могу помочь.

- Не будет помогать. - Взгляд длиннорукой смягчился, и она отпустила наконец мое запястье. - Ладно, Клара. Можешь обернуться и поглядеть. Посмотри, во что одета Мисси.

Хотя это могло выглядеть невежливым, я не обернулась. Потому что в этом случае я бы не только Мисси увидела - я, конечно, знала, что было на ней, вплоть до фиолетовой повязки на запястье и крохотного кулончика в виде медвежонка, - но и Джози, и тогда нам пришлось бы взглянуть друг другу в глаза.

- Сдаюсь, - сказала длиннорукая девочка.

- Так, ладно, - сказал Дэнни. - Тогда переходим к тесту Тормоза. Просто чтобы его порадовать. Фил, иди сюда, помоги мне ее раскачать. Тормоз, ты оставайся на месте, будь готов ее поймать. Ты не против, Джози?

Джози молчала у меня за спиной, но какая-то девочка сказала:

- Бросать ИП через комнату. Это скверно.

- Что в этом скверного? Они рассчитаны на такое.

- Не в этом дело, - сказала девочка. - Просто это нехорошо.

- Нежности какие, - сказал Дэнни. - Фил, бери ее за руки. А я за ноги.

- А что это у тебя в кармане лежит?

Это был голос Рика, и вся комната умолкла.

- Что ты говоришь, друг?

Рик прошел мимо гостей и встал чуть правее меня. Он показал на рубашку Дэнни, на нагрудный карман. Не видно было, чтобы он боялся. Я заметила эту вещь раньше - мягкую игрушечную собачку, достаточно маленькую для кармана. Я видела детей семи-восьми лет с такими игрушками в карманах, когда они заходили в магазин.

Все передвинулись, желая увидеть, на что показывает Рик, а Дэнни поднял обе руки, чтобы прикрыть карман.

- Игрушечный питомец, так бы я это назвал, - сказал Рик.

- Ничего подобного, - сказал Дэнни.

- Я бы сказал, что это твой игрушечный питомец. Помогает тебе спокойнее чувствовать себя на таких встречах.

- Что ты несешь? Кто тебя вообще спрашивает?

- Если там у тебя ничего такого особенного, может быть, ты мне покажешь? - Рик протянул руку. - Не беспокойся. Я очень бережно.

- Особенное, не особенное - какое тебе до этого дело?

- Дай мне, пожалуйста, подержать. Всего на минутку.

- Для меня это ничего не значит, но тебе не дам.

- Нет? Даже одним глазком нельзя взглянуть?

- Ты ничего от меня не получишь. С какой стати? Эта встреча вообще не для таких, как ты.

Рик все еще стоял с протянутой рукой, и другие гости по-прежнему молчали.

- А не может ли так быть, что ты сам чуточку склонен ко всяким нежностям, Дэнни? - сказал Рик. -

Как минимум по отношению к милым маленьким карманным штучкам.

- Хватит! Оставь Дэнни в покое!

Голос принадлежал взрослой женщине, она размашисто прошагала в комнату, и подростки вокруг, пропуская ее, подались в стороны.

- И Дэнни прав, - сказала она. - Тебе тут вообще не следовало находиться.

Тут следом за ней торопливо вошла Мама, и в дверном проеме я увидела других взрослых, которые заглядывали в Открытую Планировку.

- Ну зачем, Сара, - сказала Мама. - Мы же не вмешиваемся, помнишь?

Мама приобняла Сару одной рукой, а та продолжала сердито смотреть на Рика.

- Ну зачем, Сара. Будем играть по правилам. Дети сами должны такое улаживать.

У Сары все еще было злое лицо, но она позволила вывести себя из комнаты в гул взрослых голосов, стоявший в прихожей. Один из голосов произнес: «Иначе они не научатся», а затем взрослые голоса постепенно смолкли, и в Открытой Планировке стало тихо.

Дэнни из-за вмешательства его взрослой, похоже, смутился еще сильнее, чем из-за игрушки. Продолжая прикрывать нагрудный карман обеими руками, он, слегка сгорбленный, пошел обратно к дивану, видна была только его спина.

- Так, ну ладно, - бодро сказала длиннорукая девочка. - А давайте теперь выйдем погуляем! Смотрите, как там хорошо стало.

Зазвучал одобрителный хор, и среди голосов я услышала Джози:

- Отличная идея. Пошли!

Подростки потянулись за дверь, впереди шли Джози и длиннорукая девочка. Дэнни и Тормоз отправились

вместе со всеми, и в Открытой Планировке остались только мы с Риком.

Рик принялся оглядывать снятые курточки, сдвинутые с места подушки сидений, блюда, банки из-под газировки, картофельные пакетики, журналы, но в мою сторону он не смотрел. Мне подумалось, что, может быть, явятся взрослые наводить порядок после подростков, но никто не приходил, смесь голосов продолжала звучать из кухни.

- Ты напал на этого мальчика, я думаю, ради меня, - сказала я наконец. - Спасибо.

Рик пожал плечами.

- Он начал бесить по-настоящему. Да и все они, честно говоря. - Потом он добавил, все еще не глядя на меня: - Ты, кажется, тоже большого удовольствия не получала.

- Мне стало неудобно, и я была благодарна Рiku за помощь. Но мне было еще и очень интересно.

- Интересно?

- Мне важно наблюдать за Джози в разных ситуациях. И очень интересно было, например, наблюдать за тем, какие конфигурации образуют мальчики и девочки, переходя из одной группы в другую. - Он ничего на это не отвечал, продолжал смотреть в другую сторону, и я сказала: - Может быть, Рик сейчас хочет выйти и присоединиться к ним. Помириться с ними.

Он покачал головой. Потом прошел через Солнечную фигуру - Открытая Планировка, я заметила, уже не была разбита на секции - и сел на модульный диван, ноги вытянул поперек половиц.

- Хотя в чем-то они, пожалуй, правы, - сказал он. - Я тут лишний. Эта встреча для форсированных.

- Рик пришел потому, что этого очень хотела Джози.

- Настаивала, чтобы я пришел. Но сейчас, видимо, слишком занята, чтобы вернуться и проверить, много ли

удовольствия мне приносит эта часть встречи. – Он откинулся на спинку дивана, подставляя лицо под Солнечную фигуру, из-за которой ему пришлось закрыть глаза. – Беда в том, – продолжал он, – что она не остается какой была. Я думал, приду сегодня – глупо, конечно, – я думал, приду, и, может быть, она не... переменится. Может быть, останется той же Джози.

Когда он это сказал, я снова увидела ладони Джози в разные моменты социализации – ладони «добро пожаловать», ладони предлагающие, ладони напряжения, – и увидела ее лицо, и услышала ее голос, когда кто-то спросил, почему она не выбрала БЗ, а она засмеялась и сказала: «Теперь начинаю думать, что зря не захотела». И мне пришли на ум слова Администратора, ее предостережение насчет подростков, которые дают обещания у витрины, но не возвращаются или, еще хуже, возвращаются и выбирают себе другую ИП. Я подумала про ИД, которого увидела через просвет между двумя медленно ехавшими такси, – про того, который удрученно брел по той стороне, где Здание РПО, на три шага отстав от своей девочки-подростка, – и задалась вопросом, не буду ли я когда-нибудь так ходить следом за Джози.

– Может быть, тебе понятно сейчас, – сказал Рик, открывая глаза вопреки яркости Солнечной фигуры. – Может быть, тебе понятно, почему мне надо спасти Джози от этой компании.

– Я понимаю, что Рик опасается, как бы Джози не стала такой же, как другие. Но, пусть она и странно вела себя сейчас, я думаю, что она добрая там, внутри. Да и другие мальчики и девочки. Они ведут себя грубовато, но, может быть, не такие уж они недобрые. У них оттого такое поведение, что они боятся одиночества. Может быть, и Джози тоже.

– Если Джози будет много с ними общаться, она скоро перестанет быть Джози. Где-то в глубине души

она сама это понимает, вот почему я от нее про наш план все время слышу. Целый век не вспоминала, а теперь только про него и говорит.

- Джози на днях упомянула при мне об этом плане. Это план общего будущего для Рика и Джози?

Он стал смотреть мимо меня в окно Открытой Планировки, и мне подумалось, что вернулась его неприязнь ко мне. Но потом он сказал:

- Это у нас началось, когда мы были маленькие. Когда еще не понимали, как все будет. Как всякое разное может нам помешать. Но все-таки Джози еще верит в наш план.

- А Рик тоже продолжает верить в план?

Он посмотрел теперь прямо на меня.

- Я сказал и могу повторить. Без плана она в конце концов станет такой же, как они. Я, пожалуй, пойду. - Он резко поднялся. - Пока эта компания не вернулась. Или эта сумасшедшая мамаша.

- Я надеюсь, что мы в скором времени сможем еще поговорить обо всем этом. Потому что я верю, что во многом у нас с Риком похожие цели.

- Слушай, вот тогда, на днях. Когда я сказал, что не хочу, чтобы у Джози была ИП. Тут личного не было ничего. Просто... ну, мне показалось, что еще и это теперь будет нам мешать.

- Надеюсь, что нет. Наоборот, теперь, когда я больше понимаю, я всеми силами буду стараться помогать Рiku и Джози с их планом. Может быть, помогу устранить препятствия, о которых ты сказал.

- Я, пожалуй, пойду. Проверю, как там моя мама.

- Конечно.

Он прошел мимо меня и покинул Открытую Планировку. Я сделала несколько шагов вперед, чтобы увидеть, как он выходит из дома на яркий свет Солнца.

Как я сказала Рику в тот день, встреча, посвященная социализации, стала для меня источником ценных новых наблюдений. Во-первых, я узнала о способности Джози, как выразился Рик, «перемениться» и стала приглядываться к ней, чтобы уловить перемену, если она случится снова. Кроме того, я задавалась вопросом, в какой мере она на самом деле жалеет, что не выбрала БЗ. Ее слова об этом были, скорее всего, сказаны с юмором, чтобы отвести угрозу дисгармонии на той встрече. И все же нельзя было отрицать, что у БЗ больше возможностей, чем у меня, и я должна была признать, что когда-нибудь у Джози может возникнуть подобная идея.

В первые дни после встречи я, помимо прочего, беспокоилась о том, как Джози расценила мое молчание в ответ на вопросы длиннорукой девочки. В той ситуации, что тогда сложилась, и в отсутствие ясного сигнала от Джози я выбрала линию поведения, которую сочла наилучшей. Но теперь мне думалось, что Джози, поразмыслив, может на меня рассердиться.

По всем этим причинам я боялась, что социализация может омрачить нашу дружбу. Но день проходил за днем, а Джози оставалась все такой же приветливой и доброй ко мне, как всегда. Я ожидала, что она заговорит о произошедшем на встрече, но она не вспоминала о ней вслух.

Я получила тогда, повторяю, полезные уроки. Я не только узнала, что «перемены» составляют часть Джози и что я должна уметь к ним приспособляться; я, кроме того, начала понимать, что эта черта свойственна не только Джози, что люди часто ощущают необходимость показываться проходящим какой-то подготовленной стороной, витриной, и что эту витрину

не надо принимать слишком всерьез, когда момент миновал.

Я была очень рада тогда, что социализация ничего между нами не изменила. Потом, однако, произошло другое событие, которое на время сделало нашу дружбу не такой теплой. Это была поездка к Морганс-Фолс, и мне стало из-за нее тревожно, потому что я долго не могла понять, каким образом она охладила наши отношения и как я могла этого избежать.

* * *

Однажды рано утром, через три недели после той встречи, я взглянула на Джози и поняла по ее положению и дыханию, что она спит не так, как обычно. Я воспользовалась тревожной кнопкой, и Мама пришла тут же. Она позвонила доктору Райану, а чуть позже я услышала, как Помощница Мелания звонит ему еще раз и просит поторопиться. Когда он приехал, он тщательно осмотрел Джози и сказал, что беспокоиться не о чем. Мама приободрилась и, когда доктор ушел, сделалась оживлена. Она села на край кровати Джози и сказала ей:

- Тебе надо заканчивать с этим энергетическим напитком. Я всегда говорила, что он плохо на тебя действует.

Джози, не поднимая головы с подушки, ответила:

- Я знала, что со мной ничего ужасного. Устала, вот и все. Не надо было из-за меня волноваться. А теперь ты опоздаешь на работу.

- Волноваться из-за тебя, Джози, - вот она, моя работа. - Потом она добавила: - И Кларина работа. Она молодец, что подняла тревогу.

- Мне просто надо еще немного поспать. Потом буду в полном порядке, обещаю, мама.

- Послушай, дружочек. - Мама наклонилась к самому уху Джози. - Послушай. Мне очень нужно, чтобы ты была здорова. Слышишь меня?

- Слышу, мама.

- Хорошо. Я не была уверена, что ты слушаешь.

- Слушаю, мама. Глаза только закрыла.

- Ладно. Значит, договорились. Поправляйся к концу недели, и навестим Морганс-Фолс. Ты ведь и сейчас это место любишь, правда?

- Да, мама. И сейчас люблю.

- Хорошо. В общем, мы условились. Воскресенье, Морганс-Фолс. Но только тебе надо поправиться.

Долгое молчание, а потом я услышала, как Джози говорит словно бы в подушку:

- Мама. Если я поправлюсь, можно будет взять с собой Клару? Показать ей Морганс-Фолс. Она один только раз была снаружи. Да и то совсем недалеко.

- Конечно, можно ее взять. Но надо поправиться, иначе ничего этого не будет. Поняла меня, Джози?

- Поняла, мама. Я теперь посплю еще, хорошо?

* * *

Она проснулась перед самым ланчем, и я собиралась дать знать Помощнице Мелании, как мне было велено, но Джози усталым тоном сказала:

- Клара. Ты все время тут была, пока я спала?

- Конечно.

- Ты слышала, что мама сказала про поездку к Морганс-Фолс?

- Да. И я очень-очень надеюсь, что мы сможем поехать. Но твоя мама сказала, что мы поедем только если ты будешь хорошо себя чувствовать.

- Я буду в норме. Я бы и сегодня могла, если бы захотела. Устала просто, только и всего.

- Что такое Морганс-Фолс, Джози?

- Красота неопишуемая, вот что это такое. Ты поразишься. Я тебе потом фотографии покажу.

Джози еще долго в тот день была уставшей. Но ближе к вечеру, когда я подняла в спальне жалюзи, чтобы Солнце могло положить на Джози Свою фигуру, у нее заметно прибавилось сил. Помощница Мелания тогда поднялась посмотреть на нее и сказала, что Джози может одеться, если только пообещает провести остаток дня спокойно. Вот почему мы все еще были в спальне вечером, и Джози тогда достала из-под кровати картонную коробку.

- Сейчас увидишь, - сказала она и перевернула коробку. На ковер высыпалось множество фотографий разных размеров, одни лицом вверх, другие вниз. Я поняла, что это у Джози любимые картинки из ее прошлого, которые она хранит под кроватью, чтобы можно было подбодрить себя ими, когда захочется. Многие снимки сейчас наложились на другие, но я видела, что на большинстве из них Джози моложе, чем сейчас. На одних она была с Мамой, на других с Помощницей Меланией, на третьих с людьми, которых я не знала. Джози раскладывала их на ковре, потом взяла одну фотографию и улыбнулась.

- Морганс-Фолс, - сказала она. - Куда мы поедем в воскресенье. Ну, как тебе?

Она дала мне фото - я теперь стояла около нее на коленях, - и там была более юная Джози, она сидела под открытым небом за столом, сделанным из довольно грубых деревянных досок. Даже сиденье было из досок, и рядом с ней сидела Мама, не такая худая и с более короткой стрижкой, чем сейчас. Меня заинтересовала третья фигура за столом - девочки в короткой легкой хлопчатобумажной курточке, ее возраст я оценила в одиннадцать лет. Лица незнакомой девочки я не видела, она сидела спиной к фотографу. Солнечные

фигуры, пересекая стол, были видны на них на всех. Позади Джози и Мама было что-то смазанное и черно-белое. Внимательно рассмотрев, я сказала:

- Это водопад.

- Ничего себе. Ты что, видела водопад, Клара?

- Да. Видела один раз в журнале в магазине. И надо же! Ты ешь перед самым водопадом.

- Около Морганс-Фолс так можно. Сидишь за ланчем, а на тебя падает водяная пыль. Ешь, ешь, а потом чувствуешь, что рубашка на спине вся мокрая.

- Для тебя это не очень хорошо, Джози.

- Когда тепло, ничего страшного. Но ты права. В прохладный день надо садиться подальше. Мест, чтобы сесть, там хоть отбавляй, люди не так хорошо знают про Морганс-Фолс. - Она протянула руку, и я отдала ей снимок. Она посмотрела на него еще раз и сказала: - Может быть, только мы с Мамой думаем, что там что-то особенное. Вот почему там всегда не очень много народу. Но мы каждый раз отлично проводим время.

- Я очень-очень надеюсь, что ты к концу недели наберешься сил.

- Воскресенье всегда самый лучший день для Морганс-Фолс. Там хорошее настроение по воскресеньям. Как будто водопад знает, что это День Отдыха.

- Джози. Кто там с вами на фотографии? Кто эта девочка с тобой и твоей мамой?

- О... - Ее лицо стало серьезным, потом она сказала: - Это Сал. Моя сестра.

Она позволила снимку упасть на другие, а затем начала водить по ним обеими руками, перемещая их по ковру. Я увидела фотографии детей - в поле, на игровых площадках, около зданий.

- Да, моя сестра, - повторила она спустя долгое время.

- А где Сал сейчас?

- Сал умерла.

- Как печально.

Джози пожала плечами.

- Я уже не так хорошо ее помню. Я была маленькая, когда это случилось. Не то чтобы я по ней очень тосковала или что-то такое.

- Как грустно. Ты знаешь, отчего это произошло?

- Заболела. Нет, не той же болезнью, какой я. Гораздо хуже, и поэтому она умерла.

Я думала, что Джози ищет другой снимок, где сфотографирована ее сестра, но она внезапно собрала все фотографии и положила обратно в коробку.

- Тебе там страшно понравится, Клара. Надо же, только раз побывала снаружи, и тут вдруг прямо *туда!*

* * *

Джози с каждым днем делалась сильнее, и поэтому перед концом недели, казалось, не было причин думать, что мы не сможем отправиться к водопаду. Вечером в пятницу Мама вернулась поздно - Джози давно поужинала. Мама позвала меня на кухню. Джози к тому времени уже поднялась к себе, и на кухне было очень темно, ее освещала только лампа в прихожей. Но Маме, судя по всему, хорошо было там стоять перед большими окнами, смотреть в ночь и пить свое вино. Я стояла у холодильника, где было слышно, как он работает.

- Клара, - сказала она через некоторое время. - Джози говорит, ты хочешь поехать с нами в воскресенье. К Морганс-Фолс.

- Если я не буду мешать, я бы очень хотела поехать. Джози, мне кажется, тоже этого желает.

- Безусловно. Джози очень к тебе привязалась. И, позволю себе сказать, я тоже.

- Спасибо вам.

- По правде говоря, поначалу я не знала точно, какие у меня будут чувства. Взять тебя в дом, чтобы ты была тут день за днем, ходила по комнатам. Но Джози с тех пор, как ты появилась, стала намного спокойней, намного приветливей.

- Я очень рада.

- Ты отлично справляешься, Клара. Хочу, чтобы ты знала.

- Огромное вам спасибо.

- Тебе понравится Морганс-Фолс. Многие мальчики и девочки берут туда своих ИД и ИП. И все-таки, разумеется, ты должна будешь и сама остерегаться, и за Джози присматривать. Там, на месте, могут быть неожиданности. А Джози иногда перевозбуждается во время таких вылазок.

- Понимаю. Я буду осторожна.

- Клара, тебе нравится здесь, у нас? Ты довольна, счастлива?

- Да, конечно.

- Странно спрашивать о таком ИП. Честно говоря, не знаю даже, не бессмысленный ли вопрос задала. Ты скучаешь по магазину?

Она глотнула еще вина и шагнула ко мне, так что на одну сторону ее лица упал свет из прихожей, а другая сторона, включая большую часть носа, оставалась в тени. Тот глаз, что я видела, выглядел уставшим.

- Я иногда думаю о магазине, - сказала я. - Вид из витрины. Другие ИД и ИП. Но нечасто. Мне очень хорошо здесь.

Мама смотрела на меня. Потом сказала:

- Можно такому позавидовать. Не томиться ни по чему. Не желать никуда вернуться. Не оглядываться то и дело. Все тогда намного... - Помолчав, она продолжила: - Ладно, Клара. Итак, в воскресенье ты с нами. Но запомни, что я сказала. Происшествия нам в поездке не нужны.

Я наверняка получала кое-какие сигналы в те дни, потому что совсем неожиданными для меня утренние события в воскресенье не стали, хоть они и заставили меня потом испытывать печаль и снова напомнили мне, сколько я еще всего должна узнать.

К пятнице Джози вполне уверилась, что ей хватит сил для поездки, и она много минут проводила перед длинным зеркалом внутри гардероба, примеряя разные наряды. Иногда спрашивала меня, что я думаю, и я улыбалась и старалась как могла ее приободрить. Но даже тогда я, должно быть, улавливала сигналы, потому что, хваля ее вид, всегда старалась удержаться от чрезмерных превозношений.

Я уже знала, что за воскресным завтраком может возникнуть напряжение. В другие утра, даже когда Мама задерживалась после своей чашечки кофе, все равно было ощущение, что каждый обмен фразами может стать последним до самого вечера, и хотя из-за этого и Джози, и Мама иногда говорили друг с другом резковато, коротко, завтрак не мог оказаться насыщен сигналами. Но по воскресеньям, когда Маме не надо было никуда ехать, создавалось чувство, что любой ее вопрос может повести к не очень приятному разговору. Когда я еще была новая в доме, мне думалось, что есть определенные опасные темы, связанные с Джози, и что если только не давать Маме находить подходов к этим темам, то воскресному утреннему уюту ничего не будет грозить. Но, наблюдая дальше, я увидела, что даже если избегать опасных тем – таких как учебные задания Джози или ее баллы за социализацию, – то избавиться от ощущения неуюта все равно удастся далеко не всегда, потому что на самом деле оно идет от чего-то *под* этими темами; что Мама нарочно наводит разговор

на эти опасные темы, чтобы вызывать у Джози определенные эмоции.

И поэтому я обеспокоилась, когда в то воскресное утро перед поездкой к Морганс-Фолс Мама спросила Джози, почему ей нравится играть на своей дощечке в игру, где персонажи постоянно гибнут в дорожных катастрофах. Вначале Джози ответила беспечно:

- Мама, ну просто игра так устроена. Набираешь в супербус все больше и больше своих, но, если не рассчитала маршрут, можно потерять всех лучших людей в аварии.

- И зачем тебе такая игра, Джози? Игра, где происходят такие ужасы.

Джози продолжала какое-то время отвечать Маме терпеливо, но вскоре улыбка ушла из ее голоса. Под конец она стала повторять, что это просто игра, которая ей нравится, а Мама задавала все новые и новые вопросы про эту игру и, похоже, сердилась.

Потом Мамино недовольство словно бы разом исчезло. Нет, веселой она все-таки не сделалась, но посмотрела на Джози нежно, и ее добрая улыбка преобразила все ее лицо.

- Прости меня, дружочек. Не надо было мне об этом сегодня. Так несправедливо с моей стороны.

И она встала со своей высокой табуретки, подошла к той, на которой сидела Джози, и обняла ее долгими объятиями, такими долгими, что в какой-то момент Маме пришлось начать слегка покачиваться вместе с Джози, чтобы длительность этих объятий не была так заметна. Джози, я видела, не была против, сколько бы это ни продолжалось, и когда они разъединились - я не поворачивалась от холодильника, пока не уверилась, что это так, - размолвка между ними была преодолена.

Так что завтрак, который, я боялась, мог в последний момент стать препятствием для нашей поездки к Морганс-Фолс, окончился в полной гармонии,

и я почувствовала прилив волнения. Правда, совсем под конец, когда Мама и Помощница Мелания уже вышли к машине, я увидела, как Джози, продевая руки в рукава своей стеганой куртки, помедлила и пропустила через себя набежавшую усталость. Потом она надела куртку до конца и, увидев меня в прихожей, бодро улыбнулась. Тут мы услышали машину, рассыпанные камешки заскрипели под колесами. Помощница Мелания вернулась в дом с ключами в руке и жестом показала нам, что пора выходить. Но теперь, уже будучи настороже, я заметила еще один крохотный сигнал – что-то в торопливой походке Джози, когда она двинулась передо мной за дверь и дальше, на рассыпанные камешки.

Мама сидела за рулем, смотрела на нас через ветровое стекло, и мне сделалось боязно. Но Джози ничем больше себя не выдала – по рассыпанным камешкам сумела даже весело проскакать – и сама открыла переднюю пассажирскую дверь.

Я никогда раньше не была внутри автомобиля, но мы с Розой так часто видели, как люди садятся в машины и выходят из них, какие позы принимают, как пробираются к своему месту, как сидят, когда машина уже тронулась с места, что меня, когда я усаживалась на заднее сиденье, ничто не удивило. Оно оказалось мягче, чем я ожидала, и спинка переднего сиденья, которое занимала сейчас Джози, была очень близко, так что впереди мне почти ничего не было видно. Так или иначе, я не стала отвлекаться. Подробно рассматривать внутренность машины мне было некогда: я почувствовала, что напряженное настроение вернулось. Впереди меня Джози молчала, смотрела в сторону от сидевшей рядом Мама, повернув голову к дому и Помощнице Мелании, которая шла к машине по рассыпанным камешкам с бесформенной сумкой, где помимо прочих вещей лежали лекарства для Джози на

тот случай, если ей вдруг станет хуже. Мама положила обе руки на руль, как будто ей не терпелось поехать, а ее голова была повернута туда же, куда голова Джози, но я видела, что Мама смотрит не на приближающуюся Помощницу Меланию и не на дом, а на саму Джози. Глаза Мама увеличились, и из-за того, что ее лицо было очень худым и костлявым, глаза казались еще больше, чем были на самом деле. Помощница Мелания положила бесформенную сумку в багажник и со стуком опустила его крышку. Потом открыла заднюю дверь со своей стороны и скользнула на сиденье сбоку от меня. Сказала мне:

- ИП. Ремень пристегнуть. А то плохо, сломаешься.

Я пыталась разобраться в механизме ремня, которым на моих глазах пользовалось множество людей в машинах, и тут Мама сказала:

- Думаешь, обманула меня, да, девочка?

После молчания Джози спросила:

- Ты о чем, мама?

- Не пытайся это спрятать. Ты опять нездорова.

- Мама, я здорова. Со мной все отлично.

- Джози, почему ты так со мной поступаешь? Всегда. Почему у нас так должно быть?

- Я не понимаю, мама, о чем ты говоришь.

- Ты думаешь, я не ждала этой поездки, не предвкушала ее? Мой единственный свободный день с моей дочерью. С ненаглядной дочерью, которая мне говорит, что с ней все отлично, хотя на самом деле она нездорова.

- Мама, это не так. Я правда хорошо себя чувствую.

Но мне слышна была перемена в голосе Джози. Слышен был отказ от усилия, которое она делала над собой до этого момента, и в голосе возникла внезапная усталость.

- Зачем ты притворяешься, Джози? Ты думаешь, ты мне этим не делаешь больно?

- Мама, клянусь тебе, я хорошо себя чувствую. Пожалуйста, давай поедem. Клара никогда не видела водопада, она так этого ждет.

- Клара этого ждет?

- Мама, пожалуйста.

- Мелания, - сказала Мама, - Джози нужна помощь. Выйдите из машины. Перейдите, пожалуйста, на ее сторону и помогите ей. Она может упасть, если попытается выбраться сама.

Новое молчание.

- Мелания! Что с вами такое? Тоже заболели?

- Может быть, мисс Джози не так слабая.

- Не поняла.

- Я помогаю там. ИП тоже. Мисс Джози нормально. Может быть.

- Так, дайте-ка я уразумею. Это что, ваша оценка? Что моя дочь в состоянии провести весь день вне дома? У водопада? Что-то мне уже и за вас тревожно, Мелания.

Помощница Мелания молчала, но по-прежнему не двигалась.

- Мелания! Мне так понимать, что вы отказываетесь выйти и помочь Джози покинуть машину?

Помощница Мелания смотрела в промежуток между передними сиденьями на дорогу впереди. Ее лицо выглядело озадаченным, как будто что-то выше по холму не давало ей себя распознать. Потом внезапно она открыла свою дверь и вышла.

- Мама, - сказала Джози. - Прошу тебя, можно мы поедem? Не надо, пожалуйста, так.

- Ты думаешь, мне самой нравится? Вот это вот все? Ладно, ты нездорова. Ты в этом не виновата. Но не говорить никому. Скрывать, довести до того, что мы все сели в машину, а впереди целый день. Это нехорошо, Джози.

- Нехорошо говорить мне, что я больна, когда я запросто могу...

Помощница Мелания открыла снаружи дверь, у которой сидела Джози. Джози умолкла, а потом ее лицо, полное печали, обернулось ко мне сбоку от спинки сиденья.

- Прости меня, Клара. Съездим в другой раз. Обещаю. Мне правда очень-очень жаль.

- Ничего страшного, - сказала я. - Мы должны поступать так, как лучше для Джози.

Я тоже собралась выйти, но тут Мама сказала:

- Клара, одну секунду. Джози ведь что мне сказала. Что ты очень ждала этой поездки. Ну так почему бы тебе не остаться сидеть, где сидишь?

- Прошу прощения. Я не понимаю.

- Ну как же, это так просто. Джози нездорова и ехать не в состоянии. Она могла бы сказать нам об этом раньше, но решила не говорить. Ладно, она остается дома. Мелания тоже. Но мы с тобой, Клара, можем поехать, почему нет?

Лица Мама я не видела, слишком высоки были спинки. Но Джози сидела по-прежнему, оглянувшись в мою сторону мимо спинки своего кресла. Ее глаза потускнели, как будто им уже было все равно, что они видят.

- Так, Мелания, - сказала Мама более громким голосом. - Помогите Джози выйти. Аккуратно с ней. Она больна, не забывайте.

- Клара, - сказала Джози. - Ты что, правда поедешь с ней к водопаду?

- Я благодарна твоей маме за это предложение, за ее доброту, - сказала я. - Но, может быть, лучше будет на этот раз...

- Постой, Клара, - перебила меня Мама. Потом она сказала: - Как же так, Джози? Только что ты была озабочена из-за бедной Клары, которая никогда не

видела водопада. А теперь уговариваешь ее остаться дома?

Джози смотрела и смотрела на меня, а Помощница Мелания по-прежнему стояла около машины, протянув руку, чтобы Джози могла за нее взяться. Наконец Джози сказала:

- Ладно. Может быть, тебе стоит поехать, Клара. Вам с мамой. Нет смысла портить целый день из-за такой ерунды, из-за... Простите меня все. Простите, что я все время болею. Не знаю почему... - Я подумала, что потекут слезы, но она удержала их и продолжила тихо: - Прости, мама. Я правда виновата. Вечно всех подвожу. Клара, а ты поезжай. Ты придешь в восторг от водопада.

Ее лицо скрылось за спинкой сиденья.

Несколько секунд я не знала, как мне быть. Теперь обе они, и Мама, и Джози, выразили желание, чтобы я оставалась в машине и ехала к водопаду. И я понимала, что, если поеду, то, вполне вероятно, обогащусь новыми, возможно, критически важными наблюдениями, касающимися Джози и ее ситуации, и смогу потом лучше ей помогать. И все же ее печаль, когда она шла обратно по рассыпанным камешкам, была очевидна. Ее походка теперь, когда стало нечего скрывать, сделалась ломкой, и она не стеснялась опираться на руку Помощницы Мелании.

Мы смотрели, как Помощница Мелания отпирает дверь и они вдвоем входят в дом. Потом Мама запустила мотор, и мы отправились.

* * *

Это была моя первая поездка в машине, и поэтому я не могла толком оценить нашу скорость. Мне показалось, что Мама едет необычайно быстро, и на

мгновение мне стало боязно, но потом я вспомнила, что она въезжает на этот холм каждый день, и заключила, что не стоит ничего опасаться с ее стороны. Я сосредоточилась на деревьях, проносящихся мимо, и на больших пустых промежутках, внезапно возникающих то справа, то слева, через них я видела с высоты холма кроны деревьев, растущих ниже. Потом дорога перестала подниматься, и машина поехала через большое поле, пустое, если не считать сарая вдалеке, очень похожего на тот, который видно из окна Джози.

Потом Мама в первый раз заговорила. Она была за рулем и потому не поворачивалась ко мне назад, и, не будь я одна с ней в машине, я, может быть, и не догадалась бы, что она обращается ко мне.

- Всегда они так, всегда. Играют с твоими чувствами. - Потом, чуть погодя, она продолжила: - Может быть, на посторонний взгляд, я жестко себя веду. Но как еще они научатся? Они должны научиться понимать, что у нас тоже есть чувства. - Потом, опять немного помолчав: - Она думает, мне *нравится* быть не с ней, день за днем, день за днем, черт бы все это взял?

Теперь появились другие машины, и, в отличие от улицы перед магазином, они ехали в обе стороны. Встречные машины возникали вдалеке и неслись в нашу сторону, но водители никогда не ошибались, и никто с нами не сталкивался. Вскоре все вокруг начало меняться с такой быстротой, что упорядочивать эти картины стало затруднительно. В какой-то момент одна секция сделалась наполнена машинами, тогда как соседние секции были заняты частями дороги и окружающего поля. Я, как могла, старалась сохранять при переходе из одной секции в другую гладкую линию дороги, но картины менялись постоянно, и в итоге я сдалась и позволила дороге всякий раз, как она пересекала границу, прерываться и начинаться заново. Несмотря на все эти трудности, окружающий простор,

обилие видов и огромное небо очень сильно меня взволновали. Солнце часто закрывали облака, но иногда я видела Его фигуры, протянувшиеся поперек долины или ровного участка земли.

Когда Мама заговорила снова, было понятнее, что ее слова обращены ко мне.

- Славно иной раз, наверное, не иметь никаких чувств. Я тебе завидую.

Я обдумала это и сказала:

- Мне кажется, у меня много чувств. Чем больше я наблюдаю, тем больше чувств мне доступно.

Неожиданно она засмеялась, я даже вздрогнула.

- В этом случае, - сказала она, - тебе, может быть, не стоит так усердствовать в наблюдении. - Потом добавила: - Прости меня. Не хотела тебя обидеть. Я уверена, что чувств у тебя хватает.

- Когда Джози сейчас не смогла с нами поехать, я почувствовала печаль.

- Ты печаль почувствовала. Ладно. - Она замолчала - возможно, сосредоточилась на езде и на встречных машинах. Потом сказала: - Было время, не так давно, когда я думала, что чувствую все меньше и меньше. Каждый день чуть поменьше. Я не знала, рада я этому или нет. Но сейчас, последнее время, я, кажется, делаюсь сверхчувствительна ко всему. Клара, посмотри налево. Ты там как, в нормальном состоянии? Посмотри налево, туда, вдаль, и скажи, что ты видишь.

Там, где мы сейчас ехали, земля не поднималась и не опускалась, и небо все еще было очень большим. Я видела плоские поля, ни сараев, ни фермерских машин, и эти поля протянулись далеко. Но у горизонта было что-то похожее на небольшой город, состоявшее из одних металлических ящиков.

- Видишь? - спросила Мама, сама не отрывая глаз от дороги.

- Это далеко отсюда, - сказала я. - Но я вижу какую-то деревушку. Может быть, там делают автомобили или еще что-нибудь.

- Неплохая догадка. На самом деле химический завод, и довольно-таки передовой. Кимбалл Рефриджерейшн. Хотя вопреки названию к холодильникам они уже не один десяток лет отношения не имеют. Из-за этого завода мы, собственно, тут и поселились. На нем работал отец Джози.

Хотя до металлических ящиков по-прежнему было неблизко, я могла теперь разглядеть трубы, соединявшие здания между собой, и другие трубы, торчавшие в небо. Чем-то все это напомнило мне ужасную КОТЭ-машину, и мне стало тревожно из-за Загрязнения. Но тут Мама сказала:

- Там хорошее место. Чистая энергия на входе, чистая энергия на выходе. Отец Джози там когда-то был восходящей звездой.

Потом городок из металлических ящиков пропал из виду, и я опять села прямо.

- Мы сейчас отлично ладим, - сказала Мама. - Почти друзья, можно сказать. Для Джози это хорошо, конечно.

- Хочу спросить, работает ли Папа до сих пор на холодильном заводе.

- Что? О нет. Он был... заменен. Как и все прочие с ним. Он был блестящий талант. Был и есть, разумеется. Мы с ним лучше ладим сейчас. Это важно для Джози.

После этого мы некоторое время ехали молча, дорога стала круто подниматься вверх. Потом Мама поехала медленней, и мы свернули на узкую дорогу. Когда я в очередной раз посмотрела вперед между сиденьями, новая дорога показалась мне лишь ненамного шире самой машины. Перед нами, прочерчивая гладь дороги, тянулись слякотные параллельные линии от более ранних колес, и с обеих сторон нас обступали деревья, как здания на городской

улице. Мама вела машину дальше по этой узкой дороге, и хотя мы ехали не так быстро, я задавалась вопросом, что случится, если другая машина поедет нам навстречу. Потом мы сделали еще один поворот и остановились.

– Все, Клара. Дальше пешком. Сможешь?

Когда мы вышли, я почувствовала прохладный ветер и услышала птиц. Вокруг нас, когда мы поднимались по тропе с камнями и комьями глины, было еще больше дикорастущих деревьев. Мне приходилось остерегаться, но я держалась за Мамой, и немного погодя мы прошли между двумя деревянными столбами, за которыми начиналась новая тропа. Она шла все вверх и вверх, и Маме часто надо было останавливаться и ждать меня. Мне подумалось тогда, что, может быть, она все-таки правильно посчитала, что эта поездка будет слишком трудна для Джози.

В этот момент я случайно повернула голову налево и там, за забором, тянувшимся вдоль тропы, увидела в поле быка, который внимательно смотрел на нас. Мне попадались фотографии быков в журналах, но живьем, конечно, я никогда быка не видела, и хотя этот стоял от нас на приличном расстоянии и не мог, я знала, перескочить через забор, его вид так меня встревожил, что я вскрикнула и остановилась. Ни от чего раньше у меня на глазах не шло разом столько сигналов злобы и желания крушить. Его морда, его рога, его холодные глаза, смотрящие на меня, – все это внушало мне страх, но я чувствовала и что-то еще, что-то более странное и глубокое. Было чувство в ту минуту, что это какая-то громадная ошибка, что нельзя было позволить такому существу вообще тут быть, стоять под Солнечной фигурой, что место этому быку где-то глубоко под землей в темноте и глине, что его пребывание на траве наверняка приведет к чему-то ужасному.

- Не волнуйся, - сказала Мама. - Он нас не тронет. Пойдем, пойдем дальше. Мне нужен кофе.

Я заставила себя отвернуться от быка и последовала за Мамой. Совсем скоро подъем прекратился, и вокруг нас появились грубые деревянные столы, которые я видела у Джози на фотографии. Я насчитала их четырнадцать по всей поляне, каждый с прикрепленными скамейками из досок по одну и другую сторону. Там были взрослые, дети, подростки, ИД, ИП, собаки - одни бегали, ходили или стояли вокруг столов, другие сидели за ними. Чуть дальше столов, совсем близко, был водопад. Он был больше и неистовей, чем тот, что я видела в журнале, и сам по себе занимал восемь секций. Я хотела увидеть Солнце, но не нашла Его в сером небе.

- Сядем тут, - сказала Мама. - Иди садись. Подожди меня. Мне надо выпить кофе.

Она пошла к домику из такого же грубого дерева шагах в двадцати. Спереди у него был открытый прилавок, так что он мог действовать как магазин, и прохожие стояли около него в очереди.

Я была рада, что могу сесть и освоиться, и, пока я ждала за грубым столом возвращения Мамы, все вокруг постепенно упорядочивалось. Водопад уже не занимал столько секций, и мальчики и девочки со своими ИД и ИП легко переходили из секции в секцию почти без разрыва.

Хотя никто из ИД и ИП, чье внимание было полностью поглощено их подопечными, не проявлял ко мне ни малейшего интереса, мне было приятно снова оказаться там, где они есть, и какое-то время я наблюдала за ними с радостью, провожая взглядом то одного, то другую. Потом пришла Мама, села передо мной, и я повернулась к ней полностью, а водопад неистовствовал у нее за спиной. Ее кофе был в бумажном стаканчике, и она поднесла его к губам. Я

вспомнила, что говорила Джози: что если сидишь близко к водопаду, то можешь сама не заметить, как вся спина станет мокрая. Я подумала, не сказать ли об этом Маме; но что-то в ней показывало мне, что пока мне лучше помолчать.

Она так же пристально вглядывалась в мое лицо, как смотрела с тротуара, когда мы с Розой были в витрине. Все время, пока пила кофе, она не отводила от меня взгляда, и дошло до того, что одно только ее лицо заполнило целых шесть секций, в трех из которых были ее сузившиеся глаза, каждый раз под другим углом. Наконец она спросила:

- Ну и как тебе тут нравится?

- Тут чудесно.

- Вот, теперь ты повидала настоящий водопад.

- Спасибо вам, что привезли меня сюда.

- Странно. Мне показалось сейчас, что ты не очень-то рада. Не вижу твоей обычной улыбки.

- Простите меня. Я не хотела проявить неблагодарность. Мне очень приятно видеть водопад. Но и жаль все-таки, что Джози не смогла поехать с нами.

- Мне тоже. У меня нехорошо на душе из-за этого. - Потом она сказала: - Но не так нехорошо, как могло бы быть, потому что *ты* здесь.

- Спасибо вам.

- Может быть, Мелания была права. Может быть, Джози справилась бы.

Я молчала. Мама пила понемногу кофе и продолжала смотреть на меня.

- Что тебе Джози сказала про это место?

- Сказала, что тут красота и что ее всегда очень сильно радовали поездки сюда с вами.

- Именно так сказала? А упомянула про то, как мы всегда ездили сюда с Сал? Как Сал любила тут бывать?

- Да, Джози упомянула про свою сестру. - Потом я добавила: - Я видела сестру Джози на фотографии.

Мама смотрела на меня так пристально, что я подумала, не допустила ли я сейчас ошибку. Но потом она сказала:

- Я, кажется, знаю, на какой фотографии. На той, где мы сидим втроем. Помню, как Мелания нас снимала. Мы сидели вон на той скамейке. Я, Сал, Джози. Что-то не так, Клара?

- Мне очень грустно было узнать, что Сал скончалась.

- Грустно, говоришь...

- Простите меня. Наверное, мне не следовало...

- Все нормально. С тех пор как ее не стало, прошло время. Жаль, что тебе не довелось познакомиться с Сал. Другая, чем Джози. Джози просто берет и говорит, что думает. Ее не волнует, что, может быть, не надо было этого говорить. Иногда это раздражает, но я и за это ее люблю. Сал была не такая. Сал сначала все обдумает внутри себя и только потом выскажется, понимаешь меня? Она была более чувствительная, более ранимая. Может быть, поэтому тяжелее переносила болезнь, чем Джози.

- Можно мне узнать... почему Сал скончалась?

Глаза Мама стали другими, и вокруг рта появилась какая-то жестокая складка.

- Зачем такие вопросы?

- Простите меня. Я просто любопытствовала...

- Не твое дело любопытствовать.

- Я очень-очень виновата.

- Что тебе до этого? Так случилось, вот и все.

Потом, после долгой паузы, лицо Мама смягчилось.

- Я думаю, мы правильно сделали, что не взяли с собой Джози сегодня, - сказала она. - Она нездорова сейчас. Но вот мы сидим тут, и я по ней скучаю. - Она оглянулась и посмотрела на водопад. Потом

повернулась обратно, и ее взгляд прошел мимо меня, туда, где были прохожие, собаки, ИД и ИП. – Так, Клара, хорошо. Раз Джози тут с нами нет, я хочу, чтобы ты побыла Джози. Совсем недолго. Раз уж мы здесь.

– Прошу прощения. Я не понимаю.

– Ты для меня так делала уже. В тот день, когда мы забрали тебя из магазина. Забыть ты вряд ли могла.

– Я помню, конечно.

– Я хочу сказать – ты вряд ли могла забыть, как это делать. Идти походкой Джози.

– Я смогу идти, как она. И даже более тонко теперь сумею ей подражать, ведь я лучше ее узнала, в разных ситуациях ее видела. Однако вот...

– Что – однако вот?

– Простите меня. Я не то сказала.

Мама смотрела на меня, потом сказала:

– Хорошо. Но я, так или иначе, не походку хочу увидеть в твоём исполнении. Вот мы сидим здесь вдвоем. Приятное место, приятный день. И я предвкушала, что мы будем тут с Джози. Поэтому я вот о чем тебя попрошу, Клара. Ты же сообразительная. Если бы сейчас не ты тут сидела, а она, то как бы она сидела? Вряд ли так, как ты сидишь.

– Нет. Джози бы скорее... так.

Мама ближе наклонилась над столом, ее глаза до того сузились, что лицо стало занимать восемь секций, оставив водопаду только крайние секции, и какое-то время у меня было чувство, что выражение ее глаз меняется от секции к секции. В одной, например, они смеялись жестоким смехом, но в соседней были полны печали. Шум водопада, голоса детей и лай собак – все утихло, чтобы дать место тому, что Мама готовилась сказать.

– Хорошо. Очень хорошо. Но сейчас я хочу, чтобы ты чуть-чуть пошевелилась. Сделай что-нибудь. Не

переставай быть Джози. Дай мне увидеть ее не застывшей.

Я улыбнулась улыбкой Джози и села развалиясь, непринужденно.

- Хорошо. Теперь скажи что-нибудь. Хочу услышать, как ты разговариваешь.

- Простите меня. Я не уверена...

- Нет. Это Клара. А мне нужна Джози.

- Привет, мама. Вот она я.

- Хорошо. Еще. Продолжай.

- Привет, мама. Со мной все норм, не переживай. Вот она я тут, все со мной в порядке.

Мама еще дальше наклонилась через стол, и я видела в секциях радость, страх, печаль, смех. Из-за того что все остальное вокруг утихло, мне было слышно, как она шепчет: «Хорошо, хорошо, хорошо».

- Я тебе говорила, что буду в норме, - сказала я. - Права была Мелания. Ничего со мной такого. Устала немножко, вот и все.

- Прости меня, Джози, - сказала Мама. - Прости, что не повезла тебя сюда сегодня.

- Ничего страшного. Я знаю, что ты обо мне беспокоишься. А со мной порядок.

- Я бы хотела, чтобы ты тут была. Но тебя тут нет. Я очень хочу, чтобы ты перестала болеть.

- Не переживай, мама. Я выздоровею, все будет отлично.

- Как ты можешь знать? Что ты в этом понимаешь? Ты девочка всего-навсего. Девочка, которая любит жизнь и верит, что все можно поправить. Что ты в этом понимаешь?

- Все хорошо, мама, не волнуйся. Я скоро выздоровею. Я даже знаю, как это произойдет.

- Что? Что ты сказала? Ты думаешь, ты больше знаешь, чем врачи? Больше, чем я? Твоя сестра тоже

давала обещания. Но не сумела их сдержать. Не делай так, пожалуйста.

- Но, мама, послушай. Сал другим была больна, не этим. Я выздоровею.

- Ну хорошо, Джози. Расскажи мне тогда, как ты выздоровеешь.

- Особая помощь ко мне идет. То, о чем никто до сих пор не думал. И тогда я поправлюсь.

- Что это за помощь? Кто это говорит?

Теперь в одной секции за другой я видела, как сильно заострились под кожей Мамины скулы.

- Честно, мама. Я выздоровею.

- Так, хватит. Хватит!

Мама встала и отошла. Я снова тогда увидела водопад, и шум его - как и голоса людей у меня за спиной - вернулся громче прежнего.

Мама остановилась у деревянных перил, за которыми кончалась поляна и начинался водопад. Я видела висящую перед ней водяную пыль, и мне подумалось, что она мигом станет мокрая, но она продолжала стоять спиной ко мне. Потом наконец повернулась и махнула рукой.

- Клара. Иди сюда. Иди посмотри.

Я встала со скамьи и пошла к ней. Она назвала меня Кларой, поэтому я знала, что не надо больше пытаться изобразить Джози. Жестом она показала мне, чтобы я подошла еще ближе.

- Взгляни-ка отсюда. Ты же никогда не видела водопада. Так что взгляни. Как тебе зрелище?

- Чудесно. Гораздо сильнее впечатляет, чем в журнале.

- Нечто особенное, правда? Ну, я рада, что ты это видишь. А теперь поехали обратно. Я беспокоюсь из-за Джози.

Пока спускались к машине, Мама все время молчала. Она двигалась быстро, всю дорогу самое меньшее в

четырех шагах впереди меня, и мне надо было остерегаться ошибок на этом крутом спуске. Когда мы проходили место, где раньше видели быка, я оглядела поле до самой дали, но жуткого существа нигде видно не было, и мне подумалось, что его, может быть, забрали обратно в глубь земли.

* * *

Когда мы дошли до машины, я двинулась было к задней двери, но Мама сказала:

- Нет, поезжай впереди. Больше увидишь.

Поэтому я села рядом с ней, и это было как разница между серединой торгового зала и витриной. Мы спускались через поля, в облаках виднелось Солнце, и я примечала, как высокие деревья на горизонте собирались плотными группами по семь или восемь, пусть даже вокруг них была одна пустота. Машина перемещалась по длинной тонкой линии, пересекающей землю, и я увидела, что то, что я вначале приняла за дальнюю часть рисунка самого поля, на самом деле овцы. Мы проехали одно поле, где было больше сорока этих существ, и хотя мы двигались очень быстро, мне было видно, что каждая из них наполнена добротой – полная противоположность тому жуткому быку. Мой взгляд особенно привлекли четыре овцы, еще более кроткие на вид, чем остальные. Они разместились на траве аккуратной вереницей, одна за другой, как будто шли куда-то. Но я успела заметить, хоть мы и быстро проезжали, что в действительности они смирно стоят на месте, только рты слегка шевелятся, пережевывая траву.

- Я благодарна тебе, Клара. С тобой было ничего, терпимо.

- Я очень рада.

- Может быть, когда-нибудь съездим с тобой еще раз. Если Джози будет не в состоянии.

Я ничего не ответила на это, и она спросила:

- Ты не против, Клара? Не против еще раз так съездить?

- Нет, вовсе нет. Если Джози не сможет.

- Знаешь что? Я думаю, лучше не надо ничего говорить Джози про это. Про то, что ты там делала. Имитировала ее. Она может неправильно понять. - Потом, еще немного помолчав, она спросила: - Значит, договорились? Ни слова Джози про это.

- Как вы желаете.

Мне опять теперь был виден городок из металлических ящиков, на этот раз справа. Мне подумалось, что она, может быть, еще что-нибудь о нем скажет или о Папе, но она вела машину молча, и какое-то время спустя металлические ящики пропали из виду. Только тогда она заговорила, совсем неожиданно:

- Дети могут боль иногда причинять. Они считают: раз ты взрослый, тебе ни от чего не может быть больно. Но все-таки она немного повзрослела с тех пор, как ты у нас появилась. Стала более чуткой.

- Я рада.

- Да, это заметно последнее время: она определенно сейчас более внимательна к другим.

Я увидела дерево, чей ствол был на самом деле три тонких ствола, переплетенные воедино. Я внимательно разглядывала его, поворачиваясь на сиденье по мере езды, чтобы смотреть подольше.

- Ты что-то мне там такое говорила, - сказала Мама, - про ее выздоровление. Что какая-то особая помощь должна прийти. Это были просто слова, верно?

- Вы должны меня извинить. Я знаю, что и вы, и доктор, и Помощница Мелания очень внимательны к состоянию здоровья Джози. Оно очень тревожное. И все-таки я надеюсь, что скоро ей станет лучше.

- Это всего лишь надежда? Или что-то более весомое, на что ты рассчитываешь? Что-то такое, чего мы не видим?

- Я думаю... это просто надежда. Но реальная. Я верю, что Джози скоро станет лучше.

Мама после этого ничего не говорила, ее глаза смотрели сквозь ветровое стекло словно бы в какую-то даль, так что я не знала, видит ли она дорогу перед нами. Потом она тихо сказала:

- Ты умная ИП. Может быть, ты видишь то, чего мы, остальные, не видим. Может быть, ты права, что надеешься. Может быть, ты права.

* * *

Когда мы вернулись, Джози не было ни на кухне, ни в Открытой Планировке. Мама и Помощница Мелания стояли в дверях кухни и вполголоса разговаривали, и мне видно было, что Помощница Мелания сообщает хорошее: что Джози неплохо себя чувствовала в наше отсутствие. Мама слушала и кивала, а потом прошла через прихожую к подножию лестницы и подала голос, обращаясь к Джози. Та ответила только коротким: «Ладно», и Мама еще немного постояла около лестницы. Потом пожала плечами и пошла в Открытую Планировку. Я была теперь в прихожей одна, поэтому решила подняться к Джози.

Она сидела на ковре спиной к кровати, подтянув колени, на которых лежал альбом для рисунков. Она что-то сосредоточенно рисовала карандашом и не подняла голову в ответ на мое приветствие. Вокруг были разбросаны несколько других листов, вырванных из альбома, одни оставленные после нескольких быстрых линий, другие густо заполненные.

- Я так рада, что Джози хорошо себя чувствует, - сказала я.

- Да, у меня все нормально. - Она не поднимала глаз от рисунка. - Ну и как прошла поездка?

- Замечательно. Такая жалость, что Джози не смогла с нами быть.

- Ага. Не повезло. Водопад посмотрела?

- Да. Это просто чудо.

- Мама порадовалась?

- По-моему, да. Конечно, ей очень сильно там не доставало Джози.

Наконец она посмотрела на меня, бросила короткий взгляд поверх альбома, и я увидела в ее глазах то, чего никогда раньше не видела. И мне снова вспомнился чей-то вопрос во время социализации о том, почему Джози не захотела БЗ, и то, как она ответила со смехом: «Теперь начинаю думать, что зря не захотела». Потом она опять уронила взгляд в альбом и вновь принялась рисовать. Я долго продолжала стоять все там же, где встала, когда вошла. Наконец сказала:

- Мне очень жаль, если я чем-то расстроила Джози.

- Ничем ты меня не расстроила. Почему ты так решила?

- Значит, мы по-прежнему добрые подруги?

- Ты моя ИП. Мы должны поэтому быть добрыми подругами, так ведь?

Но в ее голосе не было улыбки. Было ясно, что она хочет остаться одна со своим рисованием, поэтому я вышла из комнаты и встала на лестничной площадке.

Часть третья

Я надеялась, что к следующему утру от тени, возникшей из-за поездки к Морганс-Фолс, ничего не останется, но, к моему разочарованию, Джози надолго сделалась ко мне холодна.

Еще загадочней была перемена после Морганс-Фолс в поведении Мама. Мне казалось, что поездка прошла хорошо и теперь между нами станет больше тепла. Но Мама, как и Джози, держалась отчужденно, и, если мы встречались в прихожей или на лестничной площадке, она не здоровалась со мной так, как раньше.

Вполне естественно поэтому, что в последующие дни я часто задумывалась: почему социализация никакой тени не отбросила, а водопад, хотя я исполняла желания Джози и Мама, вызвал такие последствия? Мне опять пришло на ум, что, может быть, в тот день каким-нибудь образом проявились мои ограничения, которых нет у БЗ, и они обе пожалели, что сделали такой выбор. Если так, то лучшее, что я сейчас могу, – это прилагать еще больше стараний, чтобы быть для Джози хорошей ИП, пока тень не рассеется. Вместе с тем мне становилось ясно, до чего сложны и труднодостижимы могут быть маневры, совершаемые людьми ради того, чтобы избежать одиночества, и я видела, что последствия Морганс-Фолс, возможно, никогда не будут мне подконтрольны.

Впрочем, времени на раздумья об отброшенной поездкой тени мне, как оказалось, было отпущено немного: через несколько дней состояние Джози резко ухудшилось.

* * *

Она слишком ослабела, чтобы спускаться к Маме по утрам, когда та пила свою чашечку кофе. Так что вместо этого Мама сама поднималась к ней в спальню и стояла над спящей Джози, очень прямо держа спину и не меняя осанки ни из-за глотков из чашечки, ни из-за взгляда, опущенного на кровать.

Когда Мама уезжала на работу, ей на смену приходила Помощница Мелания: придвигала удобное кресло к кровати и сидела со своей дощечкой на коленях, глядя то на экран, то на спящую Джози. И в одно такое утро, когда я стояла в спальне у самой двери, готовая помочь, Помощница Мелания повернулась ко мне и сказала:

– ИП. За спиной все время. Жуть наводишь. Иди вон, иди наружу.

Она сказала: «наружу». Я повернулась к двери и тихо спросила:

– Прошу прощения, помощница. Наружу – значит, из дома?

– Из комнаты, из дома, какая разница. Как покричу, быстро назад.

Я никогда еще не выходила наружу одна. Но было понятно, что Помощница Мелания ничего против этого не имеет. Я аккуратно спустилась по лестнице, проникаясь новым волнением вопреки беспокойству о Джози.

Когда я вышла на рассыпанные камешки, Солнце было высоко, но казалось уставшим. Я не знала, как поступить с входной дверью, но в конце концов, потому что прохожих не было и я не хотела, когда буду возвращаться, беспокоить Джози дверным звонком, просто притворила дверь, не приводя в действие замок. Потом двинулась дальше наружу.

Слева я видела травянистый холм, откуда Рик запускал своих птиц. После холма виднелась дорога, по которой Мама уезжала каждое утро – и по которой я

ехала с ней к Морганс-Фолс. Но я отвернулась от этой картины и пошла по рассыпанным камешкам в другую сторону – за дом, откуда открывался ясный вид на поля.

Небо было бледное и большое. Поля вдалеке постепенно поднимались выше, и поэтому сарай мистера Макбейна был виден, хоть я смотрела уже не с высоты, не из заднего окна спальни. Узкие листья травы были четче различимы, чем из окна, но главная перемена была в том, что теперь я видела дом Рика, поднимающийся из травы. Я поняла, что, будь заднее окно расположено чуть левее, дом Рика был бы виден и из спальни.

Но о доме Рика я думала мало, потому что мой ум снова наполнили заботы о Джози и в особенности вопрос о том, почему Солнце еще не послало ей Свою особую помощь, как Попрошайке и его собаке. Первые ожидания этой помощи у меня появились в те дни перед Морганс-Фолс, когда у Джози возникла слабость. Потом я согласилась, что, может быть, правильно было тогда с Его стороны подождать; но теперь, когда Джози гораздо больше ослабела и многое, от чего зависит ее будущее, так неопределенно, Его промедление меня озадачивало.

Я и раньше много размышляла на эту тему, но сейчас, оказавшись снаружи одна, в такой близости от полей и под высоким Солнцем, сумела свести несколько мыслей воедино. Я могла понять, что при всей Своей доброте Солнце очень занято; что Его внимание требуется не только Джози, но и многим другим людям; что даже Солнце, вероятно, порой упускает из виду такие отдельные случаи, как этот, тем более что Джози, может показаться, находится под надежной защитой матери, помощницы и ИП. И мне подумалось теперь, что, для того чтобы она получила особую помощь Солнца, может быть, необходимо привлечь Его

внимание к положению Джози каким-то особенным и заметным способом.

Я шла по мягкой земле, пока не оказалась у забора, где начиналось первое поле, перед деревянной калиткой, похожей на раму для картины. Калитка открывалась просто, только поднять веревочную петлю, накинутую на столб, и я увидела, что смогу тогда выйти в поле беспрепятственно. Трава в нем выглядела очень высокой – и тем не менее Джози и Рик, когда еще были маленькими детьми, сумели пройти сквозь нее весь путь до сарая мистера Макбейна. Мне видно было начало сотворенной ногами прохожих дикой тропы через траву, и я задалась вопросом, как бы могло так получиться, что я совершаю такое же путешествие. И еще я подумала про то, как Солнце дало Свое особое питание Попрошайке и его собаке, и провела важные различия между его обстоятельствами и случаем Джози. Во-первых, Попрошайка был знаком многим прохожим, и, когда он ослаб, это произошло на оживленной улице, на виду у водителей такси и бегунов. Любой из этих людей мог привлечь к их с собакой положению внимание Солнца. И я вспомнила о еще более важном, случившемся незадолго до того, как Попрошайка получил особое Солнечное питание. Об ужасающем Загрязнении, которое устроила КОТЭ-машина, принудив даже Солнце отступить на время, и о начале свежей новой эпохи, когда жуткая машина уехала и Солнце, свободное и полное радости, смогло оказать Свою особую помощь.

Я побыла некоторое время перед калиткой-рамой, глядя, как трава гнется то в одну сторону, то в другую, размышляя, какие еще тропы могут быть в ней скрыты и как бы я могла помочь избавить Джози от ее болезни. Но я еще не привыкла быть снаружи одна и чувствовала, что возникает дезориентация. Поэтому

повернулась к полям спиной и двинулась обратно к дому.

* * *

В этот период часто приезжал доктор Райан, а Джози подолгу спала днем. Солнце каждый день изливало Свое обычное питание, Его фигура часто пересекала тело спящей, однако признаков Его особой помощи не оставалось. Но, опять-таки, Солнце, может быть, правильно решило выждать, потому что сил у Джози постепенно прибавлялось, вплоть до того, что она могла теперь сидеть в кровати.

Доктор Райан не велел ей возобновлять свои уроки через экран дощечки, поэтому в наставшие дни она, прислонясь к подушкам, много рисовала острыми карандашами в альбоме. Всякий раз, закончив рисунок или решив не заканчивать, она вырывала лист и пускала его плыть по воздуху на ковер, а моей задачей было собирать эти листы в упорядоченные стопки.

Когда визиты доктора Райана стали более редкими, чаще начал наведываться Рик. Помощница Мелания всегда относилась к Рику настороженно, но даже ей было видно, как поднимают его приходы настроение Джози. Так что она разрешила ему приходить, потребовав, однако, чтобы дольше тридцати минут посещение не длилось. Когда она в первый раз провела Рика к Джози в спальню, я пошла за дверь, чтобы дать уединение, но Помощница Мелания остановила меня на лестничной площадке и прошептала:

– Нет, ИП! К ним обратно. Чтоб никакие шуры-муры там.

Поэтому для меня нормой стало оставаться в комнате, когда приходил Рик, хотя он порой бросал на меня прогоняющий взгляд и почти ко мне не обращался,

даже чтобы поздороваться или проститься. Если бы такие прогоняющие сигналы шли и от Джози, я бы не оставалась, даже нарушая указание Помощницы Мелании. Но Джози, похоже, была моему присутствию рада – мне думалось даже, что оно добавляет уюта, придает ей спокойствия, хотя она никогда не подключала меня к их разговору.

Я старалась, как могла, дать уединение и потому проводила время на Диване С Пуговками, не сводя глаз с полей. Но не слышать того, что говорилось у меня за спиной, я не могла, и хотя иногда приходила мысль, что мне не следовало бы слушать, я помнила, что мой долг – узнавать о Джози как можно больше, и говорила себе, что, слушая, сумею, может быть, получить новые сведения, которых по-другому мне не добыть.

Посещения Риком спальни в это время прошли через три стадии. На первой стадии он, войдя, нервно оглядывался по сторонам и все тридцать минут вел себя так, будто любым неосторожным движением мог повредить обстановку. Уже на этой стадии у него вошло в привычку сидеть на полу перед современным гардеробом, прислонясь спиной к его дверцам. Со своего Дивана С Пуговками я видела их отражения в окне, и выглядело так, что Рик в этом положении и Джози на кровати сидят почти бок о бок, только Джози повыше.

Настроение на этой первой стадии было благодушное, и нередко за все полчаса ничего существенного не говорилось. Подростки часто обменивались воспоминаниями из детских времен и шутили на эти темы. Могло хватить одного слова или беглого упоминания, чтобы извлечь из памяти эпизод, и они погружались в него. Они разговаривали в такие минуты на каком-то кодированном языке, и вначале я заподозрила, не мое ли присутствие в комнате тому причиной, но мне быстро стало понятно, что просто-

напросто они очень хорошо знакомы с жизнью друг друга и у них нет охоты мешать моему пониманию.

Первое время Джози не рисовала, когда Рик у нее гостил. Но, когда у них прошла начальная скованность, она зачастую все тридцать минут что-нибудь набрасывала в альбоме, вырывая по ходу дела листы и позволяя им плыть по воздуху туда, где сидел Рик. Вот с чего началась – вполне невинно – игра в пузыри.

С игрой в пузыри пришла новая стадия посещений Рика. Возможно, изобрели они эту игру давно, в детстве. Показательно, что, когда она у них сейчас возникла, им не надо было обсуждать правила. Джози просто начала кидать наброски прямо Рикку, их беспорядочный разговор при этом не прерывался, и в какой-то момент он поглядел на рисунок и сказал:

– Так. Это что, игра в пузыри теперь?

– Если ты хочешь. Только если ты хочешь, Рикки.

– У меня карандаша нет. Кинь мне какой-нибудь из темных.

– Мне все темные нужны. Кто тут художница, забыл?

– Как я могу в пузыри, если ты даже карандаша мне не даешь?

Даже находясь к ним спиной, разгадать суть игры я сумела без труда. И, собирая с пола листы после ухода Рика, я могла на них посмотреть. Благодаря этому мне мало-помалу становилась ясна растущая важность этой игры для них обоих.

Джози делала наброски умелой рукой, изображая обычно одного, двоих, иногда троих людей вместе, головы она нарочно слишком укрупняла для таких тел. Во время этих ранних получасовых посещений Рика лица персонажей были, как правило, добрыми, и рисовала она эти лица одним черным острым карандашом, а вот плечи и тела, как и окружающая обстановка, делались цветными острыми карандашами. На каждом листе Джози изображала над одной или

другой головой пустой пузырь – иногда два пузыря над двумя головами, – чтобы Рик вписал туда слова. Я быстро поняла, что персонажи могут даже и не походить лицом на Рика и Джози, что в мире этой игры нарисованная девочка всегда может сойти за Джози, а мальчик за Рика. Точно так же прочие фигуры могли означать кого-то еще в жизни Джози – например, Маму, или участников социализации, или других, кого я пока что не встретила. Хотя мне трудно было понять, кого означают многие лица, для Рика, похоже, это проблемы не составляло. Он никогда не просил разъяснений по поводу рисунков, которые к нему прилетали, и вписывал в пузыри слова без колебаний.

Мне вскоре стало ясно, что слова, которые Рик пишет в пузырях, – это мысли, а порой высказывания, нарисованных людей и что поэтому его задача в игре таит в себе некоторую опасность. С самого начала меня беспокоило, что Джози нарисует или Рик напишет что-нибудь такое, из-за чего возникнет напряжение. Но на этой стадии игра в пузыри, судя по всему, приносила только веселье и приятные воспоминания, и, отраженные в оконном стекле, Рик и Джози смеялись и показывали друг на друга пальцами. Если бы они оставались сосредоточены на игре в ее первоначальном виде, если бы их разговор не отклонялся от самих рисунков, то напряжение, может быть, и не проникло бы в их встречи. Но, по мере того как Джози делала все новые наброски, а Рик вписывал в пузыри все новые слова, они начинали затрагивать темы, не связанные с рисунками.

Однажды светлым днем, когда Рик сидел, прислонясь к современному гардеробу, а Солнечная фигура касалась его ступней, Джози сказала:

– Ты знаешь, Рикки, мне сдается, что ты ревнуешь. Ты так все время спрашиваешь про этот портрет...

- Не понимаю. Ты мой портрет, что ли, сейчас рисуешь?

- Нет, Рикки. Я о том, как ты постоянно про *мой* портрет упоминаешь. Про портрет, который этот человек в городе с меня делает.

- А, ты об этом. Ну сказал, кажется, что-то один раз. А ты говоришь: постоянно.

- Без конца упоминаешь. Вчера целых два раза.

Рик перестал писать, его рука остановилась, но головы он не поднял.

- Ну, наверное, я любопытствую. Но как можно ревновать из-за портрета?

- Глупо, согласна. Но так у тебя звучало, точно совершенно.

Какое-то время они молчали, каждый был занят своим делом. Потом Рик сказал:

- Не могу сказать, что ревную. Просто озабочен. Этот тип, художник этот. От всего, что ты о нем говоришь, как-то, ну, *гадко* становится.

- Он просто мой портрет делает. Всегда с уважением, всегда тревожится, как бы меня не утомить.

- А у меня всегда ощущение, что в нем что-то не то. Ты говоришь, я без конца про это упоминаю. Да, потому что каждый раз, стоит мне упомянуть, я что-нибудь новое от тебя слышу, из-за чего думаю: о боже, до чего гадко.

- Что в этом гадкого?

- Во-первых, ты сколько раз была у него в мастерской, четыре? Но он никогда ничего тебе не показывает. Ни набросков, ничего. Фотографирует крупным планом - вот и все, кажется. Одну часть тебя, другую часть тебя. Художники так работают разве?

- Он предпочитает фото, потому что так я не утомляюсь, не сижу по старинке часами в неподвижности. Так я каждый раз у него двадцать

минут максимум. Фотографирует меня поэтапно, как ему нужно. И мама всегда рядом. По-твоему, что, моя мама могла бы нанять какого-нибудь извращенца писать мой портрет?

Рик не отвечал. Тогда Джози продолжила:

- Я думаю, тут у тебя не без ревности, Рикки. Но знаешь, я вообще-то не против. Показывает, что отношение у тебя правильное. Ты ведешь себя как защитник. Показывает, что ты думаешь про наш план. Так что не беспокойся.

- Я не беспокоюсь. Нелепое какое-то обвинение.

- Это не обвинение. Я же не говорю, что тут сексуальное что-нибудь. Я говорю, что этот портрет - он просто часть большого, широкого мира, и ты беспокоишься, что он может нам помешать. Когда я сказала, что ты, может быть, ревнуешь, я только это имела в виду.

- Теперь понятно.

Их «план», хоть они о нем часто упоминали, редко обсуждался в деталях. Однако именно на этой - тоже благодушной - стадии посещения я начала соединять их разрозненные замечания в нечто цельное. Мне стало ясно, что это не какой-то тщательно разработанный план, а скорее неопределенная надежда на будущее. Я осознала, кроме того, значение этого плана для моих собственных задач: даже если Мама, Помощница Мелания и я сможем оставаться около Джози на всех этапах будущего, без плана она все равно, может быть, не сумеет уберечься от одиночества.

* * *

Затем настала пора, когда игра в пузыри уже не рождала смеха, а приносила вместо него страх и неизвестность. По моему сегодняшнему разумению, это

была третья и последняя стадия посещений Рика в то время.

Мне трудно сейчас определить, в какой из его приходов настроение начало меняться. На прежних стадиях Джози часто специально рисовала то, что возвращало забавные или счастливые события, происходившие с ними обоими. Это была одна из причин, по которым Рик мог наполнять пузыри словами быстро и почти без колебаний. Но теперь, когда к нему прилетали листы, он все чаще реагировал иначе. Нередко долго смотрел на рисунок, вздыхал или хмурился. А когда затем принимался писать, делал это медленно и сосредоточенно, во многих случаях не отзывался на слова Джози, пока не заканчивал. А реакцию Джози, когда Рик возвращал ей лист, стало трудно предсказать. Иной раз она рассматривала его ничего не выражающими глазами, а потом молча клала в свою постель. А иногда кидала заполненный лист обратно на пол, теперь уже куда Рик не мог дотянуться.

Время от времени бывшее настроение возвращалось, и они принимались смеяться или спорить на дружеский лад. Но все чаще либо рисунок Джози, либо вписанные Риком слова порождали обмен недобрыми высказываниями. И все-таки обычно к концу получаса, когда Помощница Мелания подавала голос, уютная атмосфера восстанавливалась.

* * *

Однажды Рик протянул руку, поднял с пола лист, внимательно на него посмотрел и положил свой острый карандаш. Он продолжал смотреть на картинку, пока наконец Джози, заметив это с кровати, не перестала рисовать.

– Что-нибудь не так, Рикки?

- Гм-м. Просто сижу и думаю, кто это такие могут быть.

- Которые?

- Эти, вокруг нее. Инопланетяне, надо полагать? Что-то у них такое вместо головы - чуть ли не глаз гигантский. Прости, если я не то усмотрел.

- Нет, ты, в общем, то усмотрел. - В ее голосе был какой-то холод, а еще в нем слышался маленький страх. - По крайней мере, ну, отчасти. Нет, не инопланетяне. Они просто... то, что они есть.

- Хорошо. Допустим, глазное племя. Но что немного тревожит - это как они все на нее пялятся.

- Чем тревожит?

Позади меня длилось и длилось молчание, и Рик, отраженный в окне, все смотрел и смотрел на рисунок.

- Так чем же это тревожит? - снова спросила Джози.

- Не знаю точно. И к тому же ты огромный пузырь для нее сделала. Вот и не знаю, что в нем написать.

- Напиши, что она, по-твоему, думает. Как всегда пишешь.

Опять наступила тишина. Из-за Солнца на стекле мне трудно было видеть, что в нем отражалось, и я испытывала побуждение повернуться, хотя это могло помешать уединению. Но раньше, чем я успела бы, Рик сказал:

- Уж очень гадкие эти глаза у них. И самое-то гадкое что. У нее такой вид, будто она хочет, чтобы они на нее пялились.

- Рик, ну ты что, спятил? С какой стати она бы этого захотела?

- Не знаю. Тебе виднее. Сама мне скажи.

- Ну как это - сама скажи? - Голос Джози стал раздраженным. - Кто слова должен вписывать?

- Она наполовину улыбается. Как будто довольна где-то внутри себя.

- Нет, Рикки, ничего подобного. Не сходи с ума.

- Извини. Я, должно быть, неверно истолковываю.
- Вот именно. Так что давай поторопись, впиши, что она думает. А то я уже следующий почти закончила. Рик! Ты здесь?

- Я, наверное, этот пропущу.

- Да брось ты, ладно тебе!

Солнце спряталось теперь, и я увидела в стекле, как Рик мягко отправляет лист на пол, в сторону кровати Джози, к другим наброскам, которые там скапливались и лежали как попало.

- Я разочарована, Рик.

- Тогда не рисуй больше такого.

Опять тишина. Я видела Джози на кровати, она притворилась, будто поглощена новым рисунком. Рик, отраженный в стекле, был теперь не очень хорошо виден, но я знала, что он сидит совсем неподвижно, прислонясь к современному гардеробу, и смотрит мимо меня в заднее окно.

* * *

Когда Рик уходил, Джози обычно была уставшая и, уронив свои острые карандаши, альбом и вырванные листы на пол, поворачивалась на живот и отдыхала. Тогда я сходила с Дивана С Пуговками, чтобы собрать все рассыпанное по полу, и получала возможность увидеть, что они обсуждали.

Джози, хоть и лежала щекой на подушке, не спала, и часто она продолжала высказываться о чем-нибудь с закрытыми глазами. Так что она вполне сознавала, что я, собирая рисунки, смотрю на них, и явно была не против. Судя по всему, хотела даже, чтобы я увидела их все до единого.

Однажды, занимаясь этой уборкой, я подобрала лист и, хоть и взглянула на него только бегло, сразу

поняла, что два главных персонажа на нем – это Мисси и длиннорукая девочка, которые приходили на социализацию. Кое-какие неточности, конечно, Джози допустила, но ее намерение было очевидно. Сестер она изобразила на первом плане рисунка, их лица сделала недобрыми, а вокруг толпились другие лица, более схематично нарисованные. Деталей обстановки она не включила, но я знала, что дело происходит в Открытой Планировке. И если бы не большой пузырь над маленьким, лишенным каких-либо черт существом, втиснутым в промежуток между сестрами, это существо легко было бы не заметить. В отличие от Нарисованной Мисси и Нарисованной Длиннорукой Девочки, оно не имело обычных человеческих признаков – таких как лицо, плечи, руки – и больше напоминало одну из водяных клякс, какие образовывались на поверхности Островка у раковины. В сущности, если бы не пузырь сверху, прохожий мог бы даже и не догадаться, что тут подразумевается некая личность. Сестры не обращали на Водяную Кляксу ровно никакого внимания, несмотря на ее близость. Внутри пузыря Рик написал: «Этим умным и стильным я кажусь чем-то неоформленным. Но это не так. Просто я своей формы не показываю. Кому надо, чтобы они ее видели?»

Хотя я смотрела на лист всего секунду, Джози знала, что я восприняла рисунок и надпись, и она спросила меня с кровати сонным голосом:

– Тебе не кажется, что он странную вещь написал?

Я издала короткий смешок и продолжила уборку, а она спрашивала дальше:

– По-твоему, он думает, что я его имела в виду? Что этот малыш между двумя противными – он? Тебе кажется, он поэтому так в пузыре написал?

– Это возможно.

– Возможно, но ты считаешь по-другому. Да, Клара? – Потом она сказала: – Клара, ты слушаешь? Ну

же. Давай обсудим.

- Мне кажется более вероятным, что, по его мнению, маленькая персона - это Джози.

Она ничего больше не говорила, пока я раскладывала листы по стопкам и клала их к предыдущим под туалетный столик. Я подумала, что она заснула, но вдруг она спросила:

- Почему ты так говоришь?

- Это только мое предположение. Я думаю, Рик посчитал, что маленькая персона - Джози. И мне представляется, что Рик старался проявить доброту.

- Доброту? Где тут доброта?

- Мне думается, Рик тревожится из-за Джози. Из-за того, что она иногда изменчивая, разная в разных ситуациях. Но на этой картинке Рик проявляет доброту. Он как бы говорит: Джози умно поступает, она защищает себя, а на самом деле не меняется.

- Если я иногда хочу вести себя по-другому, что в этом такого? Кому хочется все время быть одним и тем же? В Рике то плохо, что он вечно пускается в обвинения, когда я в чем-нибудь не такая, как ему нравится. Все дело в том, что он не желает видеть меня другой, чем я была, когда мы были маленькие.

- Мне не кажется, что Рик настроен именно так.

- Тогда что все это значит? Вся эта фигня насчет формы и неоформленности. Что тут доброго, не понимаю. Это его проблема. Он не хочет взрослеть. По крайней мере, мама его этого не хочет, а он соглашается. Идея в том, чтобы он так вечно и жил с мамой. И как это будет помогать нашему плану? Стоит мне только крохотную попытку сделать повзрослеть, и он тут же куксится.

Я ничего на это не ответила, и Джози продолжала лежать с закрытыми глазами. Потом все-таки уснула, но перед этим тихо сказала:

- Может быть. Может быть, он и правда по доброте.

Мне было интересно, упомянет ли Джози об этом рисунке – и о словах в пузыре, – когда Рик придет в другой раз. Но она не упомянула, и я поняла, что это у них своего рода правило: никогда не затевать прямого разговора ни о рисунке, ни о надписи внутри пузыря, когда лист окончен. Может быть, это было необходимо, чтобы они могли рисовать и писать свободно. И все равно, как я уже сказала, мне с самого начала представлялось, что их игра в пузыри несет в себе опасность, и она-то и стала причиной того, что тридцатиминутные посещения Рика разом прекратились.

* * *

Хотя день был дождливый, Солнечные фигуры слабо, но проникали в спальню. Перед тем прошла череда довольно непринужденных получасовых встреч, и в тот день настроение тоже было вполне благодушное. Потом, через двадцать минут после его прихода – они опять играли в пузыри, – Джози подала голос с кровати:

- Что там у тебя такое? До сих пор не дописал?
- Я еще думаю.
- Рикки, идея в том, чтобы ты *не* думал. Чтобы писал первое, что приходит в голову.
- Согласен. Но над этим листом мне надо помозговать.
- Почему? Что в нем такого особенного? Поторопись. Я уже заканчиваю следующий.

В оконном стекле я видела Рика на его обычном месте на полу, колени подтянуты, чтобы на них мог лежать рисунок, обе руки опущены по бокам. Он уставился на лист бумаги перед ним с озадаченным

лицом. Спустя какое-то время, не переставая рисовать, Джози сказала:

- Ты знаешь, я давно хотела спросить. Почему твоя мама больше не водит машину? Ведь она все еще у вас, правда?

- С тех пор как последний раз заводили мотор, прошли годы. Но стоять стоит в гараже. Может быть, когда получу права, проверю, на что она годится.

- Твоя мама боится несчастных случаев?

- Джози, мы уже это обсуждали.

- Да, но я не помню. Ей стало страшно водить?

- Да, вроде того.

- *Моя* мама - обратный случай. Ездит намного быстрее, чем следовало бы. - Рик никак на это не отозвался, и Джози спросила: - Рикки, ну когда же ты наконец напишешь?

- Сейчас, сейчас. Дай мне еще минуту.

- Не водит - это одно. Но почему твоя мама не хочет иметь друзей?

- У нее есть друзья. Эта миссис Риверс постоянно к ней приходит. И с твоей мамой она дружит ведь.

- Я не об этом. Два-три *индивидуальных* друга - они у каждого могут быть. Но твоя мама, она живет *не общественно*. У моей мамы тоже друзей не так много. Но она живет общественно.

- Общественно? Странновато звучит. Что это значит?

- Это значит,ходишь в магазин или садишься в такси, и к тебе относятся серьезно. Хорошо с тобой обращаются. Жить общественно. Ведь это важно, согласишься. Общество.

- Слушай, Джози, ты же знаешь, моя мама не всегда в полном порядке. Не то чтобы она решение такое приняла.

- Но кое-какие решения она принимает, правда? Например, она приняла одно решение насчет *тебя*.

Тогда.

- Не понимаю, зачем нам это обсуждать.

- Знаешь, Рикки, что я думаю? Останови меня, если это несправедливо. Я думаю, твоя мама потому отказалась, потому оставила тебя так, что хотела держать тебя при себе. А сейчас поздно уже.

- Не могу понять, зачем нам это обсуждать. И какая вообще разница? Кому оно нужно, твое общество? Все это не должно ничему мешать.

- Мешает, Рикки, и еще как. Нашему плану, например, мешает.

- Слушай, я делаю все, что могу...

- Нет, Рикки, ты не все делаешь, что можешь. Ты много говоришь про наш план, но делаешь-то ты что ради него? С каждым днем мы становимся старше, возникает одно, другое, третье. Я прилагаю все усилия, но не ты, Рик.

- Что я, по-твоему, должен делать и не делаю? Чаше должен ходить на эту твою социализацию?

- По крайней мере, ты мог бы больше стараться. Как мы говорили. Усердней заниматься. С прицелом на Атлас Брукингс.

- Что толку рассуждать про Атлас Брукингс? У меня нет ни малейшего шанса.

- У тебя, безусловно, он есть, Рикки. Ты же умный. Даже моя мама говорит, что у тебя есть шанс.

- Теоретический. Атлас Брукингс может сколько угодно этим хвастаться, но они берут меньше двух процентов. Всего-навсего. Прием нефорсированных у них в пределах двух процентов.

- Но ты же умней всех других нефорсированных, которые пытаются поступить. Так почему не хочешь попробовать? Я тебе скажу почему. Потому что твоя мама желает, чтобы ты вечно был при ней. Она не хочет, чтобы ты от нее оторвался и стал нормальным

взрослым. Так, у тебя что, до сих пор не готово? Я уже новый нарисовала.

Рик молчал, глядя на картинку. Джози вопреки тому, о чем объявила, продолжала что-то дорисовывать.

- Так или иначе, - сказала она, - как это, по-твоему, должно работать? В смысле, наш план. Как он будет работать, если я живу общественно, а ты нет? Моя мама слишком быстро ездит. Но по крайней мере у нее есть храбрость. С моей сестрой Сал все пошло не так, но даже после этого она нашла в себе храбрость и повторила это со мной. Тут храбрость нужна, правда же?

Рик внезапно наклонился вперед и принялся писать на листе. Он часто, когда писал, подкладывал журнал, но сейчас, я видела, бумага лежала у него на бедре и начала мяться. Но он продолжал быстро писать, а кончив, уронил острый карандаш на пол и встал. Лист он не подал Джози, а кинул в сторону кровати, так что он упал на одеяло. Затем Рик двинулся к выходу, переступая назад, и все время он смотрел на Джози большими глазами, где были и злость, и страх.

Джози, удивленная, повернулась к нему. Потом положила свой острый карандаш и потянулась к листу. Долго смотрела на него ничего не выражающими глазами, а Рик глядел на нее от двери.

- Поверить не могу, что ты это написал, - сказала она наконец. - Почему?

Я повернулась на Диване С Пуговками, придя к выводу, что напряжение достигло уровня, при котором полное уединение уже нельзя считать оправданным. Вероятно, Рик забыл о моем присутствии, и мое движение, кажется, застало его врасплох. На секунду его взгляд, все еще полный страха и злости, метнулся ко мне, а затем, не сказав ни слова, он вышел из комнаты. Нам слышны были его шаги по лестнице.

Когда хлопнула входная дверь, Джози зевнула, сбросила все с кровати и перевернулась на живот, как будто это посещение закончилось как обычно.

- Так устаешь от него иногда, - сказала она в подушку.

Я сошла с Дивана С Пуговками и начала прибираться. Глаза Джози оставались закрытыми, и она ничего больше не говорила, но я знала, что она не спит. Прибираясь, я, естественно, взглянула на лист, из-за которого возникло напряжение.

Как я и ожидала, на нем были изображены Джози и Рик. Неточностей хватало, но сходство было достаточным, чтобы сомнений не возникало. Нарисованная Джози и Нарисованный Рик парили в небе; деревья, дороги и дома далеко внизу были уменьшены до миниатюрных размеров. За двумя фигурами подростков, в другой части неба, семерка птиц летела клином. Нарисованная Джози держала в поднятых руках намного более крупную птицу, протягивая ее Нарисованному Рикку как особый дар. Нарисованная Джози улыбалась широкой улыбкой, а лицо Нарисованного Рика было изумленно-радостным.

Пузыря для Нарисованного Рика на рисунке не было - только для мыслей Нарисованной Джози, и внутри его Рик написал:

«Я бы хотела выходить из дома, гулять, бегать, кататься на скейтборде и плавать в озерах. Но я не могу, потому что у моей мамы есть ее Храбрость. Так что вместо этого я лежу в постели и болею. Я рада этому. Действительно рада».

Я вложила рисунок в стопку, которую собирала в руках, так, чтобы он был подальше от верха. Джози молчала и не шевелилась, глаз не открывала, но мне понятно было, что она не спит. До Морганс-Фолс я, наверное, заговорила бы с ней в такую минуту, и Джози отозвалась бы искренне. Но сейчас между нами все

было не вполне так, как раньше, и я решила промолчать. Я пошла к туалетному столику, наклонилась и положила новую стопку под него, к предыдущим.

* * *

Рик не пришел ни на следующий день, ни через день. Когда Помощница Мелания спросила: «Где парень делся? Больной?» – Джози пожала плечами и ничего не ответила.

Дни шли дальше, Рик так и не появлялся, и Джози сделалась тихая, ее сигналы стали не подпускающими. Она не перестала рисовать в постели, но без Рика и игры в пузыри ее энтузиазма хватало ненадолго, и часто она бросала незаконченные рисунки на пол, вытягивалась на кровати и принималась смотреть в потолок.

Как-то раз днем, когда она так лежала, я сказала ей:

– Если хочешь, Джози, мы могли бы с тобой поиграть в пузыри. Если Джози будет рисовать, я бы постаралась придумать подходящие слова.

Она продолжала смотреть в пустой воздух. Потом повернулась и сказала:

– Знаешь, нет. Ничего не выйдет. Я не против, когда ты тут слушаешь. Но вместо Рика ты играть не можешь. Ну просто никак.

– Понимаю. Прошу прощения. Напрасно я предложила...

– Да. Напрасно.

День проходил за днем без посещений Рика, и Джози впала в сонное состояние, меня беспокоило, что она опять слабеет. Мне подумалось, что сейчас самое подходящее время, чтобы Солнце оказало ей Свою

особую помощь, и всякий раз, когда Его фигура в спальне внезапно менялась или когда Оно вспыхивало в небе, прорвав пелену туч, я смотрела во все глаза. Но хотя Оно продолжало неизменно посылать Свое обычное питание, особая помощь не приходила.

* * *

Однажды утром я вернулась в спальню, отнеся вниз ее поднос с остатками завтрака, и увидела, что она сидит, прислонясь к подушкам, и усердно рисует – вдруг возникло что-то похожее на ее прежний энтузиазм. Выражение лица было серьезное, какого я у нее раньше во время рисования не замечала, и, когда я с ней заговорила, она не ответила. В какой-то момент, когда я, прибираясь в комнате, приблизилась к кровати, она изменила позу так, чтобы я не бросила взгляд даже на часть листа.

Потом она вырвала лист, смяла его в плотный комок и засунула внутрь пододеяльника между собой и стеной. После этого начала новый рисунок, глаза – большие и напряженные. Я сидела на Диване С Пуговками, на этот раз лицом к ней, чтобы она знала, что я готова разговаривать, как только ей захочется.

Она рисовала почти час, а потом, положив острый карандаш, некоторое время рассматривала лист.

– Клара! Видишь там, внизу, левый нижний ящик? Достань мне, пожалуйста, оттуда конверт. Там есть большие, пухлые такие.

Присев перед ящиком, я увидела, что Джози опять взяла свой острый карандаш, и по движению карандаша я поняла, что она теперь не рисует, а пишет. Затем она сложила рисунок вдвое, проложив половинки чистой бумагой, чтобы не смазывалось, взяла у меня конверт с мягкой прослойкой и аккуратно поместила туда

сложенный лист. Отлепив узкую бумажную полоску, заклеила конверт, сжала пальцами край и провела ими вдоль него для верности.

- Дело сделано, я рада, - сказала она, вертя конверт в руках, как будто это давало ей уют. Но, когда я начала отходить от кровати, она вдруг протянула его мне. - Положи, пожалуйста, в тот же ящик, откуда взяла. В левый нижний.

- Конечно, сейчас. - Я взяла у нее конверт, но не пошла с ним тут же к ящику. Я стояла с конвертом посреди комнаты и смотрела на Джози. - Мне думается, этот рисунок будет особым подарком Рiku от Джози.

- Почему ты так думаешь?

- Это просто моя догадка.

- Что ж, ты правильно угадала. Это для Рика. Когда он придет в следующий раз.

Она молча смотрела на меня, и я не знала - то ли ей просто не терпится, чтобы я убрала конверт в ящик, как она попросила, то ли она ждет от меня еще каких-то слов про Рика и его посещения. Наконец я сказала:

- Может быть, он скоро придет опять.

- Может быть. Но пока что-то не похоже.

- Я думаю, Рик будет рад увидеть этот рисунок. Он увидит, что Джози приложила особые старания.

- Никаких особых стараний я не прикладывала. - Она метнула в меня сердитый взгляд. - Мне стало скучно, я взяла и нарисовала. Вот и все. Но ты права. Это для Рика. Проблема в том, что ему надо сюда прийти, чтобы его получить. А он не приходит.

Она продолжала на меня смотреть. А я по-прежнему стояла посреди комнаты.

- Джози, - сказала я немного погодя. - Если ты хочешь, я могу отнести ему твой рисунок.

Ее глаза стали удивленными и в то же время взволнованными.

- Ты хочешь сказать - прямо ему домой?

- Да. Ведь он живет совсем рядом, в соседнем доме.
- Пожалуй, не так уж странно будет, если ты ему отнесешь. У других ИД и ИП без конца ходят с поручениями, правда же?

- Я с радостью схожу. Мне думается, я сумею найти правильную тропу к его дому.

- А сегодня ты бы пошла? Перед ланчем?

- В любое время, когда Джози скажет. Если хочешь, я могу сходить к нему прямо сейчас.

- По-твоему, это хорошая идея?

Я подняла пухлый конверт чуть повыше.

- Я бы очень хотела отнести Рикку рисунок Джози. Мне было бы полезно исследовать окрестности. И если Рик получит этот особый рисунок, он, может быть, простит Джози и опять станет ее лучшим другом.

- Что значит «простит»? Это *мне* его прощать. Ты глупую вещь сказала, Клара. Нет, не думаю, что мне хочется, чтобы ты сейчас ему отнесла.

- Прошу прощения. Я ошиблась. Я пока еще не понимаю, по каким правилам люди прощают. Но все равно, я считаю, будет правильно отнести ему рисунок. Я думаю, ему понравится.

Злость сошла с ее лица.

- Хорошо. Иди. Неси ему. - Я повернулась, чтобы идти, и она тихо добавила: - Наверно, ты права. Пожалуй, и правда ему надо простить меня.

- Я отнесу ему конверт, и посмотрим, как он поступит.

- Хорошо. - Потом она улыбнулась. - Если он невежливо себя поведет, просто порви рисунок, ладно?

Ее улыбка была почти такая же, как улыбки до Морганс-Фолс. Я улыбнулась в ответ:

- Надеюсь, что этого делать не придется.

Она упала обратно на подушку в шутливой манере.

- Ладно, иди. Мне сейчас надо отдохнуть.

Но, когда я выходила из спальни, прижав к себе пухлый конверт, она внезапно окликнула меня:

- Клара!

- Да?

- Скучотища, должно быть, правда же? Жить тут с больной девчонкой.

Она улыбалась, но под улыбкой я увидела боязнь.

- С Джози никогда не бывает скучно.

- Ты столько времени меня ждала в магазине. Наверняка жалеешь сейчас, что не досталась кому-нибудь другому.

- Я никогда об этом не жалела. Я хотела быть у Джози, быть ее ИП. И это сбылось.

- Да, но... - Она усмехнулась печальной усмешкой. - Это было до того, как ты сюда попала. Я тебе обещала, что у меня будет здорово.

- Я очень счастлива здесь. Мне ничего другого не хочется, только быть у Джози.

- Если я поправлюсь, мы сможем часто где-нибудь бывать. В город поедем, познакомишься там с моим папой. Может быть, он свозит нас в другие города.

- Это возможности на будущее. Но Джози должна знать. О лучшем доме, чем этот, я и мечтать не могла. И о лучшем подростке, чем Джози. Я так рада, что подождала. Что Администратор разрешила мне подождать.

Джози обдумала это. А когда потом улыбнулась, то улыбкой, полной доброты, уже без страха под ней.

- Значит, мы подруги, да? Лучшие подруги.

- Ну конечно.

- Хорошо. Ладно. Так, значит, помни. Не терпеть от Рика никакой гадости.

Я тоже улыбнулась тогда и приподняла пухлый конверт, показывая, что хорошо о нем позабочусь.

Помощница Мелания ничего не имела против того, чтобы я отправилась с поручением в дом Рика одна. Тем не менее пока я шла по рассыпанным камешкам к калитке-раме, она наблюдала за мной от входной двери и вернулась в дом только когда я вышла в первое поле.

Я двигалась по дикой тропе, и земля скоро сделалась труднопредсказуемой, за жестким шагом часто сразу следовал мягкий. Трава доходила мне до плеч, и пришла боязнь, что я сойду с пути. Но эта часть поля была разделена на упорядоченные секции, и, переходя из одной секции в другую, я отчетливо видела те, что чередой выстроились впереди. Хуже было то, что трава часто нависала над тропой то справа, то слева, но я и с этим вскоре научилась справляться, выставив вперед руку. Если бы обе руки были свободны, я перемещалась бы еще быстрее, но в одной я держала конверт Джози и, конечно, не могла подвергать его риску. Потом высокая трава кончилась, и передо мной возник дом Рика.

Уже и раньше, глядя на него с расстояния, я определила, что он ниже классом, чем дом Джози. Теперь я видела, что многие его доски, в прошлом выкрашенные в белый цвет, стали серыми, кое-где даже коричневыми, и что три из окон этого дома – темные прямоугольники без занавесок и жалюзи. Я поднялась по ступенькам из досок, гнувшихся под моей тяжестью, на помост, сделанный тоже из таких досок, которые тут неплотно прилегали друг к другу, так что сквозь щели была видна глинистая земля. У входной двери, сдвинутый в сторону, стоял холодильник беззащитной спиной ко всем проходящим, и я увидела пауков, которые устроили себе жилища среди сложно соединенных металлических частей. Я помедлила,

рассматривая их нежную паутину, и тут дверь распахнулась – хотя я не нажимала ни на какую кнопку – и на помост вышел Рик.

– Прошу прощения, – быстро сказала я. – Я не хотела нарушать уединение. Я пришла, потому что мне поручено кое-что важное.

Он не выглядел рассерженным, но ничего не говорил и продолжал смотреть на меня.

– ИД и ИП часто выполняют важные поручения, – сказала я. – Джози послала меня вот с этим. – Я приподняла конверт.

В лице Рика вдруг возникло волнение, потом исчезло.

– Тогда хорошо, что ты пришла, – сказал он.

Может быть, он ожидал, что я просто отдам ему конверт и уйду. Но я предвидела такую возможность и не сделала передающего движения. Мы продолжали стоять лицом друг к другу на досках, через щели дул ветер.

– В таком случае, – сказал он наконец, – я думаю, тебе надо войти. Предупреждаю: у нас не хоромы.

В передней был темный деревянный пол, и мы прошли мимо открытого сундука, где лежали пришедшие в негодность лампы, туфли без пары и тому подобное. Рик провел меня в большую комнату с широким окном, выходящим на поля. Обстановка была не современная и не взаимосвязанная, как в Открытой Планировке: тяжелый темный гардероб, напольные коврики с выцветшим рисунком, твердые и мягкие стулья разных очертаний и размеров. Из множества небольших изображений на стенах часть составляли фотографии, другую часть – рисунки острым карандашом, и тут тоже пауки устроили себе жилища в углах рамок. Еще были книги, часы с круглыми циферблатами, низкие столики. Я поняла, что лавировать тут будет непросто, поэтому высмотрела

место, где пол был относительно свободен, направилась туда и встала спиной к широкому окну.

- Ну вот, здесь мы обитаем, - сказал Рик. - Мама и я.

- Я тебе очень благодарна, что ты меня впустил.

- Я увидел сверху, как ты сюда идешь. Мне скоро надо будет опять подняться. - Он показал одними глазами на потолок. Потом сказал с печалью в голосе: - Ты, наверно, почувствовала запах.

- У меня нет обоняния.

- А, прости, я не знал. Мне казалось, обоняние - важная способность. В смысле - для безопасности. Когда что-то горит, например.

- Вероятно, по этой причине БЗ снабдили ограниченным обонянием. Но у меня нет никакого.

- Что ж, сейчас это для тебя к лучшему. Потому что тут пахнет все-таки. Даже несмотря на то, что я сегодня с утра мыл переднюю. Мыл ее, и мыл ее, и мыл.

В глазах у него появились слезы, но он продолжал смотреть на меня.

- Мама Рика нездорова?

- Можно так сказать. Хотя она по-другому болеет, чем Джози. Давай лучше не будем про маму, если ты не против. Как Джози сейчас?

- Боюсь, не лучше.

- Хуже?

- Не хуже, пожалуй. Но мне кажется, что она, возможно, в очень серьезном состоянии.

- Так я и думал. - Он вздохнул и сел на диван лицом ко мне. - Значит, послала тебя сюда с поручением.

- Да. Попросила меня передать тебе это. Она очень усердно над этим работала.

Я протянула ему конверт так, чтобы он смог его взять, не вставая с дивана. Но он поднялся на ноги, хотя только что сел, взял конверт и аккуратно его открыл.

Он смотрел некоторое время на изображение, лицо было такое, что, казалось, вот-вот проглянет улыбка.

- Рик и Джози навсегда, - сказал он наконец.
- Там так написано? В пузыре?
- О, я думал, ты видела.
- Джози сразу положила в конверт, мне не показала.

Он поглядел на лист еще немного, а потом повернул его ко мне рисунком.

То, что я увидела, не было похоже ни на один прежний рисунок из их игры. Большую часть листа заполняли острые на вид фигуры, многие со злобно выпирающими зубьями, и они сплелись воедино, образовав непроходимую сеть. Создавая эту сеть, Джози использовала карандаши многих цветов, но общее впечатление было чего-то темного и недоброго. Однако в левом нижнем углу она оставила чистый безмятежный участок, где виднелись два маленьких человечка - они уходили, повернувшись спиной к прохожим и взявшись за руки. Они были слишком схематично нарисованы, чтобы их можно было определить иначе, чем просто мальчик и девочка, но выглядели довольными и беззаботными. Над ними висел пузырь, но, поскольку он был без обычного хвостика или вереницы точек, написанные в нем слова казались скорее чем-то вроде рекламной фразы на плакате или на дверце такси, нежели мыслями одного или другого персонажа.

- И что ты думаешь? - спросил он.
- Это очень мило. Я думаю, это добрый рисунок.
- Да. По-моему, так. И надпись добрая.

Вдруг наверху громко зазвучала музыка и электронные голоса, и на лице Рика появилась досада. Он кинулся прочь из комнаты, не выпуская из рук рисунок Джози.

- Мама! - крикнул он из передней. - Мама! Бога ради, убавь громкость, пожалуйста!

Голос наверху проговорил что-то, и Рик отозвался уже помягче:

- Я поднимусь, подожди минуту. А сейчас прошу тебя. Убавь громкость.

Электронные звуки сделались тише, и Рик, вернувшись в большую комнату, стал опять разглядывать рисунок Джози.

- Да, это добрая картинка. Поблагодари Джози от меня.

- Я думаю, Джози надеется, что Рик сам придет ее поблагодарить.

Его улыбка померкла.

- Разве это так просто? - сказал он. - Ты же все время там, всё при тебе. Так что знаешь не хуже меня. Как она без конца на меня нападает. Сносить такое нет никаких причин. Она зарывается, а потом думает, что все можно исправить милой картинкой. Посылает с ней свою ИП. Ей предстоит еще понять. Не все так легко можно исправить.

- Если бы Рик пришел еще раз, Джози, я думаю, может пожелать извиниться.

- Правда? Послушай, я знаю Джози, и мне сдается, она довольно-таки уверена, что извиниться должен я.

- Мы с Джози уже поговорили ровно об этом. Я полагаю, она хочет извиниться перед Риком.

- Я думаю, я тоже повел себя не лучшим образом. Но как она может такое говорить про мою маму. Это нечестно, несправедливо. Мама старается по мере сил, и ей становится лучше.

Хотя тот Рик, что открыл входную дверь и появился передо мной на помосте, во многом походил на того Рика, который игнорировал меня во время своих посещений, интересно было увидеть, как он сейчас приблизился к тому, с кем я разговаривала в день социализации, когда другие подростки вышли. Почти как будто я сейчас впервые за все время, прошедшее с того дня, встретила с тогдашним Риком и мы продолжаем начатый разговор.

- Я согласна, что Джози иногда говорила недобрые вещи, - сказала я. - Но причина, может быть, в ее ощущении, что мама Рика держит Рика слишком близко к себе. Слишком близко для того, чтобы Рик и Джози смогли в будущем осуществить свой план.

- Но почему Джози винит мою маму без конца? Это несправедливо.

- Джози беспокоится из-за плана. Я думаю, она считает, что мама Рика не хочет отпустить Рика из боязни остаться в одиночестве.

- Послушай, ты, конечно, очень умная ИП. Но есть масса такого, чего ты не знаешь. Если слушать только то, что Джози говорит, никогда всей картины не получишь. И это не только мамы касается. Джози все время сейчас пытается меня подловить.

- Подловить?

- Ты наверняка слышала. Она постоянно так делает сейчас. Либо обвиняет меня, что я слишком много думаю про всякое этакое. Либо оскорбляется, что у меня о ней слишком мало этих мыслей. Ловит и ловит меня, что бы я ни сказал. Заявляет, будто я вечно разжигаюсь на всяких девиц на моем ди-эс, а когда в следующий раз заводит об этом разговор, а я не реагирую, говорит, мол, что-то с тобой не так, почему ты не ведешь себя естественно? Часто рассуждает, что мы слишком хорошо друг друга знали, когда были маленькие, и потому все эти сексуальные дела, может быть, даже и не будут у нас работать. Что бы я ни сказал, что бы ни сделал, все не так, и я в ловушке. И как она про маму. Она зарывается. План там или не план - это просто-напросто несправедливо.

Он опять сел, и на него упала Солнечная фигура. Рисунок Джози он бережно положил на диван рядом с собой, и хотя лист лежал картинкой вниз, он продолжал на него смотреть.

- Так или иначе, - тихо сказал он, - Джози сейчас болеет. Ничего из этого, никакой наш план, вообще ничего не сбудется, если ей в скором времени не станет лучше. А идет все... Не знаю, что сейчас думать. - Он поднял на меня взгляд. - Послушай, Клара. Ты, как считается, умная-преумная. Как ты, ну, оцениваешь? Насколько Джози больна?

- Мне кажется, Джози больна серьезно, я сказала это уже. Не исключаю, что она совсем ослабеет и ей придется уйти из жизни, как ее сестре. Но мне думается, что у нее есть способ поправиться, которого взрослые не рассматривали. И еще я думаю, что положение сейчас такое, что мы не можем дальше ждать. Пусть даже это выглядит невежливым и отнимающим уединение, пора, может быть, кое-что предпринять. Я сегодня пришла сюда, конечно, потому, что мне дали важное поручение. Но еще у меня возникла надежда получить от Рика полезный совет.

- Ты суперумная, а я недоумок, которого даже не форсировали. Но хорошо. Если ты просишь, попробую дать тебе совет. Валяй.

- Я хочу пройти через поля к сараю мистера Макбейна. Я думаю, Рик там побывал по крайней мере однажды. Джози мне про это рассказала.

- Ты тот дальний сарай имеешь в виду? Да, мы ходили туда один раз, когда довольно маленькие были. До того, как она заболела. Потом я еще и сам, без нее туда несколько раз ходил. Там ничего особенного нет. Можно прогуляться до сарая и посидеть в тени. И как это должно помочь Джози?

- Мне не следует сейчас делиться - на тот случай, если окажется, что это необходимо держать в секрете. Может быть, даже и тем, что пойду к сараю мистера Макбейна, я уже слишком много на себя возьму. Но я чувствую, что должна сейчас попытаться.

- Ты хочешь поговорить с мистером Макбейном? Про здоровье Джози? Тебе должно очень повезти, чтобы ты там на него наткнулась. Он живет в пяти милях, на своей ферме. Тут он редко сейчас бывает, незачем.

- Нет, я не к мистеру Макбейну хотела обратиться. Но очень прошу, я не должна делиться, чтобы не подвергать риску особую помощь, которую Джози может получить. Все, что мне нужно от Рика, - это полезный совет. - Я повернулась, и теперь мы оба смотрели в широкое окно. - Скажи мне, пожалуйста. Есть ли там дикая тропа сквозь траву, ведущая к сараю, такая же, как та, по которой я пришла сюда, к дому Рика?

Он встал и подошел к окну.

- Есть что-то вроде тропы. Бывает, там легче пройти, бывает, труднее. Как ты сама сказала, она дикая. Никто ее специально не чистит, ничего такого. Иногда идешь туда, и все там заросло. Но если одна тропка загорожена или размокла, можно обычно найти другую. Всегда какой-нибудь путь да находится, даже зимой. - Вдруг он оглядел меня с головы до ног, как будто решил в первый раз рассмотреть как следует. - Я мало что знаю про ИП. Поэтому не могу сказать, насколько трудно тебе будет. Если хочешь, я схожу с тобой. Если это действительно должно помочь Джози, я буду рад сделать что сумею, хоть мы с ней сейчас и не разговариваем.

- Это очень доброе предложение со стороны Рика. Но я думаю, что мне лучше пойти одной. Как я уже сказала, не исключено...

- О господи...

Рик резко повернулся и пошел к двери.

Мне и до этого слышны были шаги по дому, но теперь они звучали в передней. Потом мисс Хелен - хотя я тогда не знала еще, что ее так зовут, - вошла в комнату. Она обвела взглядом все вокруг себя, но меня,

казалось, не заметила. На нее была накинута легкая жакетка – офисные сотрудницы носят такие вне помещений, – но в рукава она руки не продела и, чтобы жакетка не свалилась с плеч, сжимала ее борта пальцами, направляясь к деревянному сундуку под подоконником.

– Куда он мог запропасться? Как же тупо с моей стороны.

Она подняла крышку сундука и начала рыться в его содержимом.

– Мама, что ты ищешь?

Голос Рика был раздосадованным, как будто его мама нарушила правило. Он подошел ко мне и встал рядом, и мы оба смотрели на мисс Хелен, склонившуюся над сундуком.

– Я знаю, я знаю, – сказала она. – У нас посетительница. Еще секунда – и я с вами.

Когда она выпрямилась и повернулась к нам лицом, в руке у нее был ботинок, с которого на запутанном шнурке свисал парный ему.

– Прошу меня извинить, – сказала она, глядя теперь прямо на меня. – У меня жуткие манеры. Чувствуйте себя как дома.

– Благодарю вас.

– Никогда не знаешь, как принимать такую гостью. И можно ли вообще вас назвать гостьей? Или обращаться с вами как с пылесосом? По-моему, я сейчас повела себя именно так. Прошу меня извинить.

– Мама, – тихо сказал Рик.

– Не волнуйся, мой золотой. Дай мне познакомиться с нашей новой посетительницей на мой собственный лад.

Свисавший ботинок, отцепившись, сам собой упал обратно в сундук. Мисс Хелен уставилась на него, все еще держа другой. Рику, я видела, становилось все

более неловко, и я захотела уйти, чтобы дать уединение, но тут мисс Хелен опять обратилась ко мне.

- Я знаю, кто вы, знаю. Маленькая компаньонка Джози. Каких громадных успехов вы добились! Я наслышана обо всем этом от Крисси. Она очень часто тут бывает, надо сказать. Правда, Рик? Может быть, вы сядете?

- Вы очень добры. Но я чувствую, что мне пора возвращаться.

- Не из-за меня, надеюсь. Я сошла вниз в расчете на приятную беседу.

- Мама, у Клара есть обязанности. А ты, вероятно, все еще уставшая.

- Я прекрасно себя чувствую, спасибо тебе, мой золотой. - Потом она обратилась ко мне: - Должна признать, я не в лучшей форме была ночью. Ну так вот, Клара. Подозреваю, вы любопытствуете на мой счет. Крисси говорит, вы ко всему проявляете любопытство. Если так, то вы, вероятно, заметили, что я англичанка. Вы научены определять акценты? Или, может быть, вы способны заглянуть глубоко внутрь меня, в глубь генетики.

- Мама, пожалуйста.

- В наш магазин нередко заходили англичане, - сказала я, улыбаясь. - Поэтому все ИД и ИП смогли познакомиться с такой манерой говорить, как у вас. Мы нашли ее очень приятной, и Администратор, которая смотрела за нами, постоянно побуждала нас извлекать из нее уроки для себя.

- Подумать только, роботы получают уроки дикции! Какая прелесть!

- Мама...

- Кстати, об уроках. Клара. Вас ведь Клара зовут, не так ли? Раз уж заговорили об уроках, есть одна идея, зародившаяся в этом доме.

- Мама. Категорически нет. У Клары нет никакого интереса к...

- Дай мне сказать, мой золотой. Она тут собственной персоной, поэтому давай воспользуемся шансом. Должна тебе сообщить, золотой, что в последнее время у тебя развилась склонность верховодить. Это в высшей степени досадно. Клара, хотите узнать, какая у нас идея?

- Конечно.

Рик двинулся к выходу из комнаты, как будто ему противно было в ней оставаться. Но остановился в дверях, так что мне, откуда я стояла, видны были только часть спины и выпуклости локтей.

- Я к этому отношения не имею, - проговорил он, словно обращаясь к кому-то в передней.

Мисс Хелен улыбнулась мне и опустилась на диван, где до нее сидел Рик. Поправила одной рукой легкую жакетку, в другой по-прежнему был ботинок.

- Рик, должна вам сказать, раньше ходил в школу. Я имею в виду настоящую школу старого образца. Там царило изрядное беззаконие, но он завел там кое-каких милых друзей. Я правду говорю, мой хороший?

- Я не участвую.

- Тогда почему ты так зависишь? Странно себя ведешь, золотой. Либо уходи, либо оставайся.

Рик не двинулся с места, по-прежнему стоял к нам спиной, плечом теперь прислонился к дверному косяку.

- Одним словом, опуская лишнее, Рик покинул школу, чтобы учиться из дома, как все дети со способностями. Но потом, как бы сказать, - вы, может быть, уже знаете - начались осложнения.

Мисс Хелен внезапно замолчала и стала смотреть поверх моего плеча. Я подумала, что она увидела что-то в широком окне позади меня, и хотела повернуться, но тут она сказала:

- Нет, Клара, там ничего нет. Я просто задумалась. Вспомнила один случай. Бывает иногда со мной такое. Рик вам объяснит. Мне тогда нужно, чтобы меня легонько подтолкнули локтем.

- Мама, бога ради...

- На чем я остановилась? Ах да, итак, план был такой, чтобы Рик учился из дома у экранных профессоров, как все остальные способные дети. Но потом, конечно, как вы, вероятно, знаете, все осложнилось. И мы имеем то, что имеем. Мой золотой, может быть, с этого места ты сам расскажешь? Нет? Ладно. Одним словом, опуская лишнее. Хотя Рик не был форсирован, одна достойная возможность у него остается. Атлас Брукингс принимает небольшое количество нефорсированных учащихся. Единственный приличный колледж, который еще так делает. Они держатся принципа, и хвала небесам за это. Но каждый год у них всего несколько таких мест, так что, разумеется, конкурс чудовищный. Но Рик умница, и если он туда подаст, а до этого, может быть, немного позанимается под квалифицированным руководством, на которое я не способна, то у него хорошие шансы. Да, хорошие, мой золотой! Не качай головой! Но, одним словом, опуская лишнее, мы не можем найти для него экранных педагогов. Все они либо члены ТВИ - организации, которая запрещает своим членам брать нефорсированных учеников, - либо бандиты, требующие несусветных денег, каких, разумеется, мы платить не в состоянии. Но потом мы узнали, что в соседнем доме появились вы, и у меня возникла чудесная идея.

- Мама! Я серьезно тебе говорю. Все, на этом ставится точка!

Рик вернулся в комнату и решительно направился к матери, как если бы собирался подхватить ее и унести.

- Хорошо, мой золотой, раз у тебя такие чувства, не будем продолжать.

Рик уже подошел к самому дивану и негодуя смотрел на мисс Хелен сверху вниз. Она чуть-чуть изменила позу, чтобы он не мешал ей меня видеть.

- Только что, Клара, когда выглядело так, будто я замечталась... вы знаете, я не замечталась на самом деле. Я смотрела туда, - она показала рукой с ботинком мне за спину, - и вспоминала. Можете повернуться, и посмотрите сколько хотите, - заверяю вас, там нет ничего сейчас. Но когда-то, в один минувший день, я поглядела туда и кое-что увидела.

- Мама, - снова сказал Рик, но теперь уже, когда мисс Хелен сменила тему, не таким настоящим тоном. Он встал ко мне вполборота и отступил, чтобы не заслонять матери вид.

- День был прекрасный, - рассказывала мисс Хелен. - Примерно четыре часа дня. Я позвала Рика, он подошел и тоже это увидел, правда же, мой милый? Хотя он утверждал, что подошел слишком поздно.

- Это что угодно могло быть, - сказал Рик. - Все что угодно.

- Там Крисси была, мама Джози, вот кто там был. Я увидела, как она появляется из травы, вон там, и держит кого-то за локоть. Я довольно плохо объясняю. Я хочу сказать, выглядело так, как будто эта другая, кого она держала, пыталась убежать, а Крисси ее догоняла. Догнала и схватила за локоть, но не смогла совсем остановить. Так что они вдвоем, можно сказать, выкатились. Вон туда, из травы на нашу территорию.

- Мама в тот день, вероятно, была не в таком состоянии, чтобы видеть все безошибочно.

- Я видела все отлично. Рик не нравится эта история, поэтому он пытается сеять сомнения.

- Вы хотите сказать, - спросила я, - что мама Джози вышла из травы с ребенком? Но не с Джози?

- Крисси пыталась ее задержать, и чуть позже ей более-менее удалось стать хозяйкой положения. Вон там. Крисси обхватила девочку обеими руками. Эту часть Рик видел. Потом они обе опять скрылись в траве.

- Это кто угодно мог быть. - Рик, теперь более расслабленный, сел рядом с матерью и тоже посмотрел мимо меня в окно. - Хорошо, мама Джози там была. Это я допускаю. Но другая...

- Другая выглядела как Сал, - сказала мисс Хелен. - Как сестра Джози. Вот почему я позвала Рика. Это было через два года с лишним *после* того, как Сал, казалось бы, умерла.

Рик засмеялся, обнял маму за плечи и ласково притянул ее к себе, перекосив накиннутую легкую жакетку.

- Маме диковинные теории приходят в голову. Например, про то, что Сал еще живет у них в доме в шкафу каком-нибудь.

- Я не говорила этого, Рик. Я никогда всерьез ничего подобного не утверждала. Сал ушла из жизни, это была огромная трагедия, и мы не будем играть в глупые игры с памятью о ней. Я только говорю, что та, кого я увидела, пыталась убежать от Крисси и *выглядела как* Сал. Вот и все, что я сказала.

- Это очень странная история, - сказала я.

- Я вот что подумал, Клара, - сказал Рик. - Джози, может быть, удивляется, что тебя так долго нет.

- Ах нет, нашей маленькой подруге еще рано уходить, - сказала мисс Хелен. - Я вспомнила, что мы обсуждали. Мы обсуждали учебу Рика.

- Нет, мама, хватит уже этого!

- Но, золотой мой, Клара у нас, и я намерена поговорить с ней на эту тему. А что у нас здесь такое?

Мисс Хелен заметила лист бумаги, который Рик положил поверх конверта на диван рисунком Джози вниз.

- Да хватит же!

Прежде чем мисс Хелен могла дотянуться до рисунка, Рик схватил его и немедленно встал.

- Вот ты опять, мой золотой. Пытаешься верховодить. Тебе надо это прекратить.

Повернувшись к мисс Хелен спиной, чтобы она не видела, что он делает, Рик довольно-таки бережно положил рисунок Джози обратно в конверт. Потом вышел из комнаты, в дверях на этот раз не остановился. Слышны были его твердые шаги в передней, потом открылась входная дверь, потом захлопнулась.

- Свежий воздух ему не повредит, - сказала мисс Хелен. - Киснет в четырех стенах. А теперь даже перестал навещать нашу соседку Джози.

Она опять глядела мимо меня в широкое окно, и на этот раз я повернулась и увидела Рика - он стоял на досках снаружи, опираясь на перила у того места, где с помоста вниз вели дощатые ступеньки. Он смотрел на поля, Солнечная фигура лежала на нем. Ветер шевелил его волосы, но он оставался совсем неподвижен.

Мисс Хелен встала с дивана и сделала несколько шагов ко мне - теперь мы стояли бок о бок у окна. Она была выше Мама на два дюйма. Но когда она стояла, то не прямо держала спину, как Мама, а позволяла ей плавно гнуться вперед, как будто на нее, как на высокую траву снаружи, налегал ветер. Мисс Хелен не была в тот момент разделена ни на какие секции, и свет из окна позволял видеть крохотные белые волоски вокруг ее подбородка.

- Я не представилась вам как следует, - сказала она. - Пожалуйста, зовите меня Хелен. Мои манеры - это что-то ужасное.

- Вовсе нет. Вы очень добры ко мне. Но боюсь, что мой приход вызвал трения.

- О, тут у нас всегда трения. Между прочим - предваряю ваш вопрос. Ответ - да. Я тоскую по Англии.

В особенности по живым изгородям. В Англии, по крайней мере там, откуда я родом, повсюду вокруг трава, лужайки, и все разделено живыми изгородями. Везде, везде живые изгороди. Так все упорядочено. А теперь туда посмотрите. Взгляд просто катится и катится. Можно предположить, там где-то есть заборы посреди всего этого, но кто знает?

Она умолкла, поэтому я сказала:

- Могу подтвердить, что заборы есть. Там на самом деле три отдельных поля, между ними заборы.

- Забор можно убрать за одну минуту, - сказала она. - Потом поставить другой еще где-нибудь. Всю конфигурацию земли можно изменить за день или два. Так все временно в этом краю заборов. Вместо одного сделать другое так же легко, как сменить декорации на сцене. Вы знаете, я ведь играла. В приличных театрах иной раз. И в дрянных тоже. Заборы - что это такое, по сути? Оформление сцены. В Англии иначе, живые изгороди - ее милая черта. Они дают ощущение истории, укорененной в земле как следует. Когда я играла, я никогда своих слов не забывала. Мои партнеры забывали постоянно. Они вообще были так себе. Но я никогда не забывала. Ни единой реплики. Я часто думала в эти годы, не спросить ли Крисси про то, что я видела. Она время от времени сюда приходит, и мы всегда приятно болтаем. Я часто думала, спросить или нет, но всякий раз останавливаю себя. Думаю, нет, лучше не надо. Какое мне дело, в конце концов?

- Насколько я понимаю, мама Рика хотела сейчас обсудить учебу Рика.

- Пожалуйста, зовите меня Хелен. Да, верно. Как видите, Рик даже и поднимать этот вопрос не расположен. Вопрос о том, чтобы прибегнуть к вашей помощи. Я думаю, мне по-хорошему следовало бы с Крисси вначале поговорить. Или даже с Джози. Не имею понятия. Тут так все неясно с этикетом. Если пылесос

берешь на время... Но тут совсем другое дело, я знаю. Вы должны меня извинить. Ну что за манеры жуткие. Все, что Рiku нужно, – это небольшая помощь наставника. Я купила ему лучшие учебники. Они из той эпохи, когда детей еще не форсировали, – как раз то, что ему нужно. Но в них во всех предполагается, что и преподаватель какой-то тоже есть. Рик по-настоящему талантлив, особенно по части физики, инженерии и тому подобного, но, когда он натывается на что-нибудь непонятное, а объяснить некому, у него опускаются руки. Я не раз ему говорила, чтобы спросил Джози, но он, конечно, страшно злится из-за этого.

– Мисс Хелен хочет, чтобы я помогла Рiku с его учебниками?

– Просто идея такая зародилась. Для вас эти учебники будут проще простого. Только чтобы помочь ему сдать эти экзамены. Понимаете, ему действительно очень надо попасть в Атлас Брукингс. Это его единственный шанс. Ни о чем более долговременном я речи не веду. Да, мне точно следовало бы первым делом спросить у Крисси.

– Если Рик сможет поступить в колледж Атлас Брукингс, это будет хорошо. Поэтому да, я бы очень хотела оказать Рiku содействие, если только это не мешает мне заботиться о Джози. Может быть, если Рик возобновит свои посещения, он захочет иногда брать с собой свои книги.

Мой отклик, я увидела, не удовлетворил мисс Хелен. Она продолжала смотреть на Рика, который так и стоял, не шевелясь, на дощатом помосте, а потом сказала:

– Если совсем начистоту, это не главный вопрос. Да, кое-какое руководство с вашей стороны было бы полезно. Но главное препятствие на данный момент, при нынешнем положении вещей в том, что *Рик не хочет попытаться*. Если бы только он приложил все силы – тогда, я знаю, у него появится этот шанс. Тем

более что у меня, должна вам сказать, есть секретное оружие в помощь ему. Для того чтобы немного его подпихнуть, поскольку это Атлас Брукингс. Но он не хочет попытаться как следует. Не хочет из-за меня.

- Из-за вас?

- Он убедил себя, что не может уехать и оставить меня тут одну. Я-то, конечно, могу справляться со всем отлично. Но ему нравится воображать себе, что я совершенно беспомощна, способна вытворить в его отсутствие что угодно.

- Этот колледж Атлас Брукингс далеко расположен?

- День езды на машине. Но не в расстоянии дело. Он убежден, что оставить меня без присмотра может самое большее на час. Как, спрашивается, ему взростеть и выходить в мир, если он только на час может меня покинуть?

Снаружи Рик начал сходить с досок на траву. Он спускался медленно, словно во сне, и по тому, как он прижимал одну руку к груди, было понятно, что он все еще держит рисунок Джози. Глядя вместе со мной на то, как постепенно уходят из поля зрения его голова и плечи, мисс Хелен продолжала:

- Я вот о чем хотела на самом деле попросить вас, Клара. Настоящая просьба, более глубокая. Не могли бы вы походатайствовать перед Джози, чтобы она попробовала убедить Рика? Она единственный человек, способный повлиять на его образ мыслей. Он, как видите, очень упрям и, кроме того - подозреваю, - изрядно напуган. И как его в этом винить? Он знает, что мир, который вокруг нас, это нелегкий мир. Но Джози - вот она может побудить его взглянуть на ситуацию иначе. Вы согласны с ней поговорить? Я знаю, что вы имеете на нее большое влияние. Сделаете это для меня? Но один раз ей сказать будет мало, надо повторять и повторять, чтобы она хорошенько на него надавила. Сделаете?

- Конечно же, я рада буду помочь. Но должна сказать, что Джози уже говорила с Риком именно в таких выражениях. Сама теперешняя размолвка между ними, возможно, произошла потому, что Джози была слишком напориста как раз в этом.

- Интересно. Если так, то еще важнее, чтобы вы исполнили мою просьбу. У Джози может появиться чувство, что ей надо ради примирения пойти на попятный. Она может прийти к мысли, что напрасно вообще подняла эту тему. Вот поэтому вам и необходимо с ней поговорить. Скажите ей, что она не должна уступать, как бы он ни показывал свой трудный характер. Что-нибудь не так, моя милая?

- Прошу прощения. Просто я немного удивлена.

- Да? Чем же вы удивлены, милая?

- Я... Откровенно говоря, я удивлена потому, что просьба мисс Хелен, касающаяся Рика, звучит очень искренне. Мне странно, что кто-то может так сильно желать продвижения по пути, который приведет ее к одиночеству.

- Вас это удивляет?

- Да. До последнего времени я не думала, что человек может выбрать одиночество. Что бывают силы более мощные, чем желание избежать одиночества.

Мисс Хелен улыбнулась.

- Вы поистине лапочка. Вы не произносите этого, но я скажу за вас, что вы думаете. Любовь матери к сыну. Благородная штука, побеждающая страх одиночества. И, возможно, вы правы. Но, хочу вам сказать, есть и разные другие очень веские причины, чтобы при такой жизни, как у меня, предпочесть одиночество. Я не раз в прошлом делала такой выбор. Например, когда решила, что не останусь с отцом Рика. С его *покойным* отцом, как ни печально, хотя у Рика нет о нем никаких воспоминаний. Так или иначе, какое-то время он был моим мужем, и не совсем бесполезным, если на то

пошло. Благодаря ему мы сводим в нашем положении концы с концами, хоть живем и не в роскоши. Вот и Рик возвращается. А, нет. Хочет еще там побыть, не устал еще дуться.

Рик и правда поднялся по дощатым ступенькам и взглянул на дом, но потом сел на верхнюю ступеньку, опять повернувшись к нам спиной.

- Я должна идти обратно к Джози, - сказала я тогда. - Мисс Хелен была очень добра, оказав мне такое доверие. Я поговорю с Джози, как вы просите.

- И не раз поговорите. Это для Рика единственный шанс. И у меня есть, как я сказала, секретное оружие. Знакомство. Когда Крисси в следующий раз повезет Джози в город, может быть, когда будет очередной сеанс у этого портретиста, я, не исключено, попрошу ее подвезти нас с Риком. И тогда Рик сможет познакомиться с моим секретным оружием, будем надеяться, произведет на этого человека хорошее впечатление. Мы с Крисси уже говорили на эту тему. Но все это будет зря, если Рик не изменит своего отношения.

- Я понимаю. Теперь до свидания. Мне пора идти.

Когда я вышла на помост, то почувствовала ветер, который сильнее прежнего дул через щели между досками. Поля больше не были разделены на секции, так что передо мной была единая ясная картина до самого горизонта. Несмотря на другой угол зрения, сарай мистера Макбейна находился там, где я ожидала, однако его очертания чуть-чуть изменились по сравнению с тем, что я видела из заднего окна у Джози.

Я прошла мимо холодильника с паутиной к верхней доске, на которой сидел Рик. Я подумала, что он, может быть, все еще сердится и оставит меня без внимания, но он поднял на меня доброжелательный взгляд.

- Если из-за моего прихода возникли трения, то мне очень жаль, - сказала я.

- Не твоя вина. У нас такое часто.

Мы оба посмотрели на поля перед нами, и чуть погодя я поняла, что его взгляд, как мой, обращен на сарай мистера Макбейна.

- Ты что-то говорила, - сказал он. - Перед тем как мама спустилась. Говорила, что почему-то хочешь пойти к этому сараю.

- Да. И это должно быть вечером. Очень важно правильно рассчитать время.

- И ты уверена, что не хочешь, чтобы я тебя проводил?

- Рик очень добр ко мне. Но если есть дикие тропы, ведущие к сараю мистера Макбейна, то лучше всего мне пойти одной. Важно, чтобы я ничего не считала заранее обеспеченным.

- Ладно. Как тебе угодно. - Он смотрел на меня снизу вверх, сощутив глаза - отчасти из-за Солнечной фигуры на его лице, но еще, я поняла, потому, что опять внимательно меня изучал, возможно, оценивал мою способность проделать такой путь. - Послушай, - сказал он наконец. - Я плохо понимаю, к чему все это. Но если это может помочь Джози поправиться - тогда, что ж, удачи тебе.

- Спасибо. Теперь мне надо возвращаться в ее дом.

- Знаешь, я тут подумал, - сказал он. - Может быть, ты скажешь Джози, что мне очень понравился ее рисунок. Что я ей благодарен. И что, если она не против, я бы хотел прийти в ближайшее время и сказать ей это лично.

- Джози так обрадуется, когда это услышит.

- Может быть, прямо завтра.

- Да, конечно. А теперь до свидания. Мне было очень интересно у вас побывать. Спасибо тебе за полезный совет.

- Пока, Клара. Иди осторожно.

Как я сказала Рику, время было для моего похода к сараю мистера Макбейна критически важно, и, когда я второй раз за день прошла по рассыпанным камешкам к калитке-раме, я испугалась, что плохо рассчитала. Солнце было уже низко передо мной – и я не могла быть уверена, что второе и третье поля будут так же легко преодолимы, как первое.

Мое путешествие началось обнадеживающе, дикая тропа к дому Рика мало изменилась по сравнению с тем, какой она была утром. На этот раз я могла отодвигать траву обеими руками, и, когда я это делала, из нее вылетали вечерние насекомые. Другие насекомые толпились передо мной в воздухе, нервно менялись местами, но не хотели покидать своих дружеских скоплений.

Из боязни не добраться до сарая мистера Макбейна вовремя я бросила на дом Рика, проходя мимо, только короткий взгляд и двинулась дальше по дикой тропе, оставив позади все места, где уже побывала. Я прошла через другую калитку-раму, а затем трава сделалась такой высокой, что я перестала видеть сарай впереди себя. Поле разделилось на прямоугольные секции, одни были больше, другие меньше, и я, усердно продвигаясь вперед, ощущала при переходе из секции в секцию резкие перемены в атмосфере, которая в них царила. То трава была мягкой и податливой, земля легкой для ходьбы; потом я пересекала границу, и все темнело, трава сопротивлялась моему напору и вокруг раздавались странные звуки, внушая мне пугающую мысль, что я, может быть, серьезно просчиталась, что я без веской причины вздумала бесцеремонно нарушить Его уединение, что мои усилия будут иметь для Джози тяжелые последствия. Пересекая одну особенно

недобрую секцию, я слышала вокруг себя крики боли, какими кричит животное, и мне представилась Роза, сидящая на грубой земле где-то под открытым небом, вокруг нее рассыпаны мелкие кусочки металла, а она тянет обе руки, чтобы схватиться за свою ногу, жестко вытянутую вперед. Картина была у меня в уме всего какую-нибудь секунду, но животное продолжало издавать звуки, и я почувствовала, что земля уходит из-под ног. Мне вспомнился ужасающий бык по дороге к Морганс-Фолс, возникший, по всей вероятности, из-под земли, и ненадолго даже пришла мысль, что Солнце, может быть, вовсе не доброе и в этом-то и кроется настоящая причина того, что Джози стало хуже. Даже охваченная этим смятением, я, однако, была убеждена, что если только удастся дотянуть до более доброй секции, то я окажусь в безопасности. До меня, кроме того, долетал звавший меня голос, и теперь я увидела немного впереди, в траве, нечто, по очертаниям похожее на дорожный конус ремонтных людей. Голос шел из-за этого конуса, и когда я попыталась двинуться туда, то уразумела, что на самом деле это два конуса, один надетый на другой так, что верхний мог покачиваться – вероятно, чтобы привлекать внимание прохожих.

– Клара! Сюда! Ко мне!

Я приблизилась и поняла, что это никакие не конусы, а Рик, он одной рукой отводил траву, а другую протянул ко мне. Теперь, когда я его узнала, меня еще сильнее повлекло в его сторону, но ступни проваливались все ниже, и я знала, что если попробую сделать шаг, то потеряю равновесие и окажусь глубоко под землей. И еще мне было понятно, что, хотя до Рика, казалось, можно было дотронуться, в действительности он находился не так близко, потому что наши секции разделяла свирепая граница. Тем не менее он продолжал тянуться ко мне рукой, и та ее часть, что

пересекала границу секций, выглядела удлинённой и непрямой.

- Клара, сюда!

Но я уже смирилась с тем, что вот-вот провалюсь под землю, что Солнце сердится на меня, что, возможно, Оно недоброе и что я подвела Джози. Я начала терять ориентацию, а тем временем рука Рика становилась все длиннее и все более искривленной, и вот наконец она коснулась меня. Благодаря ей я перестала падать, и под ногами появилась какая-то опора.

- Хорошо, Клара. Сюда.

Он повел меня - почти понес - через границу, и вот я уже в доброй секции, на мне щедрая Солнечная фигура, и мои мысли снова упорядочились.

- Спасибо тебе. Спасибо, что пришел помочь.

- Увидел тебя в окно со второго этажа. Как ты, ничего?

- Да, все опять хорошо. Я не ожидала, что в поле будет так трудно.

- Эти маленькие канавки, они коварные. Оттуда сверху, прямо скажу, ты как муха смотрелась - знаешь, из тех, что в окно вслепую тычутся и жужжат. Но это я жестоко сказал, прошу прощения.

Я улыбнулась.

- Я чувствую себя совсем глупой. - Потом, вспомнив, подняла голову, чтобы проверить, где находится Солнце. - Этот поход очень важен, - сказала я, опять глядя на Рика. - Но я неверно рассчитала и теперь не попаду туда вовремя.

Трава была и тут слишком высокая, чтобы я могла видеть сарай мистера Макбейна на отдалении, но Рик, прикрывая глаза ладонью, смотрел в ту самую сторону, и мне подумалось, что он при своем росте способен его разглядеть отсюда.

- Мне надо было выйти из дому раньше, - сказала я, - независимо от всех затруднений после моего возвращения от вас. Ждала, пока Джози заснет, хотела, чтобы Помощница Мелания поверила, будто я иду в дом Рика с новым поручением. Думала, что времени хватит, но поля оказались сложнее, чем я воображала.

Рик по-прежнему смотрел в сторону сарая мистера Макбейна.

- Ты утвердишь, что не попадешь туда вовремя, - сказал он. - Когда именно ты хотела там быть?

- Когда Солнце прибудет в сарай мистера Макбейна. Но до того, как Оно отправится отдыхать.

- Этого, слушай, я не понимаю. Что-то тебе мешает объяснить мне все толком - ладно, не объясняй, ты не обязана. Но если хочешь, я тебя туда доставлю.

- Рик очень добр ко мне. Но, даже если он меня туда проводит, я думаю, все равно опоздаю.

- Я не провожать тебя буду. Я тебя понесу. На закорках. Кое-какой путь тут еще надо проделать, но, если поторопимся, скорее всего, успеем.

- Ты готов так поступить?

- Ты же утвердишь, что это важно. Что это важно для Джози. Так что да, помогу. Это выше моего понимания, но я к такому привык. Если мы идем, то надо поторапливаться.

Он повернулся и опустился на корточки. Я поняла, что мне нужно залезть к нему на спину, и как только я залезла и обхватила его руками и ногами, он начал движение.

* * *

Находясь теперь выше, я лучше видела вечернее небо и крышу сарая мистера Макбейна впереди. Рик передвигался уверенно, проталкиваясь через траву, и,

поскольку руками он придерживал меня, рассекали ее главным образом его голова и плечи. Я чувствовала себя виноватой из-за этого и жалела, что не могу отпихивать траву вместе с ним.

Потом я посмотрела вверх мимо головы Рика и увидела, что небо разделилось на сегменты неправильной формы. Одни сияли оранжевым или розовым, тогда как другие были кусками ночного неба, луна виднелась в них осколками в углу или с краю. Рик двигался вперед, и эти сегменты постоянно наползали один на другой и теснили друг друга, а мы между тем миновали еще одну калитку-раму. После нее трава, уже не податливая и не волнистая, стала надвигаться на нас плоскими щитами, возможно, сделанными из такой же тяжелой доски, как те, на которых видна уличная реклама, и я испугалась, что Рик о них расшибется. Потом сегменты кончились, небо и поле соединились в цельную широкую картину, и перед нами возник сарай мистера Макбейна.

Тревожную мысль, которая росла у меня в уме, теперь уже нельзя было отстранять. Еще до того, как Рик пришел мне на помощь, я начала сомневаться в том, что Солнце опускается на отдых именно в сарай как таковой. Разумеется, не Джози, а я первая высказала такое предположение, когда мы вдвоем смотрели в заднее окно, так что любая ошибка подобного рода целиком на моей совести. О том, что Джози когда бы то ни было ввела меня в заблуждение, безусловно, и речи не могло быть. Так или иначе, мысль, что Солнце, может быть, опустится не туда, куда я с такими усилиями стремлюсь добраться, а в какое-то более дальнее место, была обескураживающей.

То, что предстало передо мной сейчас, подтверждало мой страх. Сарай мистера Макбейна не был похож ни на одно из зданий, какие я видела. Он напоминал внешнюю оболочку дома, который еще не

достроили. Серую крышу с обычным обращенным вперед треугольником поддерживали слева и справа стены более темного оттенка. Но, помимо частей, скрепляющих крышу, у строения не было стен ни спереди, ни сзади. Ветер, я знала, прямо сейчас продувал его насквозь, почти не встречая препятствий. А Солнце, я видела, уже опустилось за сарай и посылало лучи между боковыми стенами нам навстречу.

Тем временем мы вышли на расчищенное место, напомиравшее участок земли, на котором был построен дом Рика. Трава тут была, но не выше щиколоток – вероятно, сам мистер Макбейн ее и скосил. Сделано это было искусно, так что виднелся вьющийся рисунок, который шел ко входу в строение, чья длинная тень, создаваемая Солнцем, светившим сейчас прямо через сарай, протянулась по траве в нашу сторону.

Хотя вежливым это показаться не могло, я стиснула Рика руками и ногами, подавая ему срочный знак.

– Пожалуйста, стой! – прошептала я ему в ухо. – Стой! Пожалуйста, дай мне слезть!

Он бережно меня опустил, и мы оба вгляделись в то, что было перед нами. Хотя я должна была теперь согласиться, что сарай не может быть для Солнца подлинным местом отдыха, я позволила себе допустить ободряющую возможность: что, куда бы Солнце ни опускалось в итоге, в сарай мистера Макбейна Оно, может быть, непременно навевается каждый вечер перед сном, как Джози, прежде чем улечься спать, всегда заходит в туалет.

– Я очень тебе благодарна, – сказала я по-прежнему тихим голосом, хотя снаружи не такая акустика, как в помещении. – Но тут пусть лучше Рик меня оставит, и я пойду одна.

– Как тебе угодно. Хочешь, подожду тебя здесь? У тебя это надолго?

- Пусть лучше Рик возвращается домой. А то мисс Хелен будет волноваться.

- С мамой ничего не случится. Думаю, я все-таки подожду. Помнишь, как все было перед тем, как я подключился? А назад тебе идти, скорее всего, в темноте.

- Как-нибудь справлюсь. Рик и так уже был чересчур добр. И лучше я войду одна. Уже само то, что мы тут так стоим, может быть, вредит уединению.

Рик опять посмотрел на сарай мистера Макбейна, потом пожал плечами.

- Ладно. Оставлю тебя одну с этим. Хоть и не знаю с чем.

- Спасибо тебе.

- Удачи, Клара. От всей души.

Он повернулся и пошел назад в высокую траву, и вскоре я уже не могла его видеть.

Оставшись одна, я начала полностью собирать мысли вокруг предстоящего дела. Мне подумалось, что если бы перед самым сараем всего каких-нибудь пять минут назад стоял прохожий, то ему было бы видно не только вечернее небо и продолжение поля через открытую тыльную часть, но и многое в полутьме внутри сарая. Но сейчас, под лучами Солнца, бившими прямо мне в глаза, я различала только размытые силуэты чего-то вроде больших ящиков, поставленных друг на друга. И ко мне с большей определенностью, чем когда-либо раньше, вернулась мысль, что, даже если взять в расчет великую щедрость Солнца, то, что я собираюсь сделать, несет в себе риск и потребует всей моей сосредоточенности. Я слышала позади себя ветер в траве и крики далеких птиц и, приводя мысли в порядок, пошла по скошенной траве к сараю мистера Макбейна.

Сарай был полон оранжевого света. В воздухе, как вечерние насекомые, плавали частицы сена, и фигуры Солнца лежали по всему деревянному полу. Когда я посмотрела назад, моя тень выглядела как высокое тонкое дерево, готовое надломиться под ветром.

В том, что меня окружало, я увидела нечто диковинное. Едва войдя, я столкнулась с таким резким контрастом между участками яркости и тени, что глаза приспособились не сразу. Тем не менее я быстро установила, что поставленные друг на друга тюки сена, чьи силуэты я заметила снаружи, образуют слева от меня возвышение, своего рода платформу, до моих плеч высотой, на которую прохожий может залезть и где он даже может улечься и отдохнуть. Но тюки были размещены так, что между ними и стеной оставался просвет – возможно, чтобы у мистера Макбейна был к ним доступ с той стороны. Глядя поверх платформы из тюков, я теперь увидела прикрепленные к той стене и идущие по всей ее длине Красные Полки из нашего магазина с керамическими кофейными чашками, перевернутыми и выставленными в ряд.

По другую сторону от себя, по правую, где тень была гуще, я увидела участок стены, почти неотличимый от передней ниши – от той части торгового зала, куда, что бы ни говорили, чаще всего падает первый взгляд покупателя. По правде говоря, я была уверена, что если подойду, то обнаружу среди полумрака гордую фигуру ИД или ИП.

И еще справа, хотя не так далеко, как ниша, было то единственное на весь сарай, что я могла назвать предметом мебели: маленький металлический складной стул, разложенный сейчас и рассеченный надвое по диагонали, разделяющей его ярко освещенную часть и

находящуюся в тени. Он тоже кое-что мне напоминал, а именно стулья, которые Администратор держала в задней комнате и порой раскладывала в торговом зале, только у этого краска начала лупиться, виднелись пятна голого металла.

Я решила, поразмыслив, что не проявлю неучтивости, если сяду на этот стул в ожидании Солнца. Когда я села, то была полна ожиданий увидеть с нового угла измененную картину окружающего, но, к своему удивлению, обнаружила, что вместо этого все разделилось - притом не на обычные прямоугольные секции, а на сегменты неправильной формы. В некоторых сегментах я видела отдельные части сельскохозяйственных приспособлений мистера Макбейна: рукоятку лопаты, нижнюю половину металлической лестницы. В другом сегменте, я знала, были верхние ободы двух пластиковых ведер, стоявших бок о бок, но выглядели они, возможно из-за трудного освещения, просто двумя пересекающимися овалами.

Я знала, что Солнце сейчас очень близко от меня, и хотя временами мне думалось, что мне следует встать, как перед покупателем, что-то другое подсказывало, что если я останусь сидеть, то не так помешаю уединению и будет меньше риска вызвать раздражение. Поэтому я, как могла, согласовала свои очертания с контурами складного стула и стала ждать. Лучи Солнца становились все более яркими и оранжевыми, и я даже подумала, что эти лучи, может быть, отрывают от тюков частички сена и поднимают их в воздух, потому что этих мелких кусочков сейчас плавало перед моими глазами гораздо больше.

Потом пришла мысль, что, если я не ошиблась и Солнце сейчас проходит через сарай мистера Макбейна по пути к Своему настоящему месту отдыха, то я не могу себе позволить быть чересчур вежливой. Что мне надо смело ловить свой шанс, иначе все мои усилия - и

помощь Рика – пропадут зря. Так что я собралась с мыслями и начала говорить. Вслух я ничего не произносила, зная, что слова как таковые Солнцу не нужны. Но я хотела добиться как можно большей ясности и потому быстро и беззвучно формировала слова, или что-то близкое к ним, в уме.

– Прошу Тебя, помоги Джози поправиться. Как Ты помогло Попрошайке.

Я немного подняла голову и увидела помимо фрагментов сельскохозяйственных орудий и тюков сена кусок уличного знака и часть крыла одной из механических птиц Рика, и в памяти прозвучал голос Администратора: «Нет такой возможности» – и голос ИД Рекса: «Ты пожадничала, Клара». И я сказала:

– Но Джози еще ребенок, и она не сделала ничего недоброго.

И мне вспомнились испытующие глаза Мамы над столом для пикников около Морганс-Фолс, и вспомнился бык, смотревший зло, словно я не имела права идти мимо его поля, и я поняла, что, может быть, рассердила Солнце своим беззастенчивым появлением, когда Ему необходим отдых. Я составила в уме просьбу о прощении, но тени были сейчас еще длиннее, так что если бы я раздвинула перед собой пальцы, то их тени, я знала, протянулись бы обратно до самого входа в сарай. И было ясно, что Солнце не намерено давать никаких обещаний по поводу Джози, потому что Оно, при всей Своей доброте, еще не готово увидеть Джози отдельно от прочих людей, иные из которых очень сильно Его рассердили своим Загрязнением и невнимательным отношением, и я вдруг почувствовала себя глупой из-за того, что пришла сюда с такой просьбой. Сарай еще ярче наполнялся оранжевым светом, и я опять увидела Розу на жесткой земле с выражением боли на лице, с вытянутой ногой, к которой она тянет обе руки, желая за нее схватиться. Я наклонила голову как можно ниже

и постаралась как можно сильнее уменьшиться, вжаться в складной стул, но потом опять вспомнила, как скоротечна сама возможность к Нему обратиться, и тогда, осмелев, почти проговорила, стремительно гоня почти-слова сквозь ум:

- Я понимаю, до чего нагло и грубо с моей стороны было прийти сюда. Солнце имеет безусловное право сердиться, и я вполне понимаю Твой отказ даже рассматривать мою просьбу. И все же, зная Твою великую доброту, я решаюсь попросить Тебя задержать Свое движение еще совсем ненадолго. Чтобы выслушать еще одно предложение. Допустим, я сумею порадовать Тебя чем-то особенным. Сделать для Тебя что-то чрезвычайно приятное. Если у меня это получится, не согласишься ли Ты взамен проявить к Джози особую доброту? Какую Ты проявило тогда к Попрошайке и его собаке.

Когда эти слова проходили через мой ум, что-то ощутимо изменилось вокруг меня. Красное сияние внутри сарая не потеряло интенсивности, но теперь в нем было что-то почти нежное - настолько, что сегменты, на которые подразделялось все окружающее, казалось, поплыли в последних лучах Солнца. Я заметила, как нижняя половина Передвижной Витрины - узнала по колесикам - медленно поднимается и постепенно пропадает из виду, заходя за соседний сегмент, и, хотя я подняла голову и все кругом оглядела, не было видно ничего, что напоминало бы об ужасном быке. Я поняла тогда, что добилась чего-то очень важного, но нельзя было терять ни мгновения, и поэтому я продолжила, уже не тратя времени на формирование полуслов:

- Я знаю, как сильно Солнце не любит Загрязнение. Как оно печалит и сердит Тебя. И вот, я видела и определила машину, которая его создает. Допустим, я смогу каким-нибудь образом отыскать эту машину и

разрушить ее. Чтобы положить конец Загрязнению. С согласишься ли Ты взамен оказать Джози особую помощь?

В сарае делалось темнее, но это была дружественная темнота, и вскоре сегменты ушли, внутри помещения все стало единым целым. Я знала, что Солнце продолжило Свой путь, и, встав со складного стула, в первый раз подошла к открытому дальнему концу сарая. Я увидела продолжение поля, его заканчивала на среднем расстоянии полоса деревьев – своего рода мягкий забор, – а за этими деревьями опускалось в землю Солнце, усталое и уже не пылающее. Небо становилось ночным, со звездами, и я чувствовала, знала, что Солнце, уходя на отдых, улыбается мне доброй улыбкой.

Полная благодарности и почтения, я продолжала стоять у заднего конца сарая, пока не скрылось в земле Его последнее сияние. Потом прошла через потемневший сарай мистера Макбейна и покинула его тем же путем, каким в него попала.

* * *

Высокая трава, когда я снова в нее вошла, мягко шевелилась вокруг меня. Необходимость идти через темные поля не вызывала радости, но то, что сейчас произошло, так воодушевило меня, что страха я почти не чувствовала. И все же, ощущая под ногами неровности, напоминавшие об опасностях впереди, я была рада внезапному голосу Рика откуда-то не издалека.

– Клара, это ты?

– Где ты?

– Я здесь. Справа от тебя. Не послушался твоего совета идти домой.

Я двинулась на голос, высокая трава кончилась, и я оказалась на расчищенном месте. Можно было подумать, что поработал пылесос: небольшой круглый участок, где опять-таки трава была не выше обуви, под ночным небом с изогнутым ломтиком луны. Рик сидел там, показалось, на земле, но, подойдя ближе, я увидела, что он сидит на большом камне, выступающем из земли. Он выглядел спокойным и улыбнулся мне.

- Спасибо, что подождал меня, - сказала я.

- Чистый эгоизм. Допустим, ты застряла бы тут на всю ночь и что-нибудь себе повредила. Мне тогда за то, что притащил тебя сюда, досталось бы по полной.

- Я думаю, что Рик подождал из доброты. Я очень благодарна.

- Ну, ты нашла то, за чем ходила?

- О да. По крайней мере я так думаю. И я думаю, что теперь мы можем надеяться. Есть надежда, что Джози станет лучше. Но сначала я должна сделать одно дело.

- Какое дело? Может быть, я сумею помочь.

- Мне очень жаль, но я не могу это обсуждать с Риком. Я думаю, что сегодня достигнута договоренность. Заключено соглашение, можно сказать. Но я поставлю его под удар, если начну свободно о нем рассказывать.

- Хорошо. Не хочу ничего ставить под удар. И все-таки, если, по-твоему, есть что-то, в чем я бы мог...

- Если мне можно говорить откровенно. Самое важное, что Рик мог бы сделать, - это напрячься и постараться поступить в колледж Атлас Брукингс. Тогда Джози и Рик смогут оставаться бок о бок, и пожелание, выраженное в ее добром рисунке, будет осуществимо.

- Господи, Клара, явно мама тебя обработала. Ее послушать - это так просто. Но ты понятия не имеешь, чего это стоит - такому, как я, попасть в подобное

место. И даже если я поступлю, что будет с мамой? Предлагаешь оставить ее тут одну?

- Мисс Хелен, может быть, не так беспомощна, как Рик думает. А у Рика, хоть он и не форсирован, есть особые дарования. Если он очень постарается, я думаю, его могут взять в колледж Атлас Брукингс. Помимо прочего, мисс Хелен сказала, что у нее есть секретное оружие ему в помощь.

- Секретное оружие? Какой-то тип, который там подвизается, ее знакомый. Любовь прежних лет. Не хочу и не буду в этом участвовать. Так, Клара, давай пойдем, пора уже.

- Ты прав. Мы надолго ушли. Мисс Хелен, может быть, беспокоится. И если мне удастся вернуться до того, как приедет мама Джози, это поможет избежать неудобных вопросов.

* * *

На следующий день, когда в середине утра в дверь позвонили, Джози, судя по всему, догадалась, кто это, и, покинув постель, поспешила на лестничную площадку. Я последовала за ней, и когда Рик мимо Помощницы Мелании вошел в прихожую, Джози повернулась ко мне со взволнованной улыбкой на лице. Но потом, подойдя к ступенькам, придала лицу совсем безучастное выражение.

- Мелания! - крикнула она в пролет лестницы. - Кто этот неадекватный субъект, ты не знаешь?

- Привет, Джози. - Рик глядел на нас снизу вверх с осторожной улыбкой на лице. - Прошел слух, что мы опять можем быть друзьями.

Джози села на верхнюю ступеньку, и я, хотя была позади нее, знала, что сейчас она улыбается самой доброй из своих улыбок.

- Правда? Странно. Кто, интересно, распускает?

Улыбка Рика стала более уверенной.

- Сплетни просто-напросто, я думаю. Между прочим, мне очень понравился рисунок. Я его в рамку вставил вчера вечером.

- Да? В одну из тех, какие сам делаешь?

- Честно говоря, взял из маминых старых. Их много кругом валяется. Вытащил зебру и вставил твой рисунок.

- Неплохая замена.

Помощница Мелания ушла в кухню, и Рик с Джози продолжали улыбаться друг другу с разных концов лестницы. Потом Джози, похоже, дала какой-то сигнал, потому что они разом встrepенулись: она поднялась на ноги, он взялся за перила лестницы.

Когда они вместе входили в спальню, я вспомнила наставление Помощницы Мелании и последовала за ними. И некоторое время после этого все было как встарь: я смотрела в заднее окно с Дивана С Пуговками, Рик и Джози за моей спиной дурачились и смеялись. В какой-то момент Джози сказала:

- Рик, послушай. Я вот думаю - как правильно его держать? Так? - Глядя на отражение в окне, я увидела, как она взяла столовый нож, оставшийся после завтрака. - Или так?

- Откуда я могу знать?

- Я думала, ты знаешь, ведь англичанин и все такое. Моя химичка сказала, *так* надо держать. Но ей-то знать неоткуда.

- И мне неоткуда. А почему ты заладила, что я англичанин? Я там, собственно, и не жил, как тебе известно.

- Ты сам и заладил, Рик. Два, три года назад, помнишь? Без конца твердил, как много в тебе английского.

- Да? Период, видимо, у меня был соответствующий.

- Ага, месяц за месяцем ты такой: прости мне то, позволь мне это. Вот я и подумала, что ты можешь знать, как с ножом обращаться.

- Но с какой стати англичанин будет больше про это знать, чем кто угодно?

Через несколько минут я услышала шаги Рика по спальне, и он сказал:

- Знаешь одну из причин, по которым мне так нравится эта комната? Тут тобой пахнет, Джози.

- Что? Поверить не могу, что ты такое выдал!

- Я в исключительно хорошем смысле.

- Рик, не говорят же такого девушкам!

- Девушкам я бы такого и не сказал. Я тебе говорю.

- Прости, не поняла. Я не девушка уже, что ли?

- Девушка, но не как другие. Я одну простую вещь пытаюсь сказать: я не был тут сколько-то дней и кое-что забыл про эту комнату. Как она выглядит, как в ней пахнет.

- Боже мой, Рик, ну бестактно же.

Но в ее голосе был смех, и после тишины Рик сказал:

- По крайней мере, мы больше друг на друга не злимся. Я рад.

Еще тишина, а потом Джози сказала:

- Я тоже. И я рада. - Затем она добавила: - Прости, что говорила всякое разное про твою маму и так далее. Она хорошая, и я ничего такого не думала. И прости, что я все время болею. Заставляю тебя тревожиться.

Я увидела в стекле, как Рик делает шаг к Джози и обнимает ее одной рукой. Потом, секунду спустя, и второй рукой. Джози позволила ему это, хотя сама ответно рук не поднимала, как делала, когда они прощались с Мамой.

- Чтобы понюхать меня как следует? - спросила она чуть погодя.

Рик на это не ответил, но сказал:

- Клара, ты здесь?

Когда я повернулась, они немного отстранились друг от друга и оба смотрели на меня.

- Да?

- Может быть, ты, это... дашь уединение, как ты всегда говоришь.

- О да, конечно.

Они смотрели, как я слезаю с Дивана С Пуговками и иду мимо них. У двери я повернулась и сказала:

- Я всегда хотела дать уединение. Но беспокоили возможные шуры-муры. - У обоих был озадаченный вид, поэтому я продолжила: - Мне велели проследить, чтобы не случились шуры-муры. Поэтому я всегда оставалась в комнате, даже во время игры в пузыри.

- Клара, - сказала Джози, - сексом мы с Риком заниматься не собираемся, понимаешь меня? Нам надо кое-что сказать друг другу, вот и все.

- Да, конечно. Тогда я ухожу.

С этими словами я вышла на лестничную площадку и закрыла за собой дверь.

* * *

В последующие дни я много размышляла про КОТЭ-машину и про то, как бы я могла ее найти и разрушить. Я экспериментировала в уме с разными предложениями, под которыми мне удалось бы сделать так, чтобы Мама взяла меня с собой в город, а там оставила одну на достаточное время; но ничего убедительного придумать не получалось. Джози, видя мою частую невнимательность, говорила мне что-нибудь вроде: «Клара, опять выключаешься. Батареи, что ли, разряжены?» Я даже обдумывала возможность посвятить во все Маму, но отвергла этот вариант не только из-за риска рассердить Солнце, но и потому, что Мама, я чувствовала, не способна была ни понять

соглашение, которое я заключила, ни, тем более, поверить в него. Но потом случай представился сам собой, безо всяких усилий с моей стороны.

Однажды вечером, через час после того как Солнце отправилось на отдых, я стояла на кухне около холодильника, слушая уютные звуки, которые из него шли. Верхний свет не включали, темноту через дверь рассеивала лампа, горевшая в прихожей. Мама вернулась из офиса не так давно, позже обычного, и я спустилась на кухню, чтобы дать им с Джози уединение в спальне. Какое-то время спустя послышались Мамины шаги вниз по лестнице, потом по полу в сторону кухни. В двери возник ее силуэт, из-за которого на кухне стало еще темнее, и она сказала:

- Клара, я хочу тебя предупредить. Потому что это касается тебя тоже.

- Да?

- В следующий четверг я беру на работе свободный день. Я повезу Джози в город, и мы там переночуем. Мы только что с ней об этом говорили. У Джози сеанс.

- Сеанс?

- Как ты знаешь, Джози была в процессе изготовления ее портрета. Когда она подходила к твоей витрине, мы ради портрета были в городе. Потом из-за ее нездоровья был большой перерыв, но теперь она окрепла, и я хочу, чтобы она снова попозировала. Мистер Капальди очень терпеливый человек, он все отложил и готов возобновить.

- Понимаю. Джози надо будет долго сидеть в неподвижности?

- Мистер Капальди заботится о том, чтобы она не устала. Он ее фотографирует и потом работает по снимкам. Тем не менее ему нужно, чтобы она приезжала время от времени. Я тебе потому об этом говорю, что хочу взять тебя в эту поездку. Я думаю, Джози будет рада такой компании.

- О да, и я буду очень рада.

Мама шагнула глубже в кухню, и теперь я видела только одну плоскость ее лица, освещенную из прихожей.

- Я хочу, чтобы ты, Клара, была с ней у мистера Капальди. Должна тебе сказать, что мистер Капальди очень хочет с тобой познакомиться. У него особый интерес к ИД и ИП. Это, пожалуй, даже страстью можно назвать. Ты не против?

- Конечно, нет. Я буду с нетерпением ждать встречи с мистером Капальди.

- Возможно, он задаст тебе несколько вопросов. Это связано с его исследованиями. Потому что он, как я сказала, очень интересуется ИД и ИП. Ты не возражаешь?

- Конечно же, нет. И я думаю, поездка в город будет полезна Джози сейчас, когда она немного набралась сил.

- Хорошо. О, и у нас, кстати, скорее всего, будут пассажиры. В смысле - в машине. Наши соседи попросили их подвезти.

- Рик и мисс Хелен?

- У них тоже есть дело в городе, а она за руль больше не садится. Не волнуйся, места всем хватит. Тебе не придется ехать в багажнике.

Я опять услышала об этой поездке в воскресенье, когда в середине дня пришел Рик, и не один, а с мамой. Я снова вышла на лестничную площадку, чтобы дать Рик и Джози уединение в спальне. Стоя у перил и глядя вниз, в прихожую, я слышала смех Мама и мисс Хелен, доносившийся из кухни. Слова не были хорошо различимы, разве только когда одна или другая громко что-нибудь восклицала. Один раз мисс Хелен выкрикнула со смехом: «Ох, Кресси, это просто возмутительно!» Чуть позже я услышала, как Мама,

тоже смеясь, громко сказала: «Это верно, верно, абсолютно верно!»

Слыша только немногие слова и не видя, какие у Мама выражения лица, я не могла дать надежную оценку, но впечатление было такое, что Мама в эти минуты напряжена меньше, чем когда бы то ни было при мне за все время моего пребывания. Я пыталась прислушаться повнимательнее, но тут дверь спальни открылась и вышел Рик.

- Джози в туалете, - сказал он, подходя ко мне. - Решил проявить деликатность и выйти сюда на время.

- Да, это тактичный поступок.

Он проследил за моим взглядом поверх перил, а затем кивнул в сторону кухни, откуда доносились голоса.

- Они всегда хорошо ладили, - сказал он. - Жалко, что миссис Артур так редко бывает свободна. Маме очень большая польза, когда можно с кем-нибудь так поболтать. Миссис Артур отлично поднимает ей настроение. Я тоже делаю что могу, но со мной она никогда так не смеется. С собственным сыном ей, похоже, трудно расслабиться.

- Рик наверняка чудесная компания для мисс Хелен. Но, как ты видишь, если тебя нет рядом, она способна найти себе другую компанию для разговора и смеха.

- Не знаю. Может быть. - Потом он сказал: - Слушай, я тут думал про все это. Про что ты мне сказала тем вечером. И сейчас я согласен. Пообещал маме, что постараюсь. Что очень постараюсь, все силы приложу, чтобы попасть в Атлас Брукингс.

- Великолепно!

Он еще сильнее наклонился вперед, наверное, хотел уловить слова, и я обеспокоилась, что он из-за своего роста упадет за перила. Но затем он, не снимая с них рук, выпрямился.

- Я даже согласился повидаться с этим... *человеком*, - сказал он, понизив голос. - С ее бывшим возлюбленным.

- С секретным оружием?

- Да, с маминым. Она рассчитывает, что он ради меня похлопочет. Я даже и на это согласился.

- Но это может принести наилучшее решение. А оно поможет сбыться пожеланию на добром рисунке Джози.

- Не исключено, что об этом-то они сейчас и разговаривают. О том, как я на этот раз все-таки пришел к маминому образу мыслей. Не исключено, что это-то их так и забавляет.

- Я не думаю, что они смеются недобрым смехом. Мисс Хелен, мне думается, счастлива из-за того, что Рик дал такое обещание. И полна надежд.

Он помолчал, прислушиваясь к голосам внизу. Потом сказал:

- Судя по всему, мы поедем в город с Джози и миссис Артур.

- Да, я знаю. И меня попросили присоединиться.

- Что ж, это хорошо. Будете с Джози вдвоем меня морально поддерживать. Потому что я не жажду встречи с этим типом, которого предстоит умолять о помощи.

Вдруг из спальни послышался голос Джози:

- Чудненько! Все меня бросили! - Затем, когда Рик повернулся к двери: - Клара, ты тоже входи. Ничего. У нас никакой тут дикой половой распущенности.

* * *

Два дня спустя я еще кое-что услышала о предстоящей поездке в город и на сей раз была удивлена.

Был дождливый будний день без посетителей. Джози после ланча пошла в Открытую Планировку заниматься с экранным преподавателем, а я поднялась в спальню. Я сидела на полу, окруженная журналами, и тут в двери возникла Помощница Мелания. Она посмотрела на меня сверху вниз, лицо не доброе и не нахмуренное, и я подумала, что она пришла отругать меня за те случаи, когда я оставляла Рика и Джози в спальне одних вопреки ее предупреждениям про шуры-муры. Но она шагнула дальше в спальню и прошептала каким-то хрипловатым шепотом:

- ИП. Хочешь помогаем мисс Джози да?

- Да, конечно.

- Тогда вот. Мэм четвергом едет возить мисс Джози на город. Я говорю меня бери туда, мэм говорит нет. Я говорю да, мэм нет и нет. Она нет потому, она видит, черт брал, что я ухо остро. Говорит, хочет вместо брать ИП. Вот слушай. Чтоб глаз, черт брал, не спускай с мисс Джози на том городе, слышь меня?

- Да, помощница. - Я тоже говорила тихо, хотя Джози в любом случае нас бы не услышала. - Но пожалуйста, объясните поточнее. Что именно вас тревожит?

- Слушай, ИП. Мэм едет возить мисс Джози до мистера Капальди. До портретчика того. Он, мистер Капальди, сукин подлюга. Мэм говорит, ты хорошо наблюдай. Вот наблюдай хорошо, черт брал, сукина мистера. Хочешь помогаем мисс Джози, да? Мы одна сторона.

Она бросила взгляд на дверь, хотя не было никаких звуков, которые говорили бы, что урок окончен и Джози поднимается сюда.

- Но, помощница, разве мистер Капальди не просто делает портрет Джози?

- Хер тебе портрет. ИП, ты не спи наблюдай сукина мистера, а то плохо что-нибудь будет мисс Джози.

- Но ведь... - Я еще понизила голос. - Но ведь Мама никогда бы...

- Мэм любит мисс Джози, да. Но мисс Сал умирай, и мэм не в себе ужас как. Ясно, ИП?

- Да. Тогда я буду очень внимательна, как вы говорите, особенно к мистеру Капальди. Но...

- Какая еще *но* теперь, ИП?

- Если мистер Капальди такой, как вы сказали. Достаточно ли будет только моего наблюдения?

Прохожему могло бы показаться, что Помощница Мелания смотрит на меня, сидящую на полу, грозным взглядом, но мне было теперь понятно, что она полна страха.

- Как я на хер знай достаточно? Я хотела на город с мисс Джози, мэм говорит нет и нет. Хочет вместо брать ИП. Как я пойми? Вот ты давай близко к мисс Джози, особо когда у сукина мистера. Глаз не спускай, ИП. Мы одна сторона.

- Помощница, - сказала я. - У меня есть план, особый план помощи Джози. Я не могу свободно о нем говорить. Но если я поеду в город с Джози и ее мамой, я, может быть, получу возможность его осуществить.

- План? Слушай, ИП. Хуже сделаешь, я тебя разломаю на хер.

- Но если мой план сработает, Джози станет здоровой и сильной. Сможет пойти в колледж и стать взрослым человеком. К сожалению, у меня нет возможности рассказать вам больше. Но, если я попаду в город, у меня появится шанс.

- Ладно. Главное, ИП, ты не спи наблюдай мисс Джози на городе четвергом. Слышь меня?

- Да, помощница.

- И вот, ИП. Твой большой план этот. Хуже сделаешь мисс Джози, я тебя разломаю. Мусор будешь.

- Помощница, - сказала я, впервые после своего появления в доме уверенно ей улыбаясь, - спасибо вам

за этот разговор и за предупреждение. И за доверие спасибо. Я всеми силами постараюсь защитить Джози.

- Ладно, ИП. Мы одна сторона.

* * *

В эти дни перед поездкой в город произошел еще один примечательный случай, и он дал мне важный урок. Стояла глубокая ночь, и меня разбудил звук, исходивший от Джози. В спальне было темно, но полной темноты Джози не любила, поэтому жалюзи на переднем окне были подняты на треть, луна и звезды рисовали свои фигуры на стене и полу. Я посмотрела на кровать и увидела, что Джози сделала из одеяла подобие холма, а изнутри холма доносилось какое-то тихое пение без слов, как будто она пыталась вспомнить мелодию и не хотела беспокоить остальных в доме.

Я приблизилась к этому холму из одеяла и, стоя над ним, мягко притронулась к нему рукой. Мгновенно холм распался, одеяло растворилось в окружающей темноте, и комнату наполнили рыдания Джози.

- Джози, что случилось? - спросила я тихо, но настойчиво. - Болит опять, да?

- Нет! Не болит! Я маму хочу! Приведи маму! Пусть она придет!

Ее голос был мало того что громким, он словно бы сложился пополам, так что два ее голоса, немного разные по высоте, звучали одновременно. Я никогда раньше не слышала от нее таких звуков и несколько секунд была в растерянности. Она поднялась на колени, и теперь я видела, что одеяло не растворилось, а скомкано позади нее.

- Приведи маму!

- Но твоей маме нужен отдых, - ответила я все тем же шепотом. - Я твоя ИП. Я тут именно для этого. Я всегда тут.

- Мне не ты нужна. Позови маму!

- Но, Джози...

Я услышала движение позади себя, и меня оттолкнули в сторону, так что я едва не потеряла равновесие. Когда опомнилась, то увидела перед собой, на ближнем краю кровати, что-то большое и подвижное, чему добавляли сложности переливы темноты и лунного света по его поверхности. Я поняла, что это Мама и Джози, их объятия: Мама в чем-то светлом и ниспадающем, Джози в своей обычной темно-синей пижаме. Не только руки, но и волосы их переплелись, а потом силуэт начал мягко покачиваться, приводя на память их прощания, когда они не были короткими.

- Не хочу умирать, мама. Не хочу.

- Все хорошо. Хорошо. - Голос Мама был таким же тихим, как мой до этого.

- Не хочу умирать.

- Я знаю. Я знаю. Все хорошо.

Я неслышно отодвинулась от них к двери, а затем вышла на темную лестничную площадку. Я стояла у перил, глядя на странные ночные фигуры на потолке и на стенах прихожей внизу, и мысли мои крутились вокруг случившегося и всего, на что оно неявно указывало.

Немного погодя Мама тихо вышла из спальни и, не глядя на меня, повернула в короткий темный коридор, который вел в ее комнату. Из спальни Джози теперь не доносилось ни звука, и, когда я в нее вернулась, Джози спала, ее одеяло и вся постель выглядели опрятно, дыхание вновь было спокойным.

Часть четвертая

Квартира Подруги была в таунхаусе. В окно Главной Гостиной я видела похожие таунхаусы на той стороне улицы. Их было шесть, они образовывали сплошной ряд, и каждый фасад был выкрашен в немного другой цвет, чтобы житель по ошибке не поднимался на чужое крыльцо и не входил к соседу.

Я поделилась этим наблюдением с Джози за сорок минут до того, как мы отправились к портретисту мистеру Капальди. Она лежала на кожаном диване позади меня и читала книжку в бумажной обложке, которую взяла с черных книжных полок. На ее поднятые колени падала Солнечная фигура, и Джози была так поглощена чтением, что лишь промычала что-то невнятное мне в ответ. Я была рада, потому что до этого она сделалась очень напряжена из-за ожидания. Она заметно расслабилась, когда я встала у тройного окна, готовая дать ей знать, когда подъедет в такси Папа.

Мама тоже становилась все более напряжена – то ли из-за предстоящей встречи с мистером Капальди, то ли из-за близкого появления Папы. Некоторое время назад она вышла из Главной Гостиной, и слышно было, как она в соседней комнате говорит по телефону. Я улавливала бы слова, если бы приложила голову к стене, и я даже рассматривала такую возможность, имея в виду, что Мама, может быть, разговаривает с мистером Капальди. Но решила, что это, вероятно, взвинтило бы Джози еще сильнее, и, так или иначе, мне подумалось, что Мама, скорее всего, говорит с Папой, объясняя ему, как сюда добраться.

Поняв, что мне надо ради Джози высматривать Папино такси, что она в этом на меня полагается, я

отложила дальнейшее знакомство с Квартирой Подруги и сосредоточилась на виде из тройного окна. Я не была против, тем более что по улице могла проехать КОТЭ-машина, этого никогда нельзя было исключать, и пусть даже я вряд ли имела возможность сейчас за ней погнаться, уже тем, что обнаружила бы ее, я сделала бы важный шаг вперед.

Впрочем, к тому времени мне пришлось признать, что шансы увидеть КОТЭ-машину, проезжающую мимо Квартиры Подруги, невелики. Раньше, когда мы ехали в город, я преисполнилась слишком больших надежд, потому что, проезжая окраины, мы миновали множество ремонтных людей, и даже если их самих не было видно, их барьеры перегораживали то одну улицу, то другую. Тогда-то я и начала думать, что КОТЭ-машина может появиться в любую минуту. Но хотя я все время смотрела в свое боковое окно и хотя два раза мы проехали мимо других больших городских машин, она так нам и не встретила. Потом движение замедлилось и ремонтных людей стало меньше. Впереди Мама и мисс Хелен беседовали на свой обычный непринужденный манер, а сзади, рядом со мной, Джози и Рик тихо переговаривались между собой, показывали то на одно, то на другое. Иногда, увидев что-то за окном, один подталкивал другого локтем, и они смеялись вместе, хоть даже и не обменялись ни словом. Мы миновали розовый цветущий парк, затем здание со знаком «Стоянка только грузового транспорта», и впереди мисс Хелен и Мама тоже смеялись, хотя у обеих слышалась осторожность в голосах. «Ты построже с ним, Крисси», – сказала мисс Хелен. Потом пошли китайские надписи, велосипеды, прикрепленные цепями к столбам, а потом начался дождь – хотя Солнце старалось как могло, – и возникли пары под зонтами и туристы с журналами над головой, и я увидела ИД, который торопился под крышу со своим подростком. «Рик, гляди, вот умора», – сказала

о чем-то Джози и захихикала. Дождь прекратился, когда мы поехали по улице с такими высокими зданиями, что тротуары по обе стороны были в тени, и там на передних ступеньках сидели мужчины в майках, переговаривались и смотрели, как мы едем мимо. «Правда, Крисси, высади нас где угодно, – говорила мисс Хелен. – Ты и так ради нас делаешь здоровенный крюк». Я увидела два серых здания разной высоты, стоявшие бок о бок, и на стене одного из них, где она возвышалась над крышей соседнего, кто-то сделал изображение в духе комиксов, вероятно, чтобы различие зданий не так неловко смотрелось. Всякий раз, когда я видела знак Зоны Принудительной Эвакуации, меня наполняла радость, хотя эти знаки немного отличались от тех, что были около нашего магазина. Джози наклонилась вперед и сказала что-то смешное, отчего обе взрослые рассмеялись. «Что ж, тогда увидимся завтра в суши-кафе, – сказала Мама мисс Хелен. – Это совсем рядом с театром. Не найти невозможно». А мисс Хелен отозвалась: «Спасибо тебе, Крисси, это мне очень-очень поможет. И Рику тоже». Мы проехали площадь с фонтаном, потом парк, полный листьев, где я заметила еще двоих ИД, и свернули на оживленную улицу с высокими зданиями.

– Опаздывает, – сказала сейчас Джози с дивана, и я услышала, как книжка с глухим стуком упала на ковер. – Но это ничего, это у нас в порядке вещей.

Я поняла, что она пытается обратить серьезное в шутку, и потому засмеялась и сказала:

– Но я уверена, что ему не терпится снова повидаться с Джози. Ты же помнишь, какое медленное было движение, когда мы ехали сюда. С ним сейчас, вероятно, то же самое происходит.

– Папа нигде и никогда не появляется вовремя. И это при том, что мама пообещала заплатить за его такси. Ладно. Я намерена полностью забыть о нем на

время. Он определенно не заслуживает, чтобы из-за него переживали.

Она потянулась за упавшей книжкой, а я опять повернулась к тройному окну. Вид на улицу из Квартиры Подруги очень сильно отличался от вида из нашего магазина. Такси здесь проезжали редко, но другие автомобили – самого разного размера, формы и цвета – двигались быстро и останавливались далеко слева, на краю моего поля зрения, где над мостовой висел длиннорукий уличный знак. Тут было меньше бегунов и туристов, но больше идущих в наушниках – и больше велосипедистов, иные управляли одной рукой, а в другой что-то держали. Один раз, вскоре после того, как Джози высказалась о привычке Папы опаздывать, проехал велосипедист с большой доской под мышкой в виде плоской птицы, и я испугалась, что ветер надавит на доску и велосипедист потеряет равновесие. Но он был умелый ездок и устремлялся между машинами, так что под нависающим уличным знаком он оказался раньше них.

Голос Мамы в соседней комнате стал беспокойным, и я знала, что Джози он слышен, но, обернувшись, увидела, что она по-прежнему поглощена чтением книги. Прошла женщина с собакой на поводке, потом проехал автомобиль-универсал с рекламой на его боку «ДЖИО КОФЕ ДЕЛИКАТЕСЫ». Потом одно такси замедлило ход прямо под окном. Главная Гостиная была выше тротуара, поэтому внутрь такси я заглянуть не могла, но голос Мамы умолк, и я уверилась, что это Папа.

– Джози, он приехал.

Какое-то время она продолжала читать. Потом глубоко вздохнула, села и опять уронила книжку на ковер.

– Ты наверняка решишь, что он задрот, – сказала она. – Некоторые его считают задротом. Но на самом

деле он суперумный. Просто ему шанс нужен, чтобы себя проявить.

Из такси появилась высокая, но сутуловатая фигура в сером дождевике и с бумажным пакетом. Он поднял на наш таунхаус неуверенный взгляд, и я предположила, что он сомневается, тот ли дом, потому что на нашей стороне дома были так же похожи друг на друга, как на той. Бумажный пакет он держал бережно, как мог бы держать собачку, слишком уставшую, чтобы идти. Он выбрал правильное крыльцо и, может быть, даже увидел меня, хотя я, предупредив Джози, отошла в глубь комнаты. Я подумала, что Мама сейчас вернется в Главную Гостиную, и ее шаги зазвучали, но она осталась в прихожей. Довольно долго, как мне показалось, мы с Джози – и Мама в прихожей – молча ждали. Потом прозвонил звонок, и мы снова услышали Мамины шаги, а потом их голоса.

Они переговаривались тихо. Дверь между прихожей и Главной Гостиной была полуоткрыта, и мы с Джози, стоя посреди комнаты, внимательно высматривали знаки. Потом вошел Папа, уже без дождевика, но бумажный пакет он по-прежнему держал обеими руками. На нем был офисный пиджак не самого низкого уровня, но из-под него виднелся поношенный коричневый свитер, доходивший до подбородка.

– Привет, Джози! Моя любимая дикая зверушка!

Он явно хотел обнять Джози и озирался в поисках места, куда опустить бумажный пакет, но Джози сама шагнула к нему и обхватила его руками вместе с пакетом. Его взгляд, пока она его обнимала, перемещался по комнате и упал на меня. Тут он отвел глаза и закрыл их, прильнув щекой к ее макушке. Они стояли так некоторое время, совсем не двигаясь, даже не покачиваясь в медленном ритме, как Джози с Мамой иногда делали, когда прощались утром.

Мама была так же неподвижна – она стояла чуть позади него, у каждого ее плеча по черной книжной полке, и смотрела без улыбки. Объятия длились, и когда я снова взглянула на Маму, вся эта часть комнаты была разделена на секции, где раз за разом повторялись ее сузившиеся глаза, и в одних секциях эти глаза смотрели на Джози и Папу, а в других на меня.

Наконец они ослабили свои объятия, Папа улыбнулся и поднял бумажный пакет повыше, как будто пакет теперь нуждался в кислороде.

– Вот, зверушка, – сказал он Джози. – Принес тебе мое последнее маленькое творение.

Он передал пакет Джози, поддерживая его снизу и не убирая руку, пока она не подставила свою, и они сели бок о бок на диван, чтобы заглянуть внутрь. Вместо того чтобы вынуть подарок из пакета, Джози надорвала бумагу с боков, и обнаружилось маленькое, грубовато изготовленное круглое зеркальце на крохотной подставке. Она поставила его, не отпуская, себе на колени и спросила:

– Ну и что это, папа? Для макияжа?

– Если захочешь. Но ты не погляделась в него. Посмотри как следует.

– Ух ты! Сенсация. Что происходит?

– Не странно ли, что мы все до одного это терпим? Что мы терпим все зеркала, где левое и правое поменялись местами. Это показывает, как ты выглядишь на самом деле. Не тяжелей, чем обычная пудреница.

– Великолепно! Ты сам изобрел?

– Я был бы рад предъявить на него права, но подлинный автор – Бенджамин, мой друг из нашего сообщества. Он породил идею, но затруднился с тем, как довести ее до ума. Так что эта часть работы моя. Только-только из печи, не далее как на прошлой неделе. Что ты думаешь, Джози?

- Ну просто шедевр. Супер! Все время теперь буду в общественных местах в него глядеться. Спасибо! Ты настоящий гений. Оно на батарейках?

Несколько минут Папа и Джози продолжали обсуждать зеркало, прерываясь, чтобы обменяться шутливыми приветствиями, как будто только встретились в этот момент. Их плечи соприкасались, и, разговаривая, они нередко прижимались друг к другу еще сильнее. Я по-прежнему стояла посреди комнаты, Папа иногда поглядывал на меня, и я думала, что в любую секунду Джози может нас познакомить. Но Папин приезд взволновал ее, она возбужденно и торопливо все говорила и говорила с ним, и вскоре Папа перестал бросать на меня взгляды.

- Мой новый физик, папа, я клянусь, он и половины не знает того, что знаешь ты. И он странный тип. Если бы он не был весь такой из себя мегакрутой и сертифицированный, я бы сказала, типа, мама, нам надо заявить, чтобы его арестовали. Нет, нет, не паникуй, он прилично себя ведет. Просто по нему видно, что он мастерит что-то у себя в сарае, ну, знаешь, чтобы нас всех взорвать. Слушай, а коллено-то твое как?

- О, гораздо лучше, спасибо. Можно сказать, совсем прошло.

- Помнишь это твое печенье, когда мы в тот раз зашли перекусить? Печенье в виде китайского президента.

Хотя Джози говорила быстро и без запинки, я чувствовала, что она проверяет слова в уме, прежде чем их произнести. Потом Мама, которая до этого вышла в прихожую, вернулась в пальто, и в руке она держала, приподняв ее, теплую куртку Джози. Не дожидаясь паузы, она вмешалась в разговор между Джози и Папой:

- Пол, ну как же так. Ты не поздоровался с Кларой. Это Клара.

Папа и Джози, замолчав, оба посмотрели на меня. Потом Папа сказал: «Здравствуй, Клара». Улыбка, не сходящая с его лица с тех пор, как он вошел в квартиру, пропала.

- Жаль, что приходится вас, друзья мои, торопить, - сказала Мама. - Но ты припозднился, Пол. Нам назначено время.

Улыбка Папы вернулась, но в глазах появилось что-то сердитое.

- Я не видел дочь почти три месяца, и мне нельзя даже пять минут с ней побеседовать?

- Пол, ты сам настоял, что поедешь с нами сегодня.

- Я считаю, что имею на это право, Крисси.

- Никто этого и не отрицает. Но не заставляй нас опаздывать.

- Если этот субъект такой занятой...

- Не заставляй нас опаздывать, Пол. И там веди себя как следует.

Папа посмотрел на Джози и пожал плечами.

- Видишь, уже нарвался на неприятности, - сказал он и засмеялся. - Ну, тогда пошли, зверушка, пора двигаться.

- Пол, - сказала Мама, - ты не поговорил с Кларой.

- Я поздоровался.

- Нет, Пол. Поговори с ней еще.

- Член семьи. Ты это хочешь сказать?

Мама смотрела на него, потом, как показалось, что-то в мыслях у нее переменялось, и она потрясла в воздухе курткой Джози.

- Пойдем, дружочек. Нам пора.

* * *

Пока мы ждали снаружи Мамину машину, Папа – опять в дождевике – стоял, обняв Джози одной рукой. Они были у переднего края тротуара, а я стояла сзади, почти у ограды таунхауса, и между нами проходили пешеходы. Из-за нашего расположения и необычной наружной акустики я не слышала слов, которыми Папа и Джози обменивались. В какой-то момент он повернулся ко мне, но продолжал говорить с Джози, хотя его глаза изучали меня. Потом между нами возникла чернокожая дама с большими серьгами, и, когда она прошла, Папа вновь стоял ко мне спиной.

Дождавшись машины, мы с Джози сели сзади, и, когда она тронулась, я попыталась встретиться с Джози глазами, чтобы подбодрить ее на случай, если она тревожится из-за предстоящего позирования. Но она смотрела в свое окно и ко мне не поворачивалась.

Мамина машина перемещалась медленно, меняя полосы движения, но все равно то и дело застревая. Мы проезжали мимо наглухо закрытых дверных проемов и зданий с заколоченными крест-накрест окнами. Опять пошел дождь, появились пары под зонтами, и люди с собаками на поводках заторопились. Один раз с моей стороны – так близко, что я могла бы, опустив окно, дотронуться рукой, – возникла намокшая стена, разрисованная злыми надписями.

– Не так уж все плохо, – говорила тем временем Мама Папе. – Да, нас меньше, чем хотелось бы. Бюджет на кампанию снижен почти на сорок процентов. Мы постоянно конфликтуем с пиарщиками. Но в остальном – да, все хорошо.

– Стивен все такая же заметная фигура?

– Разумеется. Как был, так и остается душой отдела.

– Знаешь, Крисси... Я очень сильно сомневаюсь, что игра стоит свеч. Что тебе стоит так упорствовать.

– Не вполне понимаю. В чем мне не стоит упорствовать?

- В «Гудвинз». В твоём юридическом отделе. Во всем этом... мире трудовых отношений. Каждую твою минуту, если только ты не спишь, определяет некий подписанный тобой когда-то контракт.

- Пожалуйста, давай не будем об этом опять. Мне очень жаль, что у тебя все так вышло, Пол. Мне очень жаль, и я все еще зла. Но я *упорствую*, как ты выражаешься, потому, что как только я перестану, мир Джози, *мой* мир - рухнет.

- Почему ты так в этом уверена, Крисси? Да, это серьезный шаг, я знаю. Я только предлагаю тебе подумать об этом еще. Попробовать взглянуть на все свежим взглядом.

- Свежим взглядом? Да ладно тебе, Пол. Не начинай про то, как ты счастлив, что все так получилось. Весь этот талант. Весь этот опыт.

- Сказать тебе честно? Я думаю, что тогдашние замены - это лучшее, что произошло со мной в жизни. Я рад, что вышел из игры.

- Как ты можешь так говорить? Ты был специалист высочайшего класса. Уникальные знания, особые навыки. Как это вообще возможно, что ты оказался никому не нужен?

- Крисси, я должен тебе сказать, что испытываю из-за этого гораздо меньше горечи, чем ты. Замены побудили меня посмотреть на мир совершенно другим взглядом, и я искренне считаю, что они помогли мне отделить важное от неважного. И там, где я сейчас живу, у многих прекрасных людей ровно такие же чувства. Они все проделали такой же путь, у некоторых карьеры были куда более впечатляющими, чем моя. И мы все согласны - безо всякого самообмана, я искренне в это верю, - согласны в том, что сейчас нам лучше, чем было тогда.

- Seriously? Все до одного так думают? Даже тот твой приятель, который был судьей в Милуоки?

- Я не говорю, что нам всегда легко. У нас у всех бывают и плохие дни. Но по сравнению с тем, что у нас было, мы чувствуем себя... чувствуем себя так, будто только сейчас начали жить.

- Одно удовольствие такое услышать от бывшего мужа.

- Прости меня. Слушай, не бери в голову. У меня вопросы кое-какие есть. Насчет этого портрета.

- Не сейчас, Пол. Не здесь.

- Гм-м. Ладно.

- Папа, папа, - подала голос Джози с заднего сиденья. - Не бойся, задавай все свои вопросы. Я не слушаю.

- Как же, не слушаешь, ври больше, - сказал Папа со смехом.

- Никаких больше споров насчет портрета, Пол, - сказала Мама. - Ты должен мне это обещать.

- Должен тебе обещать? Не вполне понимаю, почему я должен тебе что-либо, Крисси.

- Не сейчас, Пол.

И тут я поняла, что знак Зоны Принудительной Эвакуации, который мы проезжаем, - тот самый, так хорошо мне знакомый, и в то же мгновение со стороны Джози появилось Здание РПО, и вокруг нас были привычные мне такси. Но, когда я с волнением повернулась в сторону нашего магазина, я увидела: что-то не так.

Разумеется, я никогда раньше не смотрела на магазин с улицы, и все равно - в витрине не было ни ИД и ИП, ни Полосатой Софы. Вместо этого там были выставлены цветные бутылки, и надпись гласила: «Утопленные светильники». Я обернулась назад, чтобы продолжать смотреть, и тут Джози сказала:

- Слушай, Клара, ты понимаешь, где мы едем?

- Да, конечно.

Но мы уже миновали пешеходный переход, и я даже не успела посмотреть, сидят ли птицы на уличном знаке. По правде говоря, магазин до того меня поразило своим новым видом, что все вокруг него я оглядела далеко не так внимательно, как мне хотелось бы. А теперь мы уже ехали по совсем другой части улицы, и, обернувшись еще раз, я увидела в заднее окно, как уменьшается, отдаляясь, Здание РПО.

- Знаешь, что я думаю? - В голосе Джози слышалась забота. - Я думаю, наверное, твой магазин переехал.

- Да. Может быть.

Но времени поразмышлять о магазине у меня не было, потому что теперь я увидела - сквозь промежуток между передними сиденьями - КОТЭ-машину. Я узнала ее еще до того, как мы приблизились настолько, чтобы стала видна надпись на ее боку. Она стояла, извергая, как обычно, Загрязнение из своих трех труб. Я знала, что должна почувствовать злость, но, встретившись с ней после сюрприза, который мне преподнес магазин, я чуть ли не нежность ощутила к этой ужасной машине. Потом мы проехали ее, у Мамы с Папой тем временем продолжался разговор, где звучало напряжение, а Джози подле меня сказала:

- Вечная чехарда с этими магазинами. В тот день, когда я пришла за тобой, я этого боялась. Что магазина уже нет и ты с твоими друзьями-подружками неизвестно где.

Я улыбнулась ей, но ничего не сказала. Впереди голоса взрослых сделались громче.

- Послушай, Пол, мы уже это обсудили, и не один раз. Сейчас мы едем туда - Джози, Клара и я, - и все идет так, как запланировано. Ты на это согласился, как ты помнишь.

- Согласился, но высказаться-то я могу?

- Здесь - не надо! Давай не сейчас и не в этой машине, черт бы ее драл!

Джози все это время что-то мне говорила, но под конец отвлеклась и притихла. Теперь, когда взрослые замолчали, она сказала:

- Если хочешь, Клара, и если завтра будет время, мы можем с тобой поискать.

Я подумала было, что она имеет в виду КОТЭ-машину, но потом поняла, что речь идет о новом месте, где могут теперь быть Администратор и все ИД и ИП. Я задалась вопросом, не поторопилась ли она сделать вывод, что магазин переехал, только из того, что витрина выглядит иначе, и хотела ей об этом сказать, но в этот момент она наклонилась ко взрослым.

- Мама! Если завтра найдется время. Клара хочет выяснить, что с ее магазином. Можно нам будет?

- Если хочешь, дружочек. Мы же условились. Сегодня к мистеру Капальди, и ты делаешь то, о чем он попросит. А завтра мы делаем то, что пожелаешь ты.

Папа покачал головой и повернулся к своему окну, но Джози, сидевшая за ним, не могла увидеть, какое у него выражение лица.

- Не волнуйся, Клара. - Она потянулась ко мне и притронулась к моей руке. - Завтра мы найдем.

* * *

Мама свернула с улицы в маленький двор, огороженный проволочной сеткой. Хотя на заборе висел антипарковочный знак, она поставила машину прямо перед этим знаком около единственной другой машины, какая там была. Площадка, на которую мы вышли, была твердая и со многими трещинами. Джози своей осторожной походкой направилась вместе с Папой к кирпичному зданию, глядевшему на двор, и, возможно, из-за неровностей под ногами Папа взял ее под руку. Мама, стоя у машины, смотрела на это и несколько

секунд оставалась на месте. Потом, к моему удивлению, подошла ко мне и взяла под руку меня, и мы двинулись вдвоем, словно бы имитируя Папу и Джози.

К зданию ни с какой стороны не примыкали другие, и я потому назвала его про себя зданием, а не домом, что кирпичные стены были некрашенные и по ним зигзагами шли темные пожарные лестницы. Этажей в здании было пять, крыша плоская, и у меня создалось впечатление, что оно осталось без соседей из-за какого-то несчастливого события, после которого ремонтным людям пришлось их снести. Я шла, переступая через трещины, и Мама наклонилась ко мне ближе.

- Клара, - тихо сказала она, - не забудь. Мистер Капальди задаст тебе несколько вопросов. Может быть, их будет даже не так мало. Ты просто на них ответь. Хорошо, дружочек?

Это был первый раз, когда она меня так назвала. Я ответила: «Да, конечно», и теперь уже перед нами была кирпичная стена здания, и я увидела, что каждое окно разграфлено в мелкую клетку.

Там была дверь на уровне земли, рядом с ней два мусорных бака, и, подойдя к ней, Джози и Папа повернулись и стали ждать, как будто только Мама могла ввести нас внутрь. Видя это, она отцепилась от меня и дошла до двери одна. Несколько секунд стояла перед ней совсем неподвижно, потом нажала на дверную кнопку.

- Генри, - сказала она в переговорное устройство, - мы пришли.

* * *

Внутри дом мистера Капальди совершенно не походил на то, как он выглядел снаружи. В Главной Комнате пол был белый, почти такого же оттенка, как

необъятные стены. С потолка на нас светили мощные прожекторы, из-за которых трудно было посмотреть вверх, не ослепляясь. Мебели для такого обширного пространства было очень мало: единственный большой черный диван, перед ним низкий стол, где лежали два фотоаппарата мистера Капальди и их объективы. У низкого стола, как у Передвижной Витрины в нашем магазине, были колесики, позволявшие гладко перемещать его по полу.

- Генри, нам не следует утомлять Джози, - говорила Мама. - Может быть, сразу и начать?

- Конечно. - Мистер Капальди махнул рукой в сторону дальнего угла, где на стене бок о бок висели две большие сетчатые схемы. На каждой схеме я видела много прямых параллельных линий, пересекающихся под разными углами. Перед схемами стоял легкий металлический стул, там же была лампа на треножнике. Сейчас лампа не горела, и дальний угол выглядел темным и покинутым. Джози и Мама смотрели в ту сторону с опаской, и мистер Капальди, возможно, заметив это, притронулся к чему-то на низком столе, и лампа на треножнике ожила - теперь она ярко освещала весь угол, но и создавала новые тени.

- У нас будет полная расслабленность, - сказал мистер Капальди. Это был лысеющий мужчина с бородой, закрывавшей почти весь рот. Возраст, по моей оценке, пятьдесят два года. Казалось, что его лицо постоянно хочет улыбнуться. - Ничего напрягающего. Ну, так начнем, может быть, если Джози готова? Джози, тебя не затруднит пройти туда?

- Нет, погодите, Генри, - сказала Мама, и ее голос отдался эхом в пустом помещении. - Я рассчитывала вначале увидеть портрет. Что у вас сделано на данный момент.

- Конечно, - сказал мистер Капальди. - Но вы должны учитывать, что он пока еще в работе.

Неспециалисту не всегда легко понять весь этот процесс постепенного обретения формы.

- Я бы все равно хотела посмотреть.

- Я вас отведу. Вообще-то, Крисси, вы сами знаете, что вам не нужно мое разрешение. Вы тут главное лицо.

- Страшновато, - сказала Джози, - но я бы тоже взглянула.

- Нет-нет, дружок, я пообещала мистеру Капальди, что ты пока смотреть не будешь.

- Я склонен подтвердить, - сказал мистер Капальди. - Если ты не возражаешь, Джози. По моему опыту, если модель видит портрет слишком рано, все усложняется. Мне нужна твоя полная непринужденность.

- Непринужденность в чем именно? - спросил Папа, его голос прозвучал громко и отозвался эхом. Он так и не снял дождевика, хотя мистер Капальди дважды предложил ему повесить его на крючок у двери. Папа к этому моменту переместился к схемам и теперь изучал их, нахмутив лоб.

- Я имею в виду, Пол, что если модель, в данном случае Джози, становится слишком скованной, она может начать позировать неестественно. Вот и все, что я хотел сказать.

Папа продолжал рассматривать схемы на стене. Потом покачал головой так же, как покачал в машине.

- Генри, - сказала Мама. - Так могу я зайти в вашу мастерскую? Взглянуть на то, что уже сделано.

- Конечно. Идемте.

Мистер Капальди повел Маму к металлической лестнице, которая поднималась к балкону. Их шаги вверх были видны мне по обуви, она показывалась в промежутках между ступеньками. На балконе мистер Капальди нажал на кнопки панели у пурпурной двери, раздалось короткое гудение, и они оба вошли.

Пурпурная Дверь закрылась за ними, и я двинулась к черному дивану, где сидела Джози. Я хотела сказать что-нибудь с юмором, чтобы уменьшить ее напряжение, но Папа из своего освещенного угла заговорил первым.

- Идея, зверушка, как я понимаю, в том, чтобы фотографировать тебя по-всякому перед этими схемами. - Он шагнул к ним еще ближе. - Вот, посмотри. Вдоль каждой линии проставлены размеры.

- Ты знаешь, папа, - сказала Джози. - Мама нам говорила, что тебе норм поехать сюда с нами сегодня. Но, может быть, это не лучшая была идея. Мы могли бы еще где-нибудь встретиться. Чем-нибудь другим заняться.

- Не волнуйся, мы попозже займемся чем-нибудь другим. Чем-нибудь получше этого. - Он повернулся и ласково улыбнулся ей. - Этот портрет. Допустим, он окончен. Что меня смущает - это что он будет не у меня. Потому что твоя мама захочет, чтобы он был у нее.

- Ты сможешь в любое время приезжать на него смотреть, - сказала Джози. - Повод появится, чтобы приезжал чаще.

- Послушай, Джози, ты прости меня. Так уж вышло нескладно. Я бы очень хотел видеться с тобой чаще. Намного чаще.

- Не переживай, папа. Все нормально. Клара! Ну и как тебе мой родитель? Не такой уж чокнутый, правда же?

- Для меня было огромным удовольствием познакомиться с мистером Полом.

Папа, как будто не слышал меня, по-прежнему разглядывал схемы, показывая пальцем на какую-то деталь. Когда наконец повернулся ко мне, глаза уже были без складок, какие создает улыбка.

- И мне приятно с тобой познакомиться, Клара, - сказал он. Потом взглянул на Джози: - Знаешь что, зверушка. Давай разделаемся с этим по-быстрому. А

потом отправимся куда-нибудь, только ты и я, возьмем что-нибудь поесть. Я знаю одно место, думаю, тебе понравится.

- Да, конечно. Если мама и Клара не будут против.

Она посмотрела через плечо, и ровно в этот момент на балконе открылась Пурпурная Дверь и вышел мистер Капальди. Повернувшись в проеме, он громко проговорил, чтобы Маме в мастерской было слышно:

- Не торопитесь, смотрите, сколько вам угодно. А я пойду займусь Джози.

Я услышала, как Мама сказала что-то ему в ответ, а потом она тоже вышла на балкон. Ее спина потеряла свою обычную прямую осанку, и мистер Капальди протянул к Маме руку, как будто готовясь поймать ее, если она начнет падать.

- Как вы, Крисси?

Мама прошла мимо мистера Капальди, задев его плечом, и начала спускаться по ступенькам, держась за перила. На середине лестницы остановилась, чтобы отвести волосы назад, а затем спустилась до конца.

- Ну и как тебе? - спросила Джози с беспокойством в глазах.

- Хорошо, - сказала Мама. - Будет хорошо. Пол, если хочешь посмотреть, иди.

- Сейчас, через минутку, - сказал Папа. - Капальди, я был бы рад, если бы вы сегодня сделали все быстро. Я хочу угостить Джози кофе с пирожным.

- Хорошо, Пол. У нас все без проблем. Крисси, с вами точно полный порядок?

- Да, полный, - сказала Мама, но поторопилась к черному дивану и села.

- Джози, - сказал мистер Капальди. - Сейчас мы начнем, но до этого я хотел бы попросить Клару сделать мне маленькое одолжение. Я приготовил для нее небольшое задание. Я подумал, может быть, она им

займется, пока будет идти фотографирование? Ты не против?

- Я нет, - сказала Джози. - Но надо спросить Клару.

Но мистер Капальди теперь обратился к Папе.

- Пол, может быть, вы, как коллега-ученый, со мной согласитесь? Я полагаю, что ИД и ИП могут дать нам гораздо больше, чем мы в настоящее время готовы у них взять. Мы не должны бояться их интеллекта. Нам следует у них учиться. ИД и ИП способны преподать нам ценные уроки.

- Я бывший инженер, *ученым* никогда не был. Я думаю, вам это известно. В любом случае ИД и ИП никогда не были в моей компетенции.

Мистер Капальди пожал плечами и, поднеся руку к бороде, казалось, стал изучать на ощупь ее строение. Потом повернулся ко мне:

- Клара, я тут разработал для тебя небольшое обследование. Составил опросник своего рода. Он наверху, там есть экран, все уже подготовлено. Если ты согласишься дать ответы, я буду очень благодарен.

Прежде чем я успела открыть рот, Мама сказала:

- Это хорошая идея, Клара. Тебе будет чем заняться, пока Джози позирует.

- Конечно. Я буду очень рада помочь.

- Спасибо огромное! Там ничего трудного, я клянусь. Более того, Клара, я бы попросил тебя как раз не прикладывать особых усилий. Наилучшие результаты получатся, если отвечать спонтанно.

- Понимаю.

- Это даже не вопросы как таковые. Но давай просто поднимемся туда, и я тебе все покажу. Крисси, Пол, Джози, друзья, это дело одной минуты. Посажу Клару и мигом назад. Джози, ты прекрасно выглядишь сегодня. Сюда, Клара.

Я думала, что он и меня поведет к Пурпурной Двери, но мы направились в противоположную часть комнаты,

откуда своя металлическая лестница вела на другую секцию балкона. Мистер Капальди стал подниматься первым, я за ним, делая каждый шаг осмотрительно. Когда обернулась и поглядела вниз, то увидела, что Джози, Мама и Папа смотрят на нас снизу вверх, Мама все еще сидела на черном диване. Я помахала Джози, но никто внизу не шевельнулся. Потом Джози подала голос: «Пока, Клара!»

- Сюда, пожалуйста, Клара. - Балкон был узкий, из того же темного металла, что и лестница. Мистер Капальди открыл передо мной стеклянную дверь в комнату, которая была даже меньше, чем туалет при спальне Джози, и которую чуть ли не всю занимало мягкое рабочее кресло с экраном перед ним. - Вот, прошу садиться. Все для тебя готово.

Я села, почти касаясь плечом белой стены. Под экраном была узкая полочка с тремя управляющими устройствами.

Комнатка была слишком мала, чтобы в ней поместился и мистер Капальди, поэтому указания он мне давал снаружи, оставив стеклянную дверь открытой; время от времени он протягивал руку к устройствам и вводил команды пальцами. Я слушала его внимательно, но голоса Мама и Папы долетали до меня снизу, и я отметила, что их тон опять стал напряженным. Сквозь слова мистера Капальди я услышала Маму:

- Никто тебя тут не держит, Пол.

- Ты непоследовательна, - слышался голос Папы. - Я только указываю на непоследовательность.

- Я и не пытаюсь быть последовательной. Я просто стараюсь найти для нас способ двигаться вперед. Зачем все усложнять, Пол? И без того все непросто.

Рядом со мной мистер Капальди рассмеялся, перестал давать мне указания и сказал:

- О господи. Похоже, мне надо спускаться и превращаться в рефери! Клара, тебе все ясно?

- Благодарю вас. Все вполне понятно.

- Я очень рад. Если будут вопросы, крикни мне вниз, пожалуйста.

Когда он закрывал дверь, она толкнулась в мое плечо. Через ее стекло можно было увидеть, как мистер Капальди спускается с балкона. Потом я позволила взгляду устремиться дальше, через пустоту, к противоположному балкону и Пурпурной Двери, из которой недавно вышла Мама.

Я занялась опросником мистера Капальди. Иногда вопрос появлялся на экране в письменном виде. В других случаях возникали подвижные диаграммы, или экран темнел и из динамиков раздавались многослойные звуки. Могло показаться, а затем исчезнуть лицо - Джози, Мама, незнакомого человека. Вначале достаточно было коротких ответов примерно из двенадцати символов и цифр, но вопросы усложнялись, и я стала отвечать более развернуто, иной раз вводила больше ста символов и цифр. Все это время голоса внизу звучали напряженно, но стеклянная дверь была закрыта, и слов я поэтому не могла разобрать.

На половине опросника я уловила краем глаза движение за стеклянной дверью и, посмотрев туда, увидела, как мистер Капальди поднимается на противоположный балкон с Папой. Я продолжила выполнять задание, но, поняв его главную цель, уже могла не уделять ему так много внимания и имела возможность увидеть, как Папа, нервно теребя дождевик, приближается к Пурпурной Двери. Я видела его со спины через полупрозрачное стекло, поэтому уверена быть не могла, но мне показалось, что он выглядит так, будто внезапно заболел.

А мистер Капальди рядом с ним несколько не казался озабоченным, он бодро что-то говорил и улыбался. Потом поднял руку к кнопочной панели у Пурпурной Двери. Из своей каморки я не услышала отпирающего гудения, но, когда взглянула еще раз, Папа уже был внутри, а мистер Капальди, наклонившись через дверной проем, что-то ему говорил. Потом я увидела, как мистер Капальди вдруг отпрянул и Папа вышел обратно, уже, хоть я из-за полупрозрачности стекла не была уверена, не больной на вид, а, казалось, наполненный новой энергией. Ему, похоже, было все равно, что он едва не сбил мистера Капальди с ног, и он двинулся вниз по металлической лестнице с безрассудной скоростью. Мистер Капальди, глядя на него, покачал головой, как родитель, чей ребенок закатил истерику в магазине, а затем закрыл Пурпурную Дверь.

Образы на экране теперь сменялись еще быстрее, но мои задачи по-прежнему были очевидны, и через несколько минут я, продолжая их выполнять, приоткрыла стеклянную дверь. Мне теперь лучше были слышны голоса внизу.

- Вы напираете, Пол, на то, - говорил мистер Капальди, - что любая работа, какую мы делаем, ставит на нас клеймо. В этом ваша мысль, верно? Да, она ставит на нас клеймо и, бывает, ставит его несправедливо.

- Это весьма хитроумное извращение моей мысли, Капальди.

- Пол, ну хватит, - сказала Мама.

- Прошу меня извинить, Капальди, если это звучит невежливо. Но хотите начистоту? Я думаю, вы сознательно истолковываете мои слова превратно.

- Нет, Пол, вы определенно не хотите вникнуть. Этические вопросы ставит перед нами любая работа. Это так, платят нам за нее или нет.

- Очень тактично с вашей стороны, Капальди.

- Пол, ну хватит, - сказала опять Мама. - Генри просто делает то, о чем мы его попросили. Не больше и не меньше.

- Ничего удивительного, Капальди, - простите, я хотел сказать, *Генри*, - что такому, как вы, трудно дается понимание того, что я говорю.

Я толкнула назад свое кресло на колесиках, встала и вышла через стеклянную дверь на балкон. Я уже установила, что балкон опоясывает прямоугольником все четыре стены. Выбрав дальнюю его половину, я держалась близко к белой стене и старалась идти так, чтобы металлическая сетка не звенела под ногами и чтобы внизу, когда я попадаю под луч прожектора, не возникала подвижная тень. Я дошла до Пурпурной Двери незамеченной и набрала цифровой код, который видела уже дважды. Раздалось обычное короткое гудение, но те, кто был внизу, его не восприняли. Я вошла в мастерскую мистера Капальди и закрыла за собой дверь.

Комната была Г-образная, та ее секция, где я оказалась, переходила за углом в другую, расположенную вне нормальных границ здания. К этому углу вдоль обеих стен тянулись длинные рабочие столы, на них было тесно от разнообразных художественных форм, материалов, маленьких ножей и инструментов. Но мне некогда было все это рассматривать, и я направилась к углу, помня, что идти надо аккуратно, потому что пол был все из той же металлической сетки.

Я свернула за угол и увидела Джози, висящую в воздухе. Не очень высоко - ее ступни были на высоте моих плеч, - но из-за того, что она наклонилась вперед, что ее руки были вытянуты, а пальцы раздвинуты, казалось, что она застыла, падая. Маленькие лучи подсвечивали ее с разных углов, лишая ее всякого

укрытия. Ее лицо было очень похоже на лицо настоящей Джози, но в глазах не было доброй улыбки, и поэтому изгибающиеся кверху губы придавали лицу выражение, какого я никогда у нее не видела. Оно выглядело огорченным и испуганным. Одежда на ней была не настоящая, а из тонкой оберточной бумаги: сверху подобие футболки, внизу свободные шорты. Бумага была бледно-желтая и просвечивающая, из-за чего под резкими лучами руки и ноги Джози казались еще более хрупкими. Волосы были стянуты сзади, как настоящая Джози стягивала их в свои больные дни, и это была единственная неубедительная деталь: волос из такого материала я не видела ни у одной ИП, и я знала, что этой Джози такие волосы радости бы не доставили.

Посмотрев, я намеревалась вернуться в каморку до того, как мое отсутствие в ней заметили бы. Я осторожно прошла обратно мимо двух рабочих столов и приоткрыла Пурпурную Дверь. Она издала обычное гудение, но по голосам внизу было понятно, что никто его не слышал. И понятно было, кроме того, что обстановка теперь еще более напряженная.

- Пол, - Мама почти кричала, - ты с самого начала задался целью все затруднить.

- Пойдем, Джози, - сказал Папа. - Уходим. Прямо сейчас.

- Но, папа...

- Джози, мы уходим немедленно. Поверь мне, я знаю, что делаю.

- Вряд ли знаешь, - сказала Мама, а мистер Капальди говорил поверх ее голоса:

- Пол, зря вы так, ну зачем. Если было недопонимание, я беру на себя всю ответственность и прошу меня извинить.

- Какой еще информации вам не хватает, так или иначе? - спросил Папа, и он теперь тоже кричал, хотя, может быть, дело просто было в том, что он задал свой

вопрос на ходу. – Удивляет, что вы образец ее крови не требуете.

– Пол, не сходи с ума, – сказала Мама.

Папа и Джози говорили что-то одновременно, но мистер Капальди перебил их обоих:

– Ничего страшного, Крисси, пусть уходят. Пусть идут, от этого ничего не изменится.

– Мама! Давай я пойду с папой прямо сейчас. По крайней мере, вы тут все орать перестанете. Если я останусь, наверняка хуже будет.

– Я ведь не на тебя, дружочек, сержусь. Я на отца твоего сержусь. Вот кто здесь ребенок.

– Пошли, зверушка. Уходим.

– Пока, мама, ладно? До свидания, мистер Капальди...

– Отпустите их, Крисси. Ничего, пусть идут.

Когда за ними закрылась входная дверь, звук прошелся эхом по всему зданию. Мне вспомнилось в этот момент, что машина Мамина, и я задалась вопросом, есть ли у Папы деньги на такси, чтобы они с Джози смогли поехать, куда он намеревается. Из-за того что Джози не подумала взять меня с собой, я испытала странноватое чувство, но Мама по-прежнему была тут, и я вспомнила поездку к Морганс-Фолс.

Я вышла на балкон, уже не таясь и не пытаюсь смягчить свои шаги. Наклонившись над стальными перилами, я увидела, что Мама теперь сидит там, где раньше сидела Джози, – на металлическом стуле перед схемами. Мистер Капальди, пройдя через помещение, оказался прямо подо мной, и я видела его лысую макушку, но не выражение лица. Он медленно двинулся дальше в Мамину сторону, как будто медленность была проявлением доброты, и остановился у лампы на треножнике.

– Вижу, что у вас недобрые предчувствия, – сказал он новым, мягким, негромким голосом. – Позвольте, я

вам скажу. Я видел подобное много раз. И видел, что успеха добиваются те, кто не сдаётся, кто сохраняет веру.

- Ещё какие недобрые, черт бы их взял.

- Вы не должны позволять Полу на вас влиять. Не забывайте, вы все это продумали, в отличие от него. Пол сбит с толку.

- Не в нём дело. Плевать на Пола. Все дело в... в этом портрете.

С этими словами она подняла глаза к балкону и увидела меня. Она смотрела вопреки слепящему свету прожекторов с потолка, а затем мистер Капальди тоже повернулся и стал глядеть на меня. Потом он вопросительно посмотрел на Маму. Она не сводила с меня глаз, к её лбу теперь была приставлена ладонь.

- Ладно, Клара, - сказала она наконец. - Спускайся сюда.

Сходя по металлическим ступенькам, я с интересом увидела, что Мама не сердита, а встревожена. Я двинулась к ней по полу, но остановилась за несколько шагов. Первым заговорил мистер Капальди.

- Ну и что ты думаешь, Клара? Я хорошо справляюсь?

- Сходство с Джози очень точное.

- Что ж, расцениваю это как «да». Кстати, Клара, как обстоят дела с обследованием?

- Я все сделала, мистер Капальди.

- Тогда благодарю тебя за сотрудничество. И ты сохранила данные как положено?

- Да, мистер Капальди. Мои ответы сохранены.

Наступило молчание, Мама продолжала смотреть на меня со своего стула, а мистер Капальди - от своего треножника. Я поняла, что они ждут от меня ещё каких-то слов, и продолжила:

- Жаль, что Джози и Папа ушли. Работа мистера Капальди над портретом может быть временно

затруднена.

- Ничего страшного, - сказал он. - Серьезной задержки не будет.

- Мне надо услышать, - сказала Мама. - Мне надо услышать, Клара, что ты думаешь. О том, что увидела.

- Я прошу прощения за то, что рассматривала портрет без разрешения. Но в нынешних обстоятельствах я почувствовала, что так будет лучше.

- Хорошо, - сказала Мама, и снова мне было понятно, что она не сердится, а скорее боится. - Ну, так скажи нам теперь, какие мысли у тебя возникли. Главное, скажи нам, что, по-твоему, ты там увидела.

- Я подозревала некоторое время, что портрет, над которым работает мистер Капальди, не картина и не скульптура, а ИП. Я пошла за подтверждением своей гипотезы. Мистер Капальди очень точно передал внешний облик Джози. Хотя, пожалуй, бедра должны быть чуточку уже.

- Спасибо, - сказал мистер Капальди. - Я это учту. Работа еще не окончена.

Мама внезапно опустила лицо в ладони, ее волосы упали на них. Мистер Капальди повернулся к ней с участливым видом, но не сдвинулся с места. Мама, впрочем, не плакала, и она сказала сквозь ладони, приглушившие ее голос:

- Может быть, Пол прав. Может быть, все это одна большая ошибка.

- Крисси. Вы не должны терять веру.

Она вновь подняла голову, и глаза были теперь злые.

- Вера тут ни при чем, Генри. Почему вы, черт вас возьми, так уверены, что я смогу привыкнуть к этой ИП там у вас наверху, как бы хорошо вы ее ни сделали? С Сал не получилось, почему с Джози получится?

- То, что мы сделали с Сал, не идет ни в какое сравнение. Мы это обговорили уже, Крисси. С Сал это

кукла была. Утешительная кукла, ничего больше. С тех пор мы проделали очень большой путь. Вы вот что должны понять: новая Джози не будет имитацией. Она будет *настоящей Джози. Продолжением Джози.*

- Вы хотите, чтобы я в это поверила? Сами-то верите?

- Безусловно, верю. Клянусь всем, чего я стою. Я рад, что Клара пошла туда и посмотрела. Нам нужно ее содействие, оно давно уже нам было нужно. Потому что именно в Кларе вся разница. Очень-очень большая разница по сравнению с прошлым разом. Вы должны сохранять веру, Крисси. Нельзя сейчас давать слабину.

- Но смогу ли я убедить себя? Когда настанет день. Смогу ли?

- Простите, можно я скажу? - промолвила я. - Может так случиться, что вам никогда не понадобится новая Джози. Теперешняя Джози может выздороветь. Я верю, что на это есть хорошие шансы. Мне, конечно, понадобится благоприятный случай, возможность это осуществить. И, раз вы так расстроены, я бы еще хотела сказать. Если когда-нибудь придет такой печальный день и Джози не станет, я сделаю все, что в моих силах. Мистер Капальди прав. Будет не так, как в тот раз с Сал, потому что теперь вы получите мою помощь. Сейчас я понимаю, почему вы постоянно просили меня наблюдать за Джози и изучать ее. Я надеюсь, что этот очень печальный день никогда не наступит, но, если это случится, я использую все, что усвоила, чтобы научить эту новую Джози там наверху быть как старая, насколько это возможно.

- Клара, - сказала Мама более твердым голосом, и вдруг она разделилась на много секций, их было гораздо больше, чем в Квартире Подруги, когда туда вошел Папа. В нескольких секциях у нее были узкие глаза, в других - большие и широко открытые. Была секция, где поместилось только одно всматривающееся

глазное яблоко. По краям некоторых секций виднелись части мистера Капальди, и поэтому я знала, что он поднял руку, делая неопределенный жест.

- Клара, - говорила Мама, - ты сделала хорошие умозаключения. И я благодарна тебе за то, что ты сейчас сказала. Но ты должна услышать еще кое-что.

- Нет, Крисси, не сейчас.

- Почему не сейчас? Какого черта? Вы же сами сказали, что нам нужно Кларино содействие. Что в ней вся разница.

После нескольких секунд молчания мистер Капальди сказал:

- Хорошо. Если вы так хотите. Рассказывайте ей.

- Клара, - сказала Мама. - Почему мы сегодня сюда приехали, главная причина. Она не в том, чтобы Джози еще попозировала. Мы приехали из-за тебя.

- Я понимаю, - сказала я. - Я поняла про обследование. Это была проверка того, хорошо ли я узнала Джози. Хорошо ли понимаю, как она принимает решения и почему она испытывает те или другие чувства. Я думаю, результаты покажут, что я способна научить ту Джози наверху. Но повторяю, неправильно будет отказываться от надежды.

- И все-таки ты не вполне понимаешь, - сказал мистер Капальди. Хотя он стоял передо мной, его голос, казалось, шел от краев моего поля зрения, потому что и сейчас я видела одни Мамины глаза. - Позвольте мне объяснить ей, Крисси. От меня лучше дойдет. Клара, мы не просим тебя научить новую Джози. Мы просим тебя *ею стать*. Джози, которую ты видела наверху, как ты заметила, пуста. Если настанет день - надеюсь, что не настанет, но если вдруг, - то мы хотим, чтобы ты поселилась в той Джози наверху со всем, что ты усвоила.

- Вы хотите, чтобы я в ней поселилась?

- Крисси вдумчиво выбрала тебя, имея это в виду. Она пришла к выводу, что ты наилучшим образом приспособлена к тому, чтобы изучить Джози. Не только поверхностно, но глубоко, полноценно. Изучить настолько, чтобы не осталось разницы между первой Джози и второй.

- Генри говорит тебе про это так, - сказала Мама, и вдруг она перестала быть разделена, - словно это было аккуратно спланировано. Но ничего подобного. Я не знала даже, верю ли я хоть сколько-нибудь в то, что это сработает. Может быть, верила когда-то. Но посмотрела сейчас на этот портрет, и теперь не знаю.

- Итак, ты видишь, Клара, о чем тебя просят, - сказал мистер Капальди. - От тебя требуется не просто подражать внешнему поведению Джози. Тебя просят продолжить ее для Крисси. И для всех, кто любит Джози.

- Но возможно ли такое? - спросила Мама. - Сможет ли она по-настоящему продолжить для меня Джози?

- Да, сможет, - ответил мистер Капальди. - И теперь, когда Клара прошла обследование, я смогу доказать вам это научно. Доказать, что она уже проделала немалую часть пути к тому, чтобы овладеть всем спектром побуждений Джози и ее желаний. Проблема, Крисси, в том, что вы как я. Мы оба сентиментальны. Нам трудно что-либо с этим поделаться. Наше поколение все еще несет в себе прежние чувства. Какая-то часть нас отказывается уйти куда ей следует. Часть, которая по-прежнему хочет верить, что в каждом из нас есть что-то недостижимое. Что-то уникальное и непередающееся. Но нет ничего такого в нас, мы сейчас это знаем. *Вы* это знаете. Людям нашего возраста трудно отказаться от этого предрассудка. Но мы *должны* от него отказаться, Крисси. Нет ничего там. Нет ничего внутри Джози такого, чего не могли бы продолжить Клары нашего мира. Вторая Джози не

будет копией. Она будет в точности тем же самым, и у вас будет полное право любить ее ровно так же, как вы любите нынешнюю Джози. Вам не вера нужна. Только рациональность. Мне пришлось с этим разбираться, было нелегко, но сейчас у меня все в лучшем виде. И у вас будет.

Мама встала и пошла через комнату.

- Возможно, вы правы, Генри, но я слишком устала, чтобы думать об этом дальше. И мне надо поговорить с Кларой, поговорить наедине. Мне жаль, что все у нас так запуталось.

Она двинулась к вешалке у двери, чтобы взять свою сумку.

- Я искренне рад, что Клара теперь знает, - сказал мистер Капальди. - Честно говоря, испытываю облегчение. - Он пошел за Мамой следом, как будто не хотел остаться один. - Клара, данные, возможно, высветят те моменты, где тебе еще нужно будет приложить некоторые усилия. Но я рад, что мы можем разговаривать более откровенно.

- Пойдем, Клара. Мы уходим.

- Ну так как, Крисси. Мы по-прежнему согласны насчет всего?

- Согласны, согласны. Но сейчас мне нужно отвлечься.

Она притронулась к плечу мистера Капальди, и мы вышли через главную дверь, которую он поспешил открыть перед нами. Он проводил нас до лифта и дружелюбно помахал перед тем, как закрылись двери.

Пока мы ехали вниз, Мама достала из сумки свою дощечку и опустила в нее взгляд. Когда двери лифта открылись, она убрала ее в сумку, и мы вышли на потрескавшийся бетон двора, где Солнце творило Свои вечерние фигуры сквозь сетку забора. До этого я допускала возможность, что нас будут там дожидаться Джози и Папа, но во дворе было пусто, только тень

дерева легла поперек Маминой машины и с ближних улиц доносились звуки города.

- Клара, дружок. Сядь-ка спереди.

Но, когда мы уселись бок о бок перед ветровым стеклом, за которым висел антипарковочный знак, Мама не сразу запустила мотор. Я смотрела на здание мистера Капальди, на Солнечные фигуры на его стене и пожарных лестницах, и мне казалось диковинным, что здание может быть таким грязным снаружи. Мама опять вынула свою дощечку.

- Они пошли в какую-то бургерную. Джози пишет, у нее все хорошо. И у *него* тоже.

- Я надеюсь, что они приятно проводят время.

- Я должна тебе кое-что сказать. Только давай уедем отсюда.

Когда мы выехали из двора, нам пришлось остановиться, чтобы пропустить даму на велосипеде с корзинкой. Через несколько минут мы снова остановились, на этот раз под длинноруким уличным знаком, хотя других машин видно не было. Знак поменялся, мы двинулись дальше и вскоре миновали большое коричневое здание, отодвинутое от тротуара, без единого окна, но с большой трубой посреди крыши, а потом мы оказались под мостом, где было много теней, луж и прыгунов на роликах. Мы выехали оттуда под Солнечные фигуры около здания с надписью «Есть вакансии», и вскоре вокруг появились пешеходы, на тротуаре тут росли деревца. В конце концов Мама замедлила движение, а потом и остановила машину около вывески Сами Готовим Фарш. Другие машины должны были с шумом нас объезжать, но антипарковочного знака здесь не было. Через ветровое стекло мы видели впереди въезд под еще один мост, и машины, которые проезжали мимо нас, выстраивались перед ним в очередь.

- Вот, приехали. Они там, внутри. - Потом она сказала: - Пол отчасти прав. Им нужно иногда побыть без всех. Чтобы только они. Им это нужно. Нам не стоит все время находиться рядом. Понимаешь, Клара?

- Конечно.

- Она скучает по отцу. Это естественно. Так что давай просто посидим тут немного.

Наверху уличный знак поменял цвет, и нам видно было, как машины въезжали в темноту под мостом.

- Тебя, наверное, все это потрясло, - сказала она. - У тебя должны быть вопросы.

- Мне кажется, я понимаю.

- Да? Понимаешь? Ты понимаешь, о чем я тебя прошу? Это именно я прошу. Не Капальди и не Пол. От меня все исходит, во мне причина. Я прошу тебя взяться за эту работу. Потому что если это произойдет, если все повторится, то по-другому я не выживу. Я прошла через это с Сал, но во второй раз не смогу. Так что обращаюсь к тебе с просьбой, Клара. Постарайся для меня, как только можешь. Мне сказали в магазине, что ты необыкновенная. Я наблюдала за тобой достаточно и знаю, что, скорее всего, так оно и есть. Если ты возьмешься как следует, то как знать? Может быть, и получится. И я смогу тебя полюбить.

Мы не смотрели друг на друга, продолжали глядеть вперед, через ветровое стекло. Подле меня, с моей стороны, оттуда, где Сами Готовим Фарш, вышел мужчина в фартуке и начал подметать тротуар.

- Я не виню Пола. У него свои чувства, он имеет на них право. После Сал он сказал, что мы не должны рисковать еще раз. Пусть Джози останется нефорсированной, ну и что? Множество детей существуют без этого. Но я не могла так с Джози. Я хотела для нее лучшего. Хотела, чтобы у нее была хорошая жизнь. Понимаешь, Клара? Я решилась, и вот

Джози больна. Из-за моего решения. Тебе понятно, какие у меня чувства?

- Да. Мне очень печально.

- Я не печалиться тебя прошу. Я прошу тебя сделать то, что в твоих силах. И подумай - ведь это для тебя самой будет многое значить. Тебя будут любить так, как только можно любить в этом мире. Может быть, когда-нибудь я сойду с другим мужчиной - кто знает? Но обещаю тебе, что никогда не полюблю его так, как тебя. Ты будешь Джози, и я всегда буду любить тебя больше всего на свете. Сделай это для меня. Очень тебя прошу, сделай это для меня. Стань для меня продолжением Джози. Ну же. Скажи что-нибудь.

- Мне кое-что непонятно. Если я продолжу Джози, если поселюсь в новой Джози, то что станет со... всем этим?

Я подняла руки в воздух, и в первый раз Мама посмотрела на меня. Сначала на мое лицо, потом на мои ноги. После этого отвела взгляд и сказала:

- Какая разница? Это всего-навсего материал. Клара, ты еще кое-что возьми в расчет. Может быть, моя любовь для тебя не так много значит. Но есть еще кое-что. Этот мальчик. Рик. Я вижу, ты к нему неравнодушна. Помолчи, дай я договорю. Я вот что хочу сказать: этот Рик боготворит Джози, он всегда души в ней не чаял. Если ты продолжишь Джози, у тебя не только я буду, но и он. Какая разница, что он не форсирован? Мы найдем способ жить вместе. Вдали от... всего на свете. Одни будем там, только мы, вдали от всего этого. Ты, я, Рик, его мама, если захочет. Это может получиться. Но ты должна будешь постараться. Должна будешь изучить Джози во всей полноте. Слышишь меня, дружочек?

- До сегодняшнего дня, - сказала я. - До того, что я узнала сейчас... я думала, что мой долг - спасти Джози,

помочь ей выздороветь. Но, может быть, это более хороший путь.

Мама медленно повернулась на своем сиденье, протянула руки и начала меня обнимать. Нас разделяло оборудование между креслами, поэтому ей трудно было обнять меня по-настоящему. Но ее глаза были закрыты ровно так же, как во время их долгих объятий с Джози, когда они мягко, нежно покачивались, и я чувствовала, как в меня вливается ее доброта.

* * *

Водителей, которым надо было под мост, раздражало, что приходится объезжать Мамину машину. Многие, поравнявшись с ней, смотрели на меня недружелюбно, хоть и видели, что я всего-навсего пассажирка и ничего не решаю.

Моя главная забота, однако, была не о проезжающих машинах и их недоброжелательных водителях, а о том, что происходило сейчас там, где Сами Готовим Фарш. Не будь мой ум в тот момент полон словами Мама и ее объятиями, я, может быть, сумела бы уговорить ее не идти туда. Но как только объятия закончились – и вопреки своим же словам о том, что Джози и Папе нужно побыть одним, – она внезапно сорвалась с места и хлопнула позади себя дверью машины.

Минута шла за минутой, я вспоминала напряженные промежутки времени в здании мистера Капальди и думала, не следует ли мне, при всей невежливости этого, самой войти туда, где Сами Готовим Фарш, чтобы предотвратить движение к чему-то похожему, расстраивающему Джози. Но до того, как я успела что-то решить, на тротуаре за моим окном появился Папа. Он направил на машину дистанционный ключ и, когда

ничего не произошло, взгляделся в него и нажал на кнопку снова. На этот раз вокруг меня раздались отпирающие звуки – Мама, судя по всему, оставила меня взаперти, – и он, обойдя машину, быстро сел на водительское место со стороны мостовой. Едва посмотрев на меня, он устремил взгляд вперед – туда, где был въезд под мост. Потом положил руку на руль и забарабанил по нему пальцами.

– Поразительно, что она до сих пор на ней ездит, – сказал он. – Выбирать ей я помогал. Она нацеливалась на немецкую машину, но я сказал ей, что эта надежнее. Что ж, не ошибся. Меня уже нет, а машина еще ей служит.

– Мистер Пол как знаток инженерного дела, – сказала я, – должно быть, очень ценный советчик при выборе машины.

– Да нет, не очень. Автомобильные моторы никогда не были моей специальностью.

Он продолжал трогать рулевое колесо, и теперь в этих касаниях была какая-то печаль.

– Джози и Мама тоже сейчас выйдут? – спросила я.

– Что? А, нет. Не сейчас. Думаю, они выйдут не так скоро. – Потом он продолжил: – Крисси, надо сказать, предложила, чтобы я куда-нибудь съездил. Хочет, чтобы я был подальше, пока она разговаривает с Джози. – Он казался уже не таким сердитым, как в здании мистера Капальди, скорее выглядел задумчивым. – Честно сказать, Крисси своим появлением меня не огорчила. Казалось бы, я не должен быть рад такому вмешательству. Но, по правде говоря, разговор у нас с Джози не был таким уж беззаботным. В сущности, я был в пиковом положении. Ты знаешь, – наконец он посмотрел на меня, – возможно, я был с тобой невежлив, извини меня в таком случае. Есть у меня такое ощущение.

- Пожалуйста, не беспокойтесь. Я теперь очень хорошо понимаю, почему мистер Пол может не питать ко мне теплых чувств.

- С такими, как ты, у меня никогда, скажем так, не складывались отношения. Уж ты прости меня за это. Нет, когда Крисси туда влетела, я не был против. Потому что Джози наседала на меня с неудобными вопросами, и я не знал, понятия не имел, как на них отвечать. Она не дуручка, эта Джози. - Он опять перевел взгляд туда, где машины въезжали под мост, и снова забарабанил пальцами по рулевому колесу. - После этого *визита* я хотел, чтобы мы немного расслабились. Перекусить, выпить кофе. И тут она меня спрашивает. Если Капальди, как я ей говорил, старается нам помочь, то почему я так плохо к нему отношусь?

- И как мистер Пол ответил?

- Врать ей я никогда толком не умел. Так что принялся, ну, вилять, что ли. И я знал, что она видит меня насквозь. В этот-то момент Крисси и появилась.

- Джози догадывается про... про этот план? Про план на случай ее кончины.

- Не знаю. Может быть, подозревает, но взглянуть прямо не осмеливается. Но она не дуручка, нет. Все эти жесткие вопросы. Почему мне так не нравится, что кто-то делает ее портрет? Нет, уж пусть Крисси пытается отвечать. - Внезапно он вставил ключ в прорезь зажигания. - Нам было велено исчезнуть на время. До, если быть точным, - он посмотрел на часы, - пяти сорока пяти. Потом у нас рандеву в этом суши-кафе. Все там сойдемся, судя по всему. Джози, Крисси, их соседи тоже. Так что, если ты не хочешь час просидеть в припаркованной машине, предлагаю прокатиться.

Он запустил мотор, но очередь из машин стала такой длинной, что мы не могли поехать сразу. Я пристегнула ремень безопасности и стала ждать. Потом

наверху изменился цвет знака, и машина двинулась вперед.

* * *

Мимо нас перемещались теневые и световые фигуры, а потом мы выехали из-под моста на авеню из высоких коричневых зданий. На тротуаре показалось большое существо со многими конечностями и глазами, и вдруг, пока я смотрела, в нем посередине открылась вертикальная трещина. Оно разделилось надвое, и тут мне стало ясно, что все время это были два отдельных человека – бегун и женщина с собакой на поводке, они двигались навстречу друг другу и на мгновение совместились. Потом магазин с надписью «И здесь, и навывнос», а перед ним на тротуаре чья-то потерянная бейсболка.

– Есть какое-нибудь место, куда бы ты хотела отправиться? – спросил Папа. – Джози упомянула твой родной магазин. Сказала, мы сегодня мимо него проехали.

Как только он это проговорил, я поняла, что открывается возможность, и воскликнула – вероятно, слишком громко:

– О да! – Затем, взяв себя в руки, сказала уже потише: – Если вы не против, я была бы очень этому рада.

– Она сказала, он, возможно, уже не там. Скорее всего, они переехали.

– Я не уверена. И все равно, если бы мистер Пол привез меня в этот район, я была бы просто счастлива.

– Отлично. Вот и уьем время.

Поворачивая направо на следующем перекрестке, он сказал:

- Интересно, как Крисси справляется. О чем они говорят прямо сейчас. Может быть, ей удалось сменить тему.

Теперь стало больше транспорта, и мы медленно двигались за другими машинами. Солнце иногда показывалось, но Оно уже опустилось низко, и высокие здания часто загораживали Ему вид. Тротуары были заполнены офисными сотрудниками, окончившими работу, и мы проехали мимо мужчины на приставной лестнице, который что-то делал с яркой красной надписью «Куры гриль». Позади оставались пешеходные переходы и знаки Зоны Принудительной Эвакуации, и я чувствовала, что мы приближаемся к магазину.

- Можно задать тебе вопрос? - сказал Папа.

- Да, конечно.

- Джози, я думаю, все еще скорее в неведении. Но насчет тебя не знаю. О чем ты догадывалась раньше. Что выяснила сегодня. Тебя не затруднит рассказать мне, что тебе известно на этот момент?

- До посещения мистера Капальди сегодня, - сказала я, - я кое-что подозревала, но многого не знала. Сейчас, после посещения, я могу понять недовольство мистера Пола. И могу понять, почему он был ко мне холоден.

- Еще раз прошу за это прощения. Итак. Они всё тебе разъяснили. Какая у тебя роль.

- Да. Мне кажется, они рассказали мне все.

- И что ты думаешь? Предполагаешь, что у тебя получится? Роль тебе по плечу?

- Будет нелегко. Но я верю, что, если продолжу пристально наблюдать за Джози, это будет в пределах моих возможностей.

- Тогда позволь мне еще кое о чем тебя спросить. Вот какой у меня вопрос. Ты веришь в человеческое сердце? Я не просто орган, разумеется, имею в виду. Я

говоря в поэтическом смысле. Человеческое сердце. Существует оно, по-твоему? То, что делает нас особенными и неповторимыми. И если мы просто-напросто предположим, что оно есть. Тогда не кажется ли тебе, что ты не изучишь Джози по-настоящему, если ограничишься ее внешними особенностями, если не проникнешь в нее глубоко? Что тебе надо будет изучить ее сердце?

- Да, безусловно.

- Но ведь это может оказаться трудным, разве не так? Превосходящим даже твои невероятные способности. Потому что войти в образ, пусть даже и мастерски, будет мало. Тебе придется изучить ее сердце, сполна изучить, иначе ты никогда не станешь Джози ни в каком значимом смысле.

Около каких-то покинутых фруктов ящиков остановился общественный автобус. Папа стал его объезжать, и машина за нами издала сердитые гудки. Потом послышались новые злые гудки, но они шли издалека и предназначались не нам.

- Сердце, о котором вы говорите, - сказала я. - Вероятно, это самая трудная для изучения часть Джози. Это как дом со многими комнатами. И все же преданная ИП, если у нее есть время, может обойти все эти комнаты и тщательно исследовать их одну за другой, пока не освоится в них по-домашнему.

Папа прогудел своим собственным гудком машине, которая пыталась встроиться в цепочку автомобилей, поворачивая с боковой улицы.

- Но, допустим, ты вошла в какую-нибудь из этих комнат, - сказал он, - и обнаружила в ней еще одну комнату. А внутри той - еще одну комнату. Комнаты, комнаты, комнаты, все глубже и глубже. Не получится ли так с твоим изучением сердца Джози? Что, сколько бы ты ни бродила по этим комнатам, всегда будут оставаться такие, где ты еще не была?

Я обдумала это. И затем сказала:

- Да, человеческое сердце наверняка сложно устроено. Но оно должно быть чем-то ограничено. Даже если мистер Пол говорит в поэтическом смысле, тому, что подлежит изучению, когда-нибудь должен прийти конец. Вполне может быть так, что сердце Джози похоже на странный дом, где внутри комнат другие комнаты. Но если бы оказалось, что это наилучший способ спасти Джози, то я бы сделала все, что в моих силах. И я верю, что у меня были бы хорошие шансы на успех.

- Гм-м.

Некоторое время мы ехали молча. Потом, когда миновали здание с надписью «Ногтевой бутик», а сразу за ним череду стен с обрывками плакатов, он сказал:

- Джози говорит, твой магазин в этом районе.

Возможно, это было так, но вид за окнами пока что не был мне знаком. Я сказала ему:

- Мистер Пол был со мной очень откровенен. Может быть, сейчас он позволит мне самой быть с ним откровенной.

- Говори свободно.

- На самом деле я не ради моего магазина попросила вас привезти меня в этот район.

- Да?

- Когда мы проезжали сегодня мимо этого магазина, недалеко от него стояла одна машина. Ее использовали ремонтные люди, и она создавала ужасное Загрязнение.

- Понял. Продолжай.

- Это не так просто объяснить. Но очень важно, чтобы мистер Пол сейчас поверил тому, что я скажу. Эту машину нужно разрушить. Вот настоящая причина того, что я попросила приехать со мной сюда. Это должно быть где-то поблизости. Машину легко определить по надписи КОТЭ на корпусе. У нее три трубы, и каждая из них испускает ужасное Загрязнение.

- И ты хочешь сейчас найти эту машину?

- Да. Найти и разрушить.

- Потому что она создает Загрязнение.

- Это ужасная машина.

Я наклонилась вперед и уже вертела головой, смотря налево и направо.

- И как именно ты намерена ее разрушить?

- Точно не знаю. Вот почему я захотела быть откровенной с мистером Полом. Я прошу его о помощи. Мистер Пол знаток инженерного дела и взрослый человек.

- Ты спрашиваешь меня, как испортить машину?

- Но вначале нам надо ее найти. Например, можно вас попросить повернуть на эту улицу?

- Тут нет поворота. Одностороннее движение. Загрязнение мне так же не нравится, как тебе. Но не слишком ли это далеко идущая затея?

- Я не могу объяснить подробнее. Но мистер Пол должен оказать мне доверие. Это очень важно для Джози. Для ее здоровья.

- Как это может помочь Джози?

- Простите меня, не могу объяснить. Прошу мистера Пола оказать мне доверие. Если только мы найдем КОТЭ-машину и разрушим ее, то, я верю, это приведет к полному выздоровлению Джози. Тогда мистер Капальди, его портрет и хорошо ли я смогу изучить Джози - все это будет не важно.

Папа обдумал это.

- Ладно, - сказал он наконец. - Давай по крайней мере сделаем попытку. Ты эту штуку где, говоришь, последний раз видела?

Мы двигались дальше, и впереди показалось Здание РПО - оно, как и Здание С Пожарными Лестницами, быстро к нам приближалось. Солнце опускалось за них на знакомый лад, и вот уже мы едем мимо моего магазина. Я снова увидела выставленные цветные

бутылки и надпись «Утопленные светильники», но была так обеспокоена тем, что пропущу КОТЭ-машину, что почти не обратила на все это внимания. Когда проезжали пешеходный переход, Папа сказал:

- Эта улица что, для одних такси? Только посмотри. Всюду.

- Этот поворот, кажется. Пожалуйста, если можно.

Там, где я до этого видела КОТЭ-машину, теперь ее не было, вновь пошли незнакомые улицы, и я смотрела во все стороны. Солнце иногда ярко светило через промежутки между зданиями, и я не знала - то ли Оно хочет меня подбодрить, то ли просто смотрит и следит за моим перемещением. Когда мы повернули на еще одну улицу и там опять не оказалось КОТЭ-машины, моя растущая паника стала, по всей вероятности, очевидна, потому что Папа более добрым голосом, чем говорил со мной раньше, сказал:

- Ты действительно в это веришь, да? Что это поможет Джози.

- Да. Да, я верю.

После этого что-то, мне показалось, в нем изменилось. Он наклонился вперед - и стал, как я, смотреть то налево, то направо беспокойными глазами.

- Надежда, - сказал он. - Черт бы ее взял, ни за что не оставит тебя в покое. - Он покачал головой почти раздосадованно, но к нему пришла какая-то новая сила. - Так, ладно. Ты говоришь, автомобиль. Используемый для уличных работ.

- У нее есть колеса, но, по-моему, это не совсем автомобиль. Сама она ездить не может, ее тянут. Бледно-желтая, сбоку надпись КОТЭ.

Он посмотрел на часы.

- Уличные работы, наверное, уже кончились на сегодня. Дай-ка я попытаю счастья.

Папа повел машину более умело. Мы оставляли позади другие автомобили, прохожих, витрины

магазинов, потом начались более узкие улицы, где было сумрачно от зданий без окон и тянулись большие стены, ярко разрисованные надписями. Иногда Папа останавливал машину, подавал ее назад, а затем медленно вел ее по узким промежуткам вдоль заборов из проволочной сетки, сквозь которую нам были видны припаркованные грузовики и грязные легковые машины.

- Видишь что-нибудь?

Я качала головой, и он заставлял машину так рвануть, что я тревожилась, как бы мы при резком повороте не задела пожарный гидрант или угол здания. Мы заглядывали во двор за двором, один раз проехали между двумя перекошенными створками ворот, хотя на одной из них висела табличка «Въезд строго воспрещен», и сделали круг по двору, заставленному автомобилями и штабелями ящиков, а в дальнем конце там даже был строительный кран. Но по-прежнему никакой КОТЭ-машины, и Папа затем поехал по сумрачным местам с разбитыми тротуарами и одинокими прохожими. Он свернул в очередной узкий проулок около массивно нависающего здания «Этажи в аренду», и за этим зданием был еще один двор, огороженный проволочной сеткой.

- Она! Мистер Пол, вот она!

Папа резко остановил машину. Двор был с моей стороны, поэтому я прильнула головой к окну, а Папа позади меня переместился в кресле, чтобы лучше было видно.

- Вон та? С трубами?

- Да. Мы нашли ее.

Пока Папа медленно подавал автомобиль назад, я не отрывала взгляда от КОТЭ-машины. Потом мы опять остановились.

- Въезд закрыт, и на воротах цепь, - сказал он. - Но боковой вход...

- Да, маленький вход открыт. Пешком можно войти.

Я отстегнула ремень безопасности и готова была выйти наружу, но почувствовала на руке ладонь Папы.

- Я бы не входил туда до тех пор, пока ты точно не решила, что намерена сделать. На вид тут изрядное запустение, но как знать. Может быть сигнализация, может быть видеонаблюдение. На то, чтобы там стоять и раздумывать, время лучше не тратить.

- Да, вы правы.

- Ты полностью уверена, что это та машина?

- Полностью. Я ее ясно вижу отсюда, и у меня нет сомнений.

- И если привести ее в негодность, это, ты говоришь, поможет Джози?

- Да.

- И как ты предлагаешь это совершить?

Я смотрела на КОТЭ-машину, стоявшую посреди двора отдельно от других припаркованных машин. Солнце посылало свет между двумя зданиями-силуэтами, которые возвышались не далеко и не близко от двора. Его лучам в ту минуту не препятствовало ни то ни другое здание, и края припаркованных машин отсвечивали.

- Я чувствую себя такой глупой, - сказала я наконец.

- А это не так уж просто сделать, - сказал Папа. - К тому же то, что ты предлагаешь, тянет на уголовно наказуемую порчу имущества.

- Да. Но если люди за теми высокими окнами что-нибудь увидят, я уверена, они будут очень рады тому, что КОТЭ-машина разрушена. Они же знают, какая это жуткая машина.

- Возможно. Но как ты предлагаешь это осуществить?

Папа сидел сейчас, откинувшись на спинку кресла, одна рука расслабленно лежала на руле, и у меня было

чувство, что он уже нашел возможное решение, но по какой-то причине не спешит о нем говорить.

- Мистер Пол знаток инженерного дела, - сказала я, повернувшись к нему полностью. - Я надеялась, что он сумеет что-нибудь придумать.

Но Папа продолжал смотреть на двор через ветровое стекло.

- Я не мог объяснить этого Джози там, в кафе, - сказал он. - Я не мог ей объяснить, почему я так ненавижу Капальди. Почему я не в силах быть с ним вежливым. Но я бы попробовал объяснить это тебе, Клара. Если ты не против.

Такая перемена темы была мне крайне нежелательна, но, боясь потерять его готовность помочь, я молчала и ждала.

- Я думаю, я потому ненавижу Капальди, что в глубине души подозреваю, что он, возможно, прав. Что его утверждения верны. Что наука это уже доказала и сомнений быть не может: нет в моей дочери ничего уникального, такого, чего нашими современными средствами нельзя извлечь, скопировать, передать. Что люди жили друг с другом все это время, веками, любили и ненавидели друг друга - основываясь на ложной предпосылке. На суеверии своего рода, которое мы поддерживали, пока не узнали, как все на самом деле. Вот как смотрит на это Капальди, и есть во мне часть, которая боится, что он прав. А вот Крисси - она не такая, как я. Она, может быть, не знает этого еще, но она никогда не позволит себя убедить. Если настанет такой момент, то, как бы хорошо ты, Клара, ни играла свою роль, как бы Крисси ни хотела, чтобы это сработало, она просто не сможет этого принять. Она слишком... несовременна. Даже зная, что она идет против науки и математики, она все равно не сможет. Она просто-напросто не такая растяжимая. Но я - другое дело. У меня... есть холод внутри, какого у нее

нет. Может быть, потому что я, как ты говоришь, знаток инженерного дела. Вот почему мне трудно быть вежливым с такими, как Капальди. Когда они делают то, что делают, говорят то, что говорят, они как будто забирают у меня то, что я больше всего ценю в этой жизни. Я понятно говорю?

- Да. Я понимаю чувства мистера Пола. - Я молча выждала несколько секунд и затем продолжила: - Из всего, что говорит мистер Пол, выходит, что тем более важно не испытывать ни на ком предложение мистера Капальди. Если мы сможем сделать Джози здоровой, то ни портрет, ни мое изучение ее не будут ничего значить. Поэтому я прошу вас опять. Пожалуйста, посоветуйте мне, как мне разрушить КОТЭ-машину. У меня возникло ощущение, что у мистера Пола есть идея на этот счет.

- Да, пришла в голову одна возможность. Но я надеялся, что явится идея получше. К сожалению, этого, похоже, не случится.

- Пожалуйста, скажите мне. В любой момент что-нибудь может измениться, и возможность пропадет.

- Хорошо. Ну так слушай. Внутри этой машины наверняка есть блок генерации Сильвестра широкого диапазона. Изделие средней категории. Топливосберегающий и достаточно надежный блок, но толком не защищенный. Это значит, что машина может выдержать любое количество пыли, дыма, дождевой воды. Но если в систему попадет, скажем, что-нибудь с высоким содержанием акриламида, например раствор ПЭГ-девять, то она с этим не справится. Примерно то же самое, что залить бензин в дизельный мотор, только еще намного хуже. Если ввести туда ПЭГ-девять, он стремительно полимеризуется. Последствия, по всей вероятности, будут губительные.

- Раствор ПЭГ-девять.

- Да.

- Мистер Пол знает, как мы могли бы сейчас за короткое время получить раствор ПЭГ-девять?

- Оказывается, знаю. - Он несколько секунд продолжал на меня смотреть, потом сказал: - Внутри тебя должно находиться некоторое количество ПЭГ-девять. Внутри твоей головы.

- Понимаю.

- Насколько мне известно, там обычно есть небольшая полость. В задней части головы, где она переходит в шею. В этом я не специалист. Капальди наверняка знает гораздо больше. Но предполагаю, что ты можешь себе позволить лишиться некоторого количества ПЭГ-девять без того, чтобы это существенно ухудшило что-либо в тебе.

- Если... если бы мы сумели извлечь из меня раствор, его хватило бы, чтобы разрушить КОТЭ-машину?

- Не моя область, честно тебе скажу. Но предполагаю, что в тебе примерно пятьсот миллилитров. Даже половины будет достаточно, чтобы привести в негодность машину средней категории вроде этой. Но я должен подчеркнуть после всего сказанного: я не ратую за этот вариант. Все, что угрожает твоим способностям, будет угрожать плану Капальди. Крисси это не понравится.

Меня наполнял огромный страх, но я сказала:

- Но мистер Пол считает, что если мы сумеем извлечь раствор, то сможем разрушить КОТЭ-машину.

- Да, верно. Так я считаю.

- Возможно ли, что мистер Пол предложил этот путь не только для того, чтобы разрушить КОТЭ-машину, но и чтобы повредить Клару и таким образом помешать плану Капальди?

- Мне тоже ровно это приходило в голову. Но если бы я действительно хотел тебя повредить, для этого, думаю, есть куда более простые способы. Нет, дело в

том, что ты дала мне новую надежду. Надежду, что за твоими словами может быть что-то реальное.

- Как мы извлечем раствор?

- Всего-навсего маленький надрез. Пониже уха. Любое ухо подойдет. Понадобится инструмент - что-нибудь с острым кончиком или краем. Только для того, чтобы проникнуть под верхний слой. А под ним должен быть, ну, маленький такой клапан, я открою его пальцами, а потом закрою. - Говоря это, он рылся в бардачке Маминой машины и под конец достал пластиковую бутылку с водой. - Так, сюда можно будет собрать раствор. А вот и крохотная отвертка, не идеально, но подойдет. Немного заострить... - Он умолк, держа инструмент на свету. - Потом только зайти туда и аккуратно влить раствор в одно из этих отверстий. Лучше в центральное. Оно, по всей вероятности, напрямую связано с блоком Сильвестра.

- Я потеряю свои способности?

- Как я сказал, твоя общая эффективность не должна сильно пострадать. Впрочем, я тут не специалист. Возможно, будут какие-то последствия для твоих когнитивных способностей. Но, поскольку главный источник энергии у тебя Солнце, существенного ущерба, скорее всего, не будет.

Он опустил окно со своей стороны и, высунув пластиковую бутылку наружу, вылил из нее воду.

- Это твоя инициатива, Клара. Если хочешь, можем просто уехать отсюда. У нас осталось, дай взглянуть, двадцать минут до рандеву с остальной компанией.

Я опять посмотрела сквозь проволочную сетку на двор, стараясь унять страх. Вид из окна машины по-прежнему не был разделен на секции, и Солнце продолжало глядеть между двумя зданиями-силуэтами.

- Ты знаешь, Клара. Я понятия даже не имею, какой в этом может быть смысл. Но я хочу самого лучшего для

Джози. Ровно так же, как ты. Поэтому готов схватиться за каждый шанс.

Я повернулась к нему с улыбкой и кивнула.

- Да, - сказала я. - Тогда давайте попробуем.

* * *

Сидя у окна суши-кафе, глядя на удлиняющиеся тени около театра, я с волнением представила себе, что Солнце может прямо сейчас, через это самое окно, излить Свое особое питание на Джози, сидящую по другую сторону стола от меня. Но я понимала, каким усталым должно быть теперь Солнце, когда позади целый день, и понимала, что ожидать такого быстрого отклика было бы с моей стороны и неуважительно, и нереалистично. Маленькая надежда продолжала во мне теплиться, и я внимательно наблюдала за Джози, но вскоре смирилась с мыслью, что придется подождать до завтрашнего утра, и это самое раннее.

Я понимала, кроме того, что вид сквозь окно суши-кафе потому не такой отчетливый, что оно пыльное и нечистое, а не потому, что произошедшее во дворе сказалось на мне сколько-нибудь существенно. Несмотря на то что большое полотнище над входом в театр с надписью «Блеск и блаженство!» непрерывно колыхалось на ветру, я все-таки могла эту надпись прочесть. И я без труда расшифровывала людей, подходивших к тем, что уже прохаживались около театра, и присоединявшихся к ним. Всякий раз, когда кто-то подходил, звучали приветствия и смешливые возгласы. Слов я не могла ясно разобрать, но нас разделяло толстое стекло, так что это тоже соответствовало общим условиям.

Дело, которое мы сделали во дворе, не задержало нас чрезмерно, но к тому времени, как Папа и я наконец

обнаружили то самое суши-кафе, Джози, Рик, Мама и мисс Хелен уже несколько минут как расселись вокруг стола у окна. Папа приветливо всем улыбался, как будто не было напряженных сцен у мистера Капальди, но вскоре Мама встала и вышла в толпу, собравшуюся снаружи, прижимая к уху свою дощечку.

Папа сейчас по другую сторону стола листал блокнот Рика и издавал одобрительные звуки. Но меня тревожило, какой необычно тихой сделалась Джози, и Папа вскоре тоже это заметил.

- У тебя все хорошо, зверушка?

- Да, папа, все отлично.

- Мы долго уже мотаемся. Может быть, хочешь обратно в квартиру?

- Я не устала. Я не больна. У меня все хорошо, папа. Дай я просто посижу.

Рик, сидевший рядом с Джози, тоже смотрел на нее с беспокойством.

- Слушай, Джози, может, доешь за меня? - Он промолвил это тихо, почти на ухо ей, пододвигая к ней остатки своего морковного кекса. - Прибавит тебе энергии.

- Не надо мне энергии, Рикки. Со мной все в порядке. Хочу просто посидеть, вот и все.

Папа пристально посмотрел на Джози, а затем снова опустил взгляд в блокнот Рика.

- Это очень интересно, Рик.

- Рикки, золотой мой, - сказала мисс Хелен, - я тут вот что подумала. Ты очень хорошо сделал, что взял с собой свои чертежи. Но может быть, лучше будет не показывать их Вэнсу, если он нарочно не попросит.

- Мама, мы уже это обсудили.

- Я просто к тому, что это может показаться неуместным. Слишком настойчивым. Ведь, в конце концов, имеется в виду всего-навсего спонтанная встреча. Встреча старых знакомых.

- Мама, ну какая она спонтанная, все было так тщательно спланировано, мы специально приехали в город.

- Я только о том, мой золотой, что тебе надо постараться вести себя так, *как будто* встреча спонтанная. Это лучше всего сработает с Вэнсом. Только если он нарочно попросит показать ему что-нибудь из твоих...

- Я понимаю, мама. Не переживай, все под контролем.

У Рика был напряженный вид, и я хотела сделать что-нибудь, чтобы придать ему уверенности, но нас разделял стол, и я не могла к нему потянуться, притронуться к руке или плечу. Папа опять смотрел на Джози, но она не казалась мне нездоровой - скорее просто была погружена в свои мысли.

- Дроны никогда не были моей специальностью, - сказал Папа через некоторое время. - Но то, что я вижу, Рик, по-настоящему впечатляет и увлекает. - Потом он обратился к мисс Хелен: - Кто-то форсирован, кто-то нет, но подлинный талант в любом случае должен быть замечен. Если только этот мир не сошел с ума *окончательно*.

- Вы всегда поддерживали меня, подбадривали, мистер Артур, - сказал Рик. - Всегда, с первых же моих шагов в эту сторону. Многие, что вы мне тогда показали, лежит в основе того, что вы тут видите.

- Очень мило с твоей стороны, Рик, но, разумеется, абсолютно незаслуженно. Технология дронов никогда не была моей специальностью, и вряд ли я тебе такую уж большую помощь оказал. Но спасибо за эти слова.

В окно мне сейчас видны были последние Солнечные фигуры дня, падающие на женщин в черных костюмах с галстуками-бабочками, на театральных служащих в жилетках, раздающих программки, на пары в ярких костюмах, на движущихся музыкантов в

толпе с маленькими гитарами, от которых до меня через стекло долетали обрывки музыки.

- Послушай, зверушка. Тебе, может быть, мама что-то сказала такое, из-за чего ты огорчена? Так тихо сидишь, не похоже это на тебя.

- Со мной все хорошо, папа. Я не круглосуточное шоу, понимаешь? Я не могу без конца сверкать огнями. Иногда хочу просто спокойно посидеть.

- Мы очень по вас скучаем, Пол, ну, вы сами знаете, - сказала мисс Хелен. - Сколько, четыре года уже? Глядите, там все больше и больше народу. Когда уже внутрь начнут пускать, интересно. Хорошо, что для транспорта тут закрыто. Куда Крисси пропала? Все еще там, снаружи?

- Я вижу ее, мама. Еще говорит по телефону.

- Я так рада, что она с нами сегодня. С ней намного спокойнее. Она великолепная подруга. И я всем вам необычайно признательна за то, что вы здесь, оказываете поддержку нам с Риком. - Она обвела глазами стол и на меня, как показалось, посмотрела особо. - Я нервничаю, не буду притворяться, что это не так. Пришел, как говорится, наш час. Нервничаю не только из-за Рика, если честно. Говорила я вам, Пол? Человек, с которым у нас встреча, он и я - это была когда-то *страсть*. Не какой-нибудь там уик-энд или пара месяцев, это были годы...

- Мама, пожалуйста...

- Если вам, Пол, представится случай с ним побеседовать, я думаю, вы увидите, что у вас есть кое-что общее. Например, он тоже тяготеет к фашизму. Это всегда у него было, хотя я старалась не замечать...

- Мама, бога ради...

- Стоп, Хелен, нельзя ли полегче? - сказал Папа. - Вы подразумеваете, что я...

- Только из-за того, что вы сейчас говорили, Пол. Про ваше сообщество.

- Нет, Хелен, я не могу это так оставить. Да еще при подростках. То, что я говорил, к фашизму никакого отношения не имеет. У нас нет никаких агрессивных намерений, только самозащита, если возникнет такая необходимость. Там, где живете вы, Хелен, причин для беспокойства пока, наверное, нет, и я искренне надеюсь, что их долго еще не будет. Но там, где живу я, все иначе.

- Тогда почему, папа, ты не уедешь оттуда? Зачем жить в таком месте, где банды и оружие?

Папа, похоже, обрадовался, что Джози наконец вошла в разговор.

- Потому что это мое сообщество, Джози. С ним все отнюдь не так плохо, как кому-то может показаться. Мне в нем нравится. Я живу одной жизнью с некоторыми превосходными людьми, и у большинства из них позади тот же путь, что у меня. Нам всем сейчас стало ясно, что есть много разных способов вести достойную и полную жизнь.

- Ты хочешь сказать, папа, что ты рад, что потерял работу?

- Во многих отношениях, Джози, да, рад. И ты не совсем верно говоришь, что я ее *потерял*. Все это была составная часть перемен. Каждому пришлось искать новые способы жить своей жизнью.

- Простите меня великодушно, Пол, - сказала мисс Хелен, - за то, что я вас и ваших новых друзей обозвала фашистами. Мне не следовало этого делать. Просто ваши слова о том, что вы все белые и все из прежних профессиональных элит... Вы это сказали. И что вам пришлось основательно вооружиться против других *категорий*. Все это и правда звучит чуточку по-фашистски...

- Нет, Хелен, категорически не согласен. Джози знает, что это не так, но мне даже то не нравится, что она слышит это от вас. И не нравится, что Рик это

слышит. Это просто-напросто неправда. Там, где мы живем, есть разные группы, я не отрицаю. Не я это установил, люди разделились естественным образом, вот и все. И если какая-нибудь другая группа не будет нас уважать, нас и все наше, она должна знать, что будет драка.

- Мама сильно не в порядке, - сказал Рик. - Она тревожится, в этом все дело. Уж вы ее извините.

- Не волнуйся, Рик. Твою маму я знаю давно и очень хорошо к ней отношусь.

- Его зовут Вэнс, - сказала мисс Хелен. - Того, с кем мы сегодня встречаемся. Мы с Риком очень вам всем благодарны за то, что вы здесь и морально нас поддерживаете, но дальше нам придется самим. Должна вам сказать, Пол, что было время, когда Вэнс по мне с ума сходил. Рик, мой золотой, пожалуйста, не делай такое лицо. Рик никогда еще с ним не встречался, это было до Рика. Нет, вру, была одна встреча, но она, пожалуй, не считается. Когда, Пол, вы его увидите, вы, смею предположить, удивитесь, что я в нем такого нашла. Но заверяю вас, в свое время он был даже красивей, чем вы. Странно: чем большего успеха он добивался в жизни, тем менее делался красив. Сейчас он богатый и влиятельный человек, а выглядит жутко. И все-таки я постараюсь увидеть за всеми этими складками плоти молодого красавца, которым он был. Интересно, будет ли он смотреть на меня так же.

- Что там снаружи делается, зверушка? Маму видишь?

- Она все еще говорит по телефону.

- Полагаю, сердится на меня. Вряд ли вернется, пока я тут сижу.

Возможно, Папа надеялся, что кто-нибудь ему возразит, но все молчали. Мисс Хелен даже вскинула брови и издала короткий смешок. Потом она сказала:

- Время подходит, Рик, золотой мой. Я думаю, нам пора уже выйти.

Когда я это услышала, меня наполнил страх: я уже не была уверена, что последствия того, что было во дворе, не делаются более выраженными от минуты к минуте и что мое новое состояние не станет, когда я выйду из кафе на незнакомую территорию, очевидным для всех.

- Интересно, - говорила мисс Хелен, - когда Вэнс предложил встретиться у театра, он понимал, что перед спектаклями тут столпотворение? Нам пора выходить. Он может прийти раньше, и толпа собьет его с толку.

Рик положил руку на плечо Джози и тихо спросил:

- Ты уверена, что с тобой все в порядке, Джози?

- Клянусь, все со мной хорошо. Так что иди и постарайся, Рикки, голубчик. Вот чего я больше всего хочу.

- Правильные слова, - сказал Папа. - И не забывай: ты талантлив. Что ж, может быть, нам всем пора уходить.

Он поднялся на ноги, его взгляд при этом упал на меня, и он всмотрелся в меня пристальней, чем было бы естественно. Я мгновенно обеспокоилась, что другие могут заметить неладное; надрез, правда, был надежно спрятан у меня под волосами. Потом Папа вновь перевел взгляд на Джози.

- Зверушка, тебя нужно отвезти обратно. Давай-ка найдем твою маму.

* * *

Когда мы вышли из суши-кафе, Солнце творило Свои последние фигуры на тот день, и я простилась даже с крохотной надеждой, что Оно пошлет Свою особую помощь за оставшееся короткое время. Мне теперь без

помех слышны были голоса театральных людей и музыка, и я заметила, что фонарь перед входом в театр становится для них главным источником света. Какое-то время я думала, что театральные люди, условившись обо всем заранее, собираются вокруг фонаря в круг, но потом их фигура распалась, и я увидела, что толпа меняет свои очертания бессистемно.

Папа и мисс Хелен, идя к толпе, были на несколько шагов впереди меня, а Рик и Джози шли за мной, так близко, что, если бы мне пришлось внезапно остановиться, они натолкнулись бы на меня. Я услышала, как Джози сказала:

- Нет, Рик, позже. Я тебе потом расскажу. Бывают дни, когда мама чудит, вот и все пока на этом.

- Но что она сказала? Что происходит?

- Послушай, Рикки, не это сейчас важно. Важна твоя встреча с этим, с кем вы договорились, и что ты ему скажешь.

- Но я вижу, ты расстроена...

- Я не расстроена, Рикки. Но я *буду* расстроена, абсолютно расстроена, если ты не постарайся изо всех сил и не покажешь ему себя как следует. Вот что важно. Важно для тебя и важно для *нас*.

Я думала, что театральные люди, когда я стану смотреть на них не через стекло, будут видны более отчетливо. Но вот я оказалась среди них, и их тела сделались упрощенными, словно бы составленными из гладких картонных конусов и цилиндров. Их одежда, к примеру, была лишена обычных морщин и складок, и даже лица под фонарем казались сотворенными искусным соединением плоских фрагментов в сложные формы, создающие впечатление контуров.

Мы дошли до такого места, где шум был со всех сторон. В какой-то момент я остановилась и потянулась рукой назад, ища руку Джози, но ее за мной уже не было. И хоть я и услышала, как она говорит Рикку: «Вон

там моя мама, видишь?» – когда я повернулась на голос, то увидела не Джози и не Рика, а чей-то гладкий лоб, надвигающийся на мое лицо. Кто-то толкнул меня в спину, впрочем, не злобно, а потом я услышала Папу и, повернувшись опять, увидела его и мисс Хелен, стоящих около незнакомого локтя. Папа говорил:

– Я не хотел этого высказывать там, перед детьми. Но, Хелен, послушайте. Называете меня фашистом? На здоровье. Называйте кем хотите. Но я не уверен, что там, где вы сейчас живете, все и дальше будет так безмятежно. Вы слышали, что случилось вот в этом самом городе на той неделе? Я не говорю, что вы прямо сейчас в опасности, но надо думать загодя. Когда я заговариваю об этом с Крисси, она просто пожимает плечами. Но вам надо про это думать. Думайте загодя и насчет Рика, и насчет себя.

– Так я и думаю загодя, Пол. Что, по-вашему, мы тут сегодня делаем? Зачем, по-вашему, я кручу-верчу головой, чтобы не пропустить моего бывшего, давно уже бывшего возлюбленного? Я думаю загодя, и я планирую, и если я правильно думаю и планирую, то Рик скоро окажется в другом месте. И, надеюсь, не в каком бы то ни было сообществе, которое возвело вокруг себя баррикады и вооружается. Я Рика на успех нацеливаю, и для этого мне нужна помощь Вэнса. Ну куда же он подевался? Неужели перепутал театры?

– Рик вырос в замечательного юношу. Надеюсь, он сумеет проложить себе дорогу через этот кошмар, который его поколение получает от нас в наследство. Но если, Хелен, ваши или его дела пойдут неважно, непременно со мной свяжитесь. Я найду вам обоим место в нашем сообществе.

– Очень мило с вашей стороны, Пол. И простите великодушно, если я была с вами груба. Вас, может быть, это удивит, но я, в сущности, не злюсь на то, к чему мы все пришли. Если один подросток способнее

другого, только справедливо, что более талантливый получит возможности. Но и ответственность на него ляжет. Согласна. Но с чем я не согласна – это что Рика не пускают в достойную жизнь. Отказываюсь смириться с такой жестокостью нашего мира. Рик не был форсирован, но он может далеко пойти, добиться больших успехов.

– Я желаю ему всего самого лучшего. Я только хочу сказать, что есть разные способы вести успешную жизнь.

Вокруг меня мелькали и толклись многие лица, но сейчас перед другими возникло одно новое, оно придвигалось все ближе, пока почти не прикоснулось к моему. Только тогда я узнала Рика, и у меня вырвался удивленный возглас.

– Клара, ты не в курсе, что с Джози такое? – спросил он. – Что-нибудь случилось?

– Я не знаю, о чем был у нее разговор с Мамой, – сказала я. – Но у меня очень хорошая новость. Дело, которое было мне поручено, когда ты в тот вечер помог мне добраться до сарая мистера Макбейна. Оно теперь сделано. Я очень хотела это совершить, но долго не могла понять как. Да, Рик, это дело сделано.

– Чудесно. Правда, не уверен, что понимаю, о чем ты говоришь.

– Не могу пока объяснить. И мне пришлось кое-что отдать. Но это пустяки, потому что теперь у нас опять есть надежда.

Новые конусы и цилиндры – или то, что выглядело как их фрагменты, – втискивались во все пустые места, какие были вокруг меня. Потом мне стало понятно, что один из этих фрагментов, вдвинувшийся на место Рика, – на самом деле Джози. Как только я ее узнала, она стала видна более отчетливо, и дальше я без труда удерживала ее в уме.

- Послушай, Клара, это Синди. Она официантка, обслуживала наш стол. Она знает про твой магазин.

Я ощутила чье-то прикосновение к руке, и раздался возглас: «Я просто *влюблена* была в твой магазин!» Я повернулась на голос и увидела две высокие трубы, верхняя была вставлена в нижнюю и слегка наклонена в мою сторону. Когда я улыбнулась и сказала трубам: «Здравствуйте!», - они продолжили:

- Я сказала твоей хозяйке. Я шла мимо в прошлые выходные, и там теперь мебель и всякое такое. Послушай, ты знаешь, я ведь точно помню, что видела тебя там в витрине.

- Клара хочет узнать, куда они переехали. Ты не знаешь, Синди?

- О... Я не уверена, что они *переехали*...

Кто-то потянул меня за руку, но передо мной теперь было столько фрагментов, что они выглядели как твердая стена. И я заподозрила, что многие из этих форм даже не трехмерные, что они изображены на плоскостях с использованием изоцрэнной оттеняющей техники, создающей иллюзию круглости и глубины. Потом я поняла, что фигура, которая возникла рядом со мной и уводила меня, Мамина. Мама говорила почти в самое мое ухо:

- Клара, сегодня много всего прозвучало, я знаю. Я про наш разговор там, в машине. Но ты должна понимать, я думала о трех или четырех вещах одновременно. Я одно хочу сказать: не воспринимай слишком серьезно то, что услышала. Понимаешь меня?

- Вы имеете в виду - когда мы были в машине вдвоем? Когда стояли у моста?

- Да, именно тогда. Я не говорю, что мы идем на попятный в чем бы то ни было. Но я просто хочу, чтобы ты знала, хорошо? Боже мой, как все запуталось. А от Пола помощи никакой. Посмотри на него. Что он сейчас ей втолковывает?

Недалеко от нас Папа наклонился вперед, так что его лицо приблизилось к лицу Джози, и что-то серьезно ей говорил.

- Он такое несет последнее время, - сказала Мама и двинулась было к ним. Но ее остановила рука, которая высунулась из толпы и взяла ее за запястье.

- Крисси, - произнес голос мисс Хелен, - оставь их еще хоть на минуту одних. Они не так много времени сейчас проводят вместе.

- Полу, мне кажется, пора уже прекращать на сегодня делиться мудростью собственного изготовления, - сказала Мама. - Смотри теперь. Они ссорятся.

- Они не ссорятся, Крисси. Заверяю тебя. Дай им спокойно поговорить.

- Хелен, мне не нужен интерпретатор в твоем лице. Я пока еще могу улавливать, что происходит с моей дочерью и моим мужем.

- С *бывшим* мужем, Крисси. А бывшие - попробуй их пойми, я прямо сейчас в этом лишней раз убеждаюсь. Вэнс божился, что не заставит нас ждать, а вот поди ж ты. Мы не были женаты, как вы с Полом, поэтому горькое послевкусие немножко другое. Но не надо этого недооценивать, Крисси. Я последний раз его видела четырнадцать лет назад, да и то мимолетно, случай свел. Неужели мы могли не узнать друг друга в этой толпе, пройти мимо?

- Тебе не жаль, Хелен? - вдруг спросила Мама. - Ну, ты понимаешь. Не жаль тебе? Что не форсировала Рика.

Несколько секунд мисс Хелен продолжала смотреть в ту сторону, где разговаривали друг с другом Папа и Джози. Потом сказала:

- Да. Если честно, Крисси, ответ - да. Жаль. Даже после того, как я увидела, чем это обернулось для вас. Я чувствую... чувствую, что не все для него сделала. Мне кажется, я даже не обдумала это толком, как вы с

Полом. Я где-то витала, а потом момент был упущен. Наверное, я больше всего сожалею именно об этом. О том, что недостаточно его любила, чтобы решить ответственно, каким бы ни было решение.

- Ничего. - Мама положила на плечо мисс Хелен ласковую ладонь. - Ничего. Трудно, я знаю.

- Но сейчас я делаю все, что в моих силах. Сейчас стараюсь для него как могу. Только бы появился Былой Возлюбленный. О! Вон он. Вэнс! Вэнс! Извини, Крисси...

- Не подпишете ли вы нашу петицию?

У мужчины, который возник перед Мамой, было выбеленное лицо и черные волосы. Мама сделала быстрый шаг назад, как будто побелка с лица могла попасть на нее, и спросила:

- О чем это?

- Мы протестуем против предложения очистить Оксфорд-билдинг. Там на данный момент живут четыреста двадцать три человека - люди, утратившие работу, и члены их семей, в том числе восемьдесят шесть детей. Ни «Лексделл», ни город не предложили никакого внятного плана их перемещения.

Что черно-белый человек сказал Маме дальше, я не услышала, потому что Папа, подойдя и встав передо мной, заговорил с ней:

- Крисси, что, черт возьми, такое наша дочь от тебя узнала? - Он говорил негромко, но тон был раздраженный. - Она очень странно себя ведет. Ты что, *рассказала* ей?

- Нет, Пол, нет. - В Мамином голосе была не свойственная ему неуверенность. - Во всяком случае не... не *всё*.

- Значит, что-то все-таки...

- Мы просто говорили про портрет, и только. Невозможно все от нее скрывать. Она многое подозревает, и если ни о чем с ней не разговаривать, мы потеряем ее доверие.

- Ты рассказала ей про *портрет*?

- Я только сказала, что это не картина. Что это скульптура своего рода. Она помнит, конечно, посмертную куклу Сал...

- Боже мой, я думал, мы договорились...

- Джози не малое дитя, Пол. Она в состоянии доходить до чего-то своим умом. И она по праву ждет от нас честного разговора...

- Рик! - Я узнала голос мисс Хелен, прозвучавший у меня за спиной. - Рик! Иди сюда! Вэнс тут, я его нашла. Подойди, поздоровайся. О, Крисси, я хочу тебя познакомить с Вэнсом. С моим дорогим старинным другом. Вот он.

На мистере Вэнсе был костюм хорошего уровня, под ним застегнутая доверху белая рубашка и синий галстук. Он был лысый, как мистер Капальди, и меньше ростом, чем мисс Хелен. Он озадаченно озирался по сторонам.

- Здравствуйте, очень приятно познакомиться, - сказал он Маме. Потом обратился к мисс Хелен: - Что тут, собственно, происходит? Все идут на этот спектакль?

- Мы с Риком тебя тут ждали, Вэнс. В точности как ты сказал. Как чудесно увидеть тебя снова! Ты почти не изменился.

- Ты тоже очень хорошо выглядишь, Хелен. Но что тут делается такое? Где твой сын?

- Рикки! Иди же сюда!

Теперь я увидела Рика, он стоял немного поодаль и поднял руку в ответ. Потом начал двигаться к нам сквозь фрагменты. Я не могла определить, понял ли мистер Вэнс, который смотрел в правильную сторону, что это Рик. Так или иначе, в этот момент подошел театральный служитель в жилетке и встал между мистером Вэнсом и приближающимся Риком.

- У вас еще нет билета на спектакль? - спросил театральный служитель. - А если есть, то, может быть, хотите более удобные места?

Мистер Вэнс смотрел на него, ничего не отвечая. Рик прошел мимо театрального служителя, и тогда мистер Вэнс сказал:

- О! Это твой мальчик? Выглядит потрясающе.

- Спасибо, Вэнс, - тихо промолвила мисс Хелен.

- Здравствуйте, сэр, - сказал Рик, и его улыбка была похожа на ту, какой он улыбался, здороваясь со взрослыми в день социализации у Джози.

- Привет, Рик. Меня зовут Вэнс. Я старый-старый друг твоей мамы. Я столько всего про тебя слышал.

- Очень мило с вашей стороны, сэр, что вы согласились с нами встретиться.

- Так *вот* ты где!

Пространство передо мной вдруг наполнила Джози. Рядом с ней была девушка восемнадцати лет - я поняла, что это Синди, официантка, вид у нее теперь был куда менее упрощенный.

- Да, я не думаю, что твой магазин куда-то *переехал*, - сказала Синди. - Но в «Делэнсиз» открылся новый магазин, и туда, может быть, отправили некоторых ИД и ИП из твоего старого.

- Прошу прощения. - Дама в синем платье хорошего уровня - возраст я оценила в сорок шесть лет - подошла и встала передо мной, но лицом к Джози и Синди. - Мы хотели бы узнать, не собираетесь ли вы вести эту машину в театр.

- Так, а если бы собирались, то при чем тут вы? - спросила Синди.

- На эти места много желающих, - сказала дама. - Их не должны занимать машины. Если вы поведете в театр эту машину, мы будем жаловаться.

- Не понимаю, какое вам до этого может быть дело...

- Все хорошо, - сказала Джози. - Клара не идет на спектакль, и я тоже не иду...

- Это к делу не относится, - сказала Синди. - До чего же бесит. - Потом даме: - Я вас не знаю! Кто вы вообще? Подходите и так разговариваете...

- Так это твоя машина? - обратилась дама к Джози.

- Клара моя ИП, если вас это интересует.

- Сначала они забирают рабочие места. Потом места в театре.

- Клара! - Папа придвинул лицо к моему. - Ты как себя чувствуешь, ничего?

- Да, все нормально.

- Уверена?

- Может быть, была слегка дезориентирована чуть раньше. Но сейчас все в порядке.

- Хорошо. Послушай, я совсем недолго еще смогу здесь пробыть. Может быть, объяснишь мне сейчас? Что, собственно, мы там сделали? И на какой результат можем надеяться?

- Мистер Пол оказал мне доверие, и это было замечательно. К сожалению, как я уже говорила, я не могу сказать вам больше, потому что боюсь поставить под удар то, чего мы достигли. Но я верю, что теперь есть реальная надежда. Пожалуйста, потерпите и дождитесь хороших новостей.

- Ладно, пусть будет по-твоему. Я загляну в квартиру утром, чтобы попрощаться с Джози. Тогда, наверное, и увидимся.

Где-то позади меня прозвучал голос Мамы:

- Давай там, в квартире, об этом поговорим. Мы не можем здесь.

- Но я только это и хотела сказать, - услышала я голос Джози. - Я категорически против того, чтобы ты ее заперла, как комнату Сал. Я хочу, чтобы Клара получила мою комнату в единоличное пользование и могла уходить и приходить, когда ей вздумается.

- Но зачем нам вообще это обсуждать? Ты поправишься, дружочек. Не надо ни о чем таком думать...

- О, Клара, вот вы где. - Около меня появилась мисс Хелен. - Клара, послушайте, я только что переговорила с Крисси. Вы сейчас идете с нами.

- С вами?

- Крисси хочет отвезти Джози обратно в квартиру и спокойно с ней побеседовать с глазу на глаз. Поэтому вы сейчас с нами. Крисси приедет и заберет вас через полчаса. - Она наклонилась к моему уху и тихо заговорила: - Вы видите? Рик и Вэнс отлично друг с другом поладили! И все равно, моя милая, Рик будет вам очень благодарен, если вы его поддержите своим присутствием, пока он будет это претерпевать. Все-таки это может оказаться испытанием.

- Да, конечно. Но Мама...

- Она приедет и заберет вас без опоздания, не волнуйтесь. Ей всего-навсего нужны несколько минут наедине с Джози.

- Чего я больше всего хочу, - сказал мистер Вэнс со смехом, подходя к нам, - это чтобы мы выбрались из этой давки. Вон там, я вижу, закусочная. Выглядит неплохо. Просто чтобы сесть, посмотреть друг на друга и поговорить.

Меня обхватили руки, и я поняла, что это Джози заключила меня в объятия - примерно так же, как в тот день в магазине, когда было принято большое решение. Но на этот раз она заговорила мне на ухо, так что никто, кроме меня, не слышал:

- Не беспокойся. Я ни за что не дам ничего плохого с тобой сделать. Я поговорю с мамой. А сейчас иди с Риком. Верь мне.

Потом она отпустила меня, и мисс Хелен мягко потянула меня за руку.

- Пойдемте, Клара, милая моя.

Мы покинули театральную толпу, мистер Вэнс двинулся впереди нас к закусочной, и мисс Хелен пошла торопливыми шагами, чтобы его нагнать. Мы с Риком следовали за взрослыми в нескольких шагах, и, погружаясь в пустоту и прохладный воздух, я чувствовала, что дезориентация проходит. Я оглянулась, и меня удивило, до чего темна и тиха на самом деле улица, помимо единственного плотного скопления людей вокруг фонаря. По правде говоря, когда мы отошли еще немного подальше, эта толпа, частью которой я только что была, показалась мне похожей на облачко насекомых. Такие облачка, я помнила, висели, колыхаясь, над вечерним полем на фоне неба: каждое крохотное существо в них суетливо перемещалось, стремясь найти положение получше, но никогда не вылетало за пределы объема, который они занимали вместе. Я увидела Джози – она стояла на краю толпы с озадаченным лицом и махала рукой, а Мама, стоя за ней и положив ладони ей на плечи, смотрела на нас пустыми глазами.

* * *

Темнота делалась гуще, звуки театральной толпы слабели, но я знала, что мое зрительное восприятие не очень сильно пострадало: я все время отчетливо видела перед собой освещенную закусочную, к которой мы шли. Мне видно было, что она имеет форму куска пирога острием в нашу сторону, и улица там разветвлялась, так что окна закусочной шли вдоль обоих расходившихся тротуаров и, по какому бы из них прохожий ни двинулся, он все равно мог заглянуть в светлое помещение, где были блестящие кожаные сиденья, гладкие столы и яркий прозрачный прилавок,

за которым ждал посетителей менеджер закуской в белом фартуке и белом колпаке.

На улице не было машин, и вокруг стояли очень темные здания, поэтому закусочная была здесь единственным источником света – он косыми фигурами ложился на камни тротуара. Мне стало любопытно, какую сторону, дойдя до развилки, выберет мистер Вэнс, но, когда мы приблизились, я увидела дверь прямо на острие угла. Я только потому, вероятно, не заметила ее раньше, что дверь была очень похожа на окна закусочной: тоже большей частью из стекла, и на нее были краской нанесены надписи. Мистер Вэнс открыл дверь и отступил в сторону, пропуская мисс Хелен.

Войдя несколькими секундами позже следом за Риком, я попала под такой яркий и желтый свет, что не сразу приспособилась. Только постепенно мне сделались видны куски фруктового пирога такой же формы, как сама закусочная, разложенные под прозрачным прилавком, и Менеджер Закусочной – большой чернокожий мужчина, который стоял за ним совсем неподвижно, не поворачивая ко мне лица. Чуть погодя мне стало понятно, что он смотрит на мистера Вэнса и мисс Хелен – они выбирали отсек и усаживались в нем друг напротив друга.

Я увидела фигуру Рика, он прошел по блестящему полу и сел рядом с матерью. Пока я на него смотрела, ко мне вернулись слова, которые Джози сказала на прощание, и я задалась вопросом, о чем важном Мама захотела поговорить с ней в Квартире Подруги и почему понадобилось, чтобы меня при этом не было.

Мисс Хелен и мистер Вэнс все время, пока я к ним шла, продолжали молча смотреть друг на друга. Я чувствовала, что не так хорошо знакома с мистером Вэнсом, чтобы сесть рядом с ним. Кроме того, он устроился посередине сиденья, предназначенного для

двоих, и я видела, что не смогу к нему подсесть, не создав ему неудобства. Поэтому я села одна в отсеке через проход.

Мистер Вэнс наконец перестал смотреть на мисс Хелен и, повернувшись на сиденье, начал громко давать распоряжения Менеджеру Закусочной. Только тогда я обратила внимание, что, хотя посетителей, кроме нас, нет, все столы и сиденья тщательно подготовлены на случай, если кто-нибудь придет. И я подумала, что этому Менеджеру Закусочной, наверное, одиноко или по крайней мере было одиноко в его заведении, освещенном на обе стороны для всех, кто идет мимо в темноте.

- Сэр, - сказал Рик. - Я вам очень благодарен за то, что уделяете мне время. И за то, что хотя бы рассматриваете возможность помочь.

- Ты знаешь, Рик, - мечтательно промолвил мистер Вэнс, - я ведь маму твою не видел бог знает сколько лет.

- Понимаю, сэр. А меня вы вообще не видели, только один раз мельком, когда мне было два, кажется. Очень благородно с вашей стороны, что вы, несмотря на это, согласились со мной встретиться. Но мама всегда мне говорила, что вы благородный человек.

- Я рад, что твоя мама хорошо обо мне отзывалась. Испытываю облегчение. Но, может быть, она и о парочке отрицательных качеств упомянула?

- Нет-нет. Мама всегда говорила о вас только хорошее.

- Да что ты говоришь! А я все эти годы думал... Ладно, не будем. Хелен, твой мальчик уже произвел на меня впечатление.

Мисс Хелен все это время внимательно смотрела на мистера Вэнса.

- Я не буду долго распространяться, Вэнс, о том, до чего я тоже тебе благодарна. Я бы сказала тебе спасибо

более развернуто, но сегодня Рик на первых ролях, и я не хочу говорить за него.

- Хорошо сказано, Хелен. Ну так что же, Рик. Не введешь меня в курс дела?

- Не знаю точно, с чего лучше начать, но, словом, вот. Меня очень интересует технология дронов. Можно назвать это страстью. Я разрабатывал свою собственную систему, и у меня сейчас есть моя собственная стая дронов-птиц...

- Одну секунду, Рик. Когда ты говоришь про свою собственную систему, ты имеешь в виду, что продвинулся дальше, чем все остальные?

По лицу Рика прошла волна паники, и он посмотрел на меня. Я улыбнулась ему, стараясь показать при этом, что улыбка не только моя, что через меня ему улыбается и Джози. Не знаю, понял он это или нет, но, похоже, ободрился.

- Нет, сэръ, что вы, - сказал он с быстрым смешком. - Куда мне, я же не гений. Но могу сказать, что эту свою систему, систему дронов, придумал сам, безо всяких наставников. Использовал разные источники, разную информацию, какую находил в Сети. И мама очень помогла, заказала кое-какие дорогие книги. Вообще-то я принес некоторые рисунки, вдруг вы захотите составить представление. Вот. Но нет, я не думаю, что делаю что-нибудь революционное, я знаю, что такого и не может быть без профессионального руководства.

- Понимаю ход твоей мысли. Итак, сейчас твоя цель - поступить в хороший колледж. Чтобы дать должное развитие твоему таланту.

- Пожалуй, да, что-то в этом роде. Мы с мамой подумали, что, может быть, Атлас Брукингс, который славится благородным либерализмом...

- Либерализмом достаточно благородным, чтобы двери колледжа были открыты для всех учащихся с

хорошими данными, пусть даже они в некоторых случаях не прошли генное редактирование.

- Именно так, сэр.

- И, без сомнения, Рик, ты знаешь от своей мамы, что я в настоящее время возглавляю в колледже комитет учредителей. Орган, который контролирует предоставление стипендий.

- Да, сэр. Она мне сказала.

- Теперь так, Рик. Я надеюсь, твоя мама не имела в виду, что отбор учащихся в Атлас Брукингс подвержен протекционизму в каком бы то ни было виде?

- Ни мама, ни я не стали бы просить вас о такой помощи, сэр, о протекционистской. Я только прошу вас помочь мне в том случае, если вы сочтете, что я достоин места в Атлас Брукингс.

- Хорошо сказано. Ладно, давай посмотрим, что у тебя тут есть.

Рик уже положил на стол свой блокнот, и мистер Вэнс теперь его открыл. Он всмотрелся в чертеж, на котором блокнот открылся, затем перевернул страницу, увидел другой чертеж и, судя по выражению лица, заинтересовался. Он медленно листал блокнот дальше, иногда возвращался назад. Один раз пробормотал, не отрывая взгляда от страницы:

- Все это ты планируешь осуществить в будущем?

- Большею частью да. Но кое-какие наметки я уже реализовал. Например, те, что на следующей странице.

Мисс Хелен смотрела молча, с ее лица не сходила мягкая улыбка, взгляд перемещался между мистером Вэнсом и блокнотом Рика. В этот момент я снова почувствовала, мимолетно, но живо, руку Папы, которая держала мою голову под нужным углом, и услышала журчание жидкости, стекавшей в пластиковую бутылку, которую он другой рукой поднес к моему лицу.

- Теперь вот что, Рик, - сказал мистер Вэнс. - Я мало что смыслю в этих вещах. И все же у меня создается

впечатление, что у твоих дронов большие возможности по части слежки.

- Мои птицы могут собирать данные, это правда. Но из этого не обязательно следует, что они должны использоваться для вторжений в частную жизнь. Их можно будет применять многими способами. Безопасность, даже присмотр за маленькими детьми. И к тому же наверняка есть люди, за которыми нужно вести наблюдение.

- Ты имеешь в виду, например, преступников.

- Или военизированные группировки. Или сектантов.

- Понимаю. Да, все это очень интересно. Никаких существенных этических проблем ты тут не усматриваешь?

- Безусловно, сэр, тут возникает много этических проблем. Но по большому счету это дело законодателей, а не таких, как я, - регулировать все эти вещи. Пока что я просто хочу научиться как можно большему, поднять свое понимание на новый уровень.

- Хорошо сказано.

Мистер Вэнс кивнул и стал просматривать блокнот дальше.

Подошел одинокий Менеджер Закусочной с подносом и начал расставлять на столе питье перед мисс Хелен, мистером Вэнсом и Риком. Все поблагодарили его вполголоса, и он отошел обратно.

- Пойми вот что, Рик, - сказал мистер Вэнс. - Я не пытаюсь тут допрашивать тебя с пристрастием. Я просто, ну, немножко тебя проверяю, чтобы увидеть, из чего ты сделан. - Он обратился к мисс Хелен: - И пока он производит очень хорошее впечатление.

- Вэнс, дорогой. А не хочешь ли чего-нибудь к этой чашке кофе? Я вижу там пончики - может быть, пончик? Ты всегда был к ним неравнодушен.

- Спасибо, Хелен, но у меня впереди совместный ужин кое с какими людьми. - Он посмотрел на часы,

потом опять на Рика. – Теперь, Рик, послушай меня. Атлас Брукингс понимает, что есть много талантливых юношей и девушек, таких как ты, которые по экономическим или иным причинам не прошли ГР и лишены соответствующих преимуществ. Колледж, кроме того, считает, что нынешнее общество грубо ошибается, не позволяя этим талантам развиваться сполна. К сожалению, большинство других образовательных учреждений считает иначе. Поэтому количество заявлений, которые мы получаем от абитуриентов вроде тебя, во много раз превышает наши возможности. Слабых мы отсеиваем, но после этого, честно говоря, возникает лотерея. Ну так вот, Рик. Ты только что сказал, что тебе не нужен протекционизм. Тогда позволь мне тебя спросить. Если это действительно так, то *почему я сижу перед тобой сейчас?*

На этих словах настроение мистера Вэнса изменилось так резко, что я от удивления едва не вскрикнула. Рик тоже, казалось, опешил. Только мисс Хелен не выглядела удивленной, как будто случилось наконец то, чего она все время ждала. Она улыбнулась и сказала:

– На этот вопрос лучше я за него отвечу, Вэнс. Да, мы просим тебя об одолжении. О протекции. Мы знаем, что у тебя есть такая возможность. Поэтому просим тебя помочь. Скажу иначе. *Я* тебя прошу. Я прошу тебя дать моему мальчику шанс побороться за себя в этом мире.

– Мама...

– Нет, Рикки, золотой мой, это так. Не тебе просить Вэнса, мне его просить. И мы просим его не о чем ином, как о протекции. Конечно, именно о ней.

Я неправильно думала, что мы у Менеджера Закусочной единственные посетители. Теперь я увидела за три отсека от себя даму сорока двух лет,

которая сидела там одна. Я не заметила ее раньше, потому что она прижалась к самому окну и смотрела в наружную темноту, касаясь лбом стекла. У меня возникла мысль, что, может быть, Менеджер Закусочной тоже ее не заметил, а она думает, что он нарочно ею пренебрегает, и оттого чувствует себя еще более одинокой.

- Ты знаешь, Хелен, - сказал мистер Вэнс, - странную тактику ты сейчас используешь. Протекционизм, как и любые прочие виды коррупции, работает лучше всего, когда о нем не говорят открыто. Но оставим это пока. - Мистер Вэнс наклонился вперед. - Когда я думал, что меня просит Рик, это было одно. Он впечатляющий, обаятельный парень. Все шло как надо. Но смотри, что ты сейчас сделала. Ты только что сказала мне, что просишь сделать тебе - тебе, Хелен, - одолжение. После всех этих лет. После всех моих безответных посланий - год за годом. После всех минут, часов, дней, месяцев и лет, когда я думал о тебе.

- Об этом непременно надо было здесь говорить? При Рике?

Мисс Хелен все еще мягко улыбалась, но ее голос стал нетвердым.

- Рик умный молодой человек, - сказал мистер Вэнс. - Итогом всего будет именно его выигрыш или проигрыш. Ну так зачем скрывать от него что бы то ни было? Пусть видит всю картину. Пусть видит подоплеку.

Вновь Рик посмотрел на меня через проход, и вновь я постаралась улыбкой послать ему ободрение - и от себя, и от Джози.

- И какая же тут подоплека, Вэнс? - спросила мисс Хелен. - Что, все действительно так сложно? Я просто прошу тебя помочь моему сыну. Если ты не хочешь, мы можем вежливо расстаться и поставить точку.

- Кто сказал, что я не хочу помочь Рикку? Я вижу, что он талантливый юноша. Эти рисунки говорят о хороших

задатках. Есть все основания думать, что он может успешно учиться в Атлас Брукингс. Проблема в том, что это *ты* меня просишь, Хелен.

- Значит, мне следовало молчать. Пока я не заговорила, все шло гладко. Я видела, что вы расположились друг к другу, и Рик обращался к тебе с искренним уважением. Но потом я вмешалась, и все пошло наперекосяк.

- Именно что наперекосяк, черт возьми. Двадцать семь лет, Хелен, все идет наперекосяк. Двадцать семь лет ты отказываешься со мной знаться. Я не донимал твою маму домогательствами, Рик, все эти годы. Я не хочу, чтобы ты так думал. Первое время я был, ну, скажем так, охвачен эмоциями, и это, наверное, сказывалось на тоне. Но я никогда ее не мучил домогательствами, не угрожал, не винил. Только умолял. Это так, Хелен? Соответствует действительности?

- Вполне соответствует. Ты был настойчив, но ничего неприятного никогда себе не позволял. Но, Вэнс, надо ли об этом говорить при Рике?

- Хорошо. Пусть так. Может быть, мне следует умолкнуть. Может быть, настало время тебе взять слово, Хелен?

- Сэр? Я не знаю, что было в прошлом. Но если вы видите что-то неподобающее в нашей просьбе...

- погоди, Рик, - сказал мистер Вэнс. - Я хочу тебе помочь. Но пора, я думаю, дать твоей маме возможность объясниться.

Несколько секунд все молчали. Я поглядела на Менеджера Закусочной, желая понять, слушал ли он, но он смотрел в темноту за окнами, и по нему не было видно, что он воспринял что-либо интересное для себя.

- Признаю, - сказала мисс Хелен, - что дурно вела себя по отношению к тебе, Вэнс. Согласна. Но я дурно вела себя и по отношению к себе, вообще ко всем на

свете. Ты не должен чувствовать себя выделенным. Моя скверность была повсеместной.

- Возможно. Но я не был всеми на свете. Мы пять лет пробыли вместе...

- Да. Я очень перед тобой виновата. Иногда, Вэнс, - я и тебе, Рик, готова это сказать - иногда, часто, мне хочется, чтобы все, с кем я обошлась погано, чтобы все эти люди встали в длинную очередь. И я бы двинулась вдоль нее, знаете, как королева могла бы идти. Одному за другим жала бы руку, одному за другим заглядывала бы в глаза и говорила: мне так стыдно, прости меня, я жутко себя вела.

- Фантастика. Теперь мне, выходит, надо в очередь встать. Чтобы королева оказала мне честь, попросив у меня извинения.

- О господи, я неудачно сказала. Я только пытаюсь объяснить, что... что я чувствую. Я понимаю, это чудовищно звучит, можно так истолковать. Но когда оглядываюсь на все, на прошлое, это просто неподъемно, и думаю: вот бы нашлось какое-нибудь решение наподобие такого. Была бы я королевой, тогда да, может быть...

- Мама, послушай, я понимаю, что ты хочешь сказать. Но это, наверное, не лучший способ...

- Когда-то, Хелен, ты *была* королевой своего рода. Блистательной королевой. И считала, что можешь безнаказанно делать все, что тебе вздумается. Отчасти я опечален сейчас, но и рад отчасти. Рад тому, что с рук тебе все это не сошло. Рад, что аукнулось, что пришлось в конце концов расплатиться.

- И чем же я, по-твоему, расплатилась, Вэнс? Ты считаешь, бедностью? Против бедности, знаешь ли, я не так уж сильно возражаю.

- Ты можешь не возражать против бедности, Хелен. Но ты стала немощна. И это, я думаю, огорчает тебя куда больше.

Мисс Хелен промолчала еще несколько секунд, а мистер Вэнс тем временем продолжал смотреть на нее большими глазами. Наконец она сказала:

- Да. Ты прав. По сравнению с тем, какой ты меня знал, я сделалась... немощна. До того немощна, что дунет ветер - и рассыплюсь на части. Не годы забрали у меня блеск и красоту, а эта немощь. Но, Вэнс, милый Вэнс. Пожалуйста, прости меня сейчас хотя бы отчасти. Пожалуйста, помоги моему сыну. Вэнс, я бы все тебе отдала, что угодно, но думаю и не нахожу, что бы я могла тебе предложить. Мне нечего тебе предложить, кроме этой мольбы. Поэтому умоляю тебя, Вэнс, помоги ему.

- Мама, прекрати, очень тебя прошу. Нельзя...

- Ты видишь, Рик, мое затруднение, - сказал мистер Вэнс. - Я не вполне понимаю, что твоя мама сейчас имеет в виду. Она говорит, что хочет попросить прощения, но за что? Это звучит очень широко. Мне кажется, Хелен, что дело может пойти лучше, если мы перейдем к чему-то конкретному.

- Я просто прошу тебя помочь моему сыну, Вэнс. Что может быть конкретнее?

- К чему-то конкретному, Хелен. Например, тот вечер у Майлза Мартина. Ты знаешь, про какой вечер я говорю.

- Да, да. Когда я всем сказала, что ты еще не читал отчет Дженкинса... [\[1\]](#)

- Ты заработала этим большой общий хохот за мой счет, Хелен. И знала, что творишь...

- Тогда, Вэнс, прости меня за тот вечер. Я себя не контролировала, мстила, злая была. Мне жаль теперь...

- Еще кое-что конкретное. Не по порядку, выхватываю из списка случайным образом. То, что ты мне тогда оставила в голосовой почте в отеле.

Портленд, штат Орегон. Думаешь, ты мне не сделала больно?

- Я сделала тебе очень больно. Это было отвратительное послание, и я его не забыла. Я... Оно звучит у меня в голове по сей день, лезет в меня, когда я меньше всего этого жду. Бывает, случится тихая минута, я одна - и нá тебе, хватаю мысленно трубку и оставляю опять это сообщение, правда, на этот раз я его изменяю. Редактирую, чтобы звучало не так ужасно. Из-за того, что я, по сути, не слышала его сама, только себя слышала, пока произносила, мне иногда кажется, что еще не поздно его исправить. Ничего не могу с этим поделать, мой ум так чудит, а потом я опять жутко себя чувствую. Поверь мне, Вэнс, я так себя корила, так себя наказывала за это сообщение. И учти, что в то время я не знала, как технически стереть сообщение, когда оно послано...

- Мама, хватит. Сэр? Я не думаю, что моей маме это очень полезно. Она последнее время была в отличной форме, но...

Мисс Хелен тронула Рика за руку, и он замолчал.

- Вэнс, прошу у тебя прощения, - продолжила она. - Молю о прощении. Да, я плохо с тобой обращалась, и, если хочешь, я дам тебе клятву, что буду себя наказывать, долго буду наказывать, пока не заглажу вину.

- Мама, пойдем отсюда. Тебе вредно так.

- Если хочешь, Вэнс, можно будет договориться и еще раз встретиться. Скажем, через два года в этом же месте. Ты сможешь проверить, как я исполняю свое обещание. Посмотришь на меня и увидишь, хорошо ли я себя наказывала...

- Довольно, Хелен. Если бы тут не было Рика, я бы тебе сказал, что я об этом думаю.

- Сэр? Я больше не прошу вас ни о какой помощи. Не хочу теперь в этом участвовать.

- Нет, Рик, ты сам не знаешь, что говоришь, - сказала мисс Хелен. - Не слушай его, Вэнс.

Мистер Вэнс поднялся на ноги:

- Мне пора идти.

- Мама, пожалуйста, успокойся. Все это не так важно.

- Ты сам не знаешь, что говоришь, Рик! Вэнс, постой, не уходи еще! Разве можно так расставаться? Ты пончики любил. Может быть, съешь сейчас?

- Я согласен с Риком. Все это тебе нисколько не полезно, Хелен. Так что я лучше пойду. Рик! Мне понравились эти рисунки и понравился ты. Будь здоров, береги себя. До свидания, Хелен.

Мистер Вэнс двинулся по проходу между отсеками, не оглядываясь ни на кого из нас, а затем открыл стеклянную дверь и вышел в темноту. Мисс Хелен и Рик продолжали сидеть бок о бок, опустив глаза на участок стола перед собой. Потом Рик сказал:

- Клара. Подойди, сядь с нами.

- Не знаю, - сказала мисс Хелен.

Рик придвинулся к ней и обнял ее одной рукой за плечи.

- Что ты не знаешь, мама?

- Не знаю, достаточно ли было. Удовлетворит ли его.

- Мама, честно. Если бы я знал, что даже до половины этого дойдет, отказался бы наотрез.

Я скользнула на сиденье, которое освободил мистер Вэнс, но ни мисс Хелен, ни Рик не подняли на меня глаз. Я посмотрела на мисс Хелен и подумала про те давние годы, когда она и мистер Вэнс, влюбленные, с ума друг по другу сходили. И я задумалась, было ли такое время, когда мисс Хелен и мистер Вэнс были так же нежны друг к другу, как Джози и Рик сейчас. И может ли когда-нибудь случиться, что отношения между Джози и Риком тоже сделаются такими недобрыми. И я вспомнила слова Папы в машине про человеческое сердце, про то,

какое оно сложное, и увидела Папу стоящим в том дворе, прямо перед низко опустившимся Солнцем: его фигура и его вечерняя тень слились в один продолговатый силуэт, он потянулся кверху и стал свинчивать защитный колпачок с отверстия в КОТЭ-машине, а я, тревожась, стояла позади него с драгоценным раствором в бутылке из-под минеральной воды.

- Что сейчас такое было? - спросила мисс Хелен. - Что Вэнс будет делать? Поможет или нет? Мог бы по крайней мере сказать что-нибудь определенное.

- Прошу прощения, - сказала я. - Не хочу внушать вам ложных надежд, но то, что я видела и слышала, заставляет думать, что мистер Вэнс решит помочь Рику.

- Вы правда так считаете? - спросила мисс Хелен. - Почему?

- Я могу ошибаться. Но я думаю, что мистер Вэнс по-прежнему питает к мисс Хелен очень горячие чувства и решит помочь Рику.

- Миленький ты мой робот! Как бы я хотела, чтобы это было так! Не знаю, что еще я могла бы сделать.

- Мама, пусть он катится к чертям. У меня и без него все будет в порядке.

- Он далеко не так уродлив, как я ожидала, - сказала мисс Хелен и поглядела в окно на темную пустую улицу. - Честно говоря, выглядит совсем даже неплохо. Жаль только, что ничего определенного не сказал.

* * *

Наш отсек, должно быть, хорошо был виден Маме, когда она остановила машину у закусочной на нашей стороне. Однако она пригасила огни и осталась в

машине, возможно, желая дать уединение, хотя видела, что мистера Вэнса уже нет.

Но когда мы вышли, сели в машину и она поехала через темный ночной город, я увидела, что Мама беспокоится из-за Джози, которая осталась одна в Квартире Подруги, и хочет доставить меня туда как можно скорее, а потом уже отвезти Рика и мисс Хелен в их недорогую гостиницу. Как только мы уселись, Мама спросила: «Ну как?» – но, после того как мисс Хелен ответила: «Так себе, посмотрим, там будет ясно», разговаривали в машине мало, все погрузились в свои собственные мысли.

Без дневного света Квартиру Подруги было еще труднее отличить от соседних. Мама привела меня к правильному крыльцу, поднялась со мной к двери, и с верхней ступеньки я оглянулась назад, на ожидающую машину под фонарем. В ней видны были силуэты мисс Хелен и Рика, которые о чем-то, может быть, переговаривались, оставшись одни, – я могла только гадать, о чем.

Квартира Подруги несколько не изменилась с тех пор, как мы отправились к мистеру Капальди, но теперь, конечно, в ней было темно. Из прихожей я увидела Главную Гостиную, сумрачные ночные фигуры пересекали диван, на котором Джози днем ждала приезда Папы. Ее книга в бумажной обложке так и лежала на ковре, куда она позволила ей упасть, один угол книги был бледно освещен.

Мама показала мне на дверь дальше по коридору и тихо проговорила:

– Она, вероятно, спит, поэтому входи осторожно. Если что-нибудь тебя беспокоит, позови меня. Я буду через двадцать минут.

Она уже готова была выйти, и я не хотела задерживать возвращение Рика и мисс Хелен в недорогую гостиницу, но все-таки я тихо сказала:

- Может быть, теперь у нас есть надежда.
- Что это значит?
- Утром, когда вернется Солнце. Мы можем теперь надеяться.

- Ладно. Это хорошо, что ты всегда полна оптимизма. - Она протянула руку к входной двери. - Свет нигде не включай. Это может даже там ее потревожить. - Мама вдруг необычно притихла, наклонясь к двери, чуть не уткнувшись в нее носом в почти полной темноте. Не оборачиваясь, она сказала: - У нас с Джози тут был разговор. Он странный оборот принял. Мы обе были уставшие, в этом, думаю, все дело. Если она вдруг проснется и скажет что-нибудь, чего ты не ожидала, не придавай большого значения. Да, и вот что: на цепочку дверь не запирай, а то я не войду. Спокойной ночи.

* * *

Я тихо вошла во Вторую Спальню и увидела, что Джози крепко спит. Комната была уже, чем спальня у нее дома, но потолок тут был выше, и из-за того, что жалюзи Джози оставила наполовину поднятыми, на гардероб и на стену рядом ложились силуэты. Я подошла к окну и выглянула в ночную темноту, чтобы понять, каким может быть утренний путь Солнца и легко или нет Ему будет заглянуть сюда. Как и сама комната, окно было высокое и узкое. На удивление близко висели задние стены двух больших зданий, и я могла разглядеть вертикальные линии водосточных труб и повторяющиеся окна, в большинстве своем пустые или ослепленные опущенными жалюзи. Между двумя зданиями виднелся отрезок улицы за ними, и мне понятно было, что утром улица станет оживленной. Даже сейчас просвет одна за другой пересекали

машины. Над видимым участком улицы вверх уходил столб ночного неба, и хоть он и был узок, я посчитала, что Солнце без труда сможет излить оттуда Свое особое питание. Мне, кроме того, стало ясно, как важно утром быть бдительной, готовой сразу же, не теряя времени, поднять жалюзи полностью.

- Клара? - Джози пошевелилась позади меня. - Мама тоже вернулась?

- Уехала совсем ненадолго. Только отвезти Рика и мисс Хелен в гостиницу.

Мне показалось, что она снова уснула. Но чуть погодя постельное белье опять зашуршало.

- Я никогда не позволю ничего плохого с тобой сделать. - Звуки ее дыхания стали более долгими, и я подумала, что она спит. Но потом она сказала другим, внятным голосом: - Все остается по-старому.

Она была уже не такая сонная, и поэтому я спросила:

- Мама обсуждала с тобой какую-то новую идею?

- Я бы не сказала, что это была *идея*. Я ей ответила, что ничего подобного не будет и быть не может.

- Я хотела бы узнать, что предложила Мама.

- Она тебе не сказала? Да ну, глупости. Взбрело ей что-то в голову, бред какой-то.

Я ничего не говорила, ожидая, что она, может быть, добавит к этому что-нибудь. Потом одеяло вновь зашевелилось.

- Она пыталась... предложить мне кое-что, вроде того. Сказала, может уйти с работы и быть со мной все время. Если я хочу. Сказала, может постоянно со мной быть. Если, мол, мне действительно этого хочется, то она готова на это пойти и бросить работу, но я ей говорю: а что тогда с Кларой станется? А она мне, типа, нам Клара больше не будет нужна, ведь *она* будет со мной все время. Не то чтобы она продумала это как следует, понятно было, что нет. Но спрашивала

настойчиво так, мол, тебе решать, ну и под конец я ей говорю: нет, мама, не выйдет. Тебе нужна на самом деле твоя работа, а мне нужна Клара. На этом, в общем, и кончилось. Не будет ничего такого, и мама с этим согласна.

После этого мы обе некоторое время молчали; Джози была окутана темнотой, а я по-прежнему стояла у окна.

- Может быть, - сказала я наконец, - Мама подумала, что если она будет с Джози постоянно, то Джози станет не так одиноко.

- Кто сказал, что мне одиноко?

- Если это так, если Джози действительно будет с Мамой менее одиноко, то я рада буду уйти.

- Но кто сказал, что мне одиноко? Мне не одиноко.

- Возможно, всем людям одиноко. По крайней мере может стать.

- Слушай, Клара, маме моча ударила в голову, только и всего. Я спросила ее до этого про портрет, и она завязалась в один большой узел и выдала эту идею. Только это не идея, а черт знает что. Поэтому давай, пожалуйста, про все это забудем, хорошо?

Она опять притихла, а потом и заснула. Я решила, если она еще раз проснется, сказать ей что-нибудь про завтрашнее утро, подготовить ее к тому, что может произойти, позаботиться по крайней мере, чтобы она ничем не помешала Ему оказать ей особую помощь. Но потому, может быть, что теперь с ней в комнате была я, она погружалась в сон все глубже, и в конце концов я отошла от окна и встала у гардероба, откуда, я знала, мне будут видны первые признаки возвращения Солнца.

* * *

Мы расселись так же, как по дороге в город. Высокие спинки передних сидений позволяли мне видеть Маму, сидевшую за рулем, только частично, а мисс Хелен я вообще почти не видела, разве только когда она поворачивалась и смотрела назад, чтобы подкрепить свои слова взглядом. Один раз – мы все еще ехали в медленном утреннем городском потоке – мисс Хелен повернулась к нам так и сказала:

– Нет, Рикки, золотой мой, я не хочу, чтобы ты и дальше говорил о нем плохое. Ты совсем его не знаешь, и тебе трудно понять. Как бы ты мог понять? – Потом ее лицо ушло, но голос продолжал звучать: – Я сама вчера, похоже, сказала много лишнего. И сегодня утром понимаю, до чего это было несправедливо. Какое право я имею чего-либо от него ждать?

Этот вопрос мисс Хелен был адресован, судя по всему, Маме, но Мама, казалось, была мыслями где-то далеко. Проезжая очередной перекресток, она пробормотала:

– Нет, Пол не так плох. Иногда, наверное, я с ним слишком сурова. А он вполне себе ничего. Сегодня мне его жалко.

– Смешно, – сказала мисс Хелен, – но сегодня я проснулась более обнадеженная. Я чувствую, вполне возможно, Вэнс все-таки окажет помощь. Он изрядно себя накрутил вчера, но, когда успокоится и поразмыслит, вполне может решить, что хочет проявить порядочность. Ему нравится, знаете ли, выглядеть перед самим собой очень порядочным человеком.

Рик пошевелился подле меня.

– Мама, я тебе уже сказал. Я не желаю больше иметь с этим человеком ничего общего. И тебе не советую.

– Хелен, – сказала Мама, – ну что тебе это может сейчас дать? Зачем вот так ходить по кругу? Лучше

просто подождать и посмотреть. Зачем себя мучить? Вы оба сделали что могли.

Джози, сидевшая от Рика по другую сторону, чем я, взяла его руку и переплела с ним пальцы. Она улыбнулась ему ободряюще, но при этом, мне показалось, немного печально. Рик ответил ей улыбкой, и мне пришло на ум, что они, может быть, обмениваются тайными сообщениями через одни лишь взгляды.

Я опять повернулась к своему окну и приникла лбом к стеклу. С самых ранних признаков рассвета я смотрела и ждала. Но хотя первые лучи Солнца прошли через промежуток между зданиями прямо во Вторую Спальню, я ни на секунду не приняла это за Его особое питание. Я помнила, конечно, что всегда должна быть благодарна, и все же не могла удержаться от разочарования. Затем все время, пока длился ранний завтрак, пока собирали вещи, пока Мама ходила по Квартире Подруги и проверяла сигнализацию, я продолжала смотреть и ждать. Сейчас, наклонившись вперед и глядя мимо Рика и Джози, я порой видела Солнце, когда Оно, все еще на утреннем Своем пути вверх, вспыхивало между высокими зданиями, которые мы проезжали. Вдруг мне вспомнилось, как Папа, закрывая дверь этой самой машины, посмотрел мимо меня на двор и на КОТЭ-машину и сказал: «Не волнуйся, я услышал звук. Легкое шипение. Это верный знак. Чудовище сдохло и не воскреснет». И вспомнилось его лицо, возникшее у меня перед глазами секунду спустя, в ушах снова раздался его голос: «Как ты, Клара? Пальцы мои видишь? Сколько их?» – и тут на меня опять, как уже не раз в течение всего утра, волной нахлынула тревога, что Солнце не сдержит обещания, которое Оно дало в сарае мистера Макбейна.

– Рик, послушай меня, – сказала Мама. – Что бы там вчера вечером ни произошло, твоя работа, твое

портфолио получило одобрение. Пусть это придаст тебе бодрости духа. Теперь у тебя еще больше оснований верить в себя.

- Мама, очень тебя прошу, - сказала Джози. - Высокопарные лекции Рику совсем сейчас не нужны.

Взрослым не было видно, но она крепче сжала ладонь Рика и опять улыбнулась ему. Он ответил ей взглядом, а потом сказал:

- Я очень ценю ваши слова, миссис Артур. Вы всегда были ко мне добры. Спасибо.

- С Вэнсом никогда нельзя знать, - сказала мисс Хелен. - Никогда.

Мы между тем приближались к высокому зданию на моей стороне, на которое я чуть раньше обратила внимание. В чем-то оно было сходно со Зданием РПО, но, если на то пошло, даже выше, и благодаря тому, что поток транспорта тут замедлился, я могла пристально его изучить. Солнце посылало утренний свет на его фасад, и одна часть фасада щедро отражала Его лучи, став для Него подобием зеркала. Многочисленные окна здания были расположены рядами, вертикальными и горизонтальными, однако ощущения упорядоченности не возникало, ряды нередко шли криво, иной раз даже наталкивались друг на друга. За некоторыми окнами я видела офисных сотрудников, порой эти люди перемещались, иногда подходили к самому стеклу и смотрели вниз, на улицу. Но многие окна были видны совсем плохо из-за плывшего мимо них серого тумана, и в следующее мгновение, когда Мама продвинула нас еще немного вперед, я увидела сквозь просвет между двумя автомобилями Машину, расположенную на своем особом месте и отгороженную от проезжающего транспорта барьерами ремонтных людей. Машина выпускала Загрязнение из своих трех труб, и на ее боку я смогла прочесть первые буквы названия: КО. Я ощутила прилив разочарования, но оно не помешало

мне заметить, что это не та машина, которую Папа и я привели в негодность во дворе. Ее корпус был покрашен в желтый цвет другого оттенка, она была чуть крупнее – и создавала Загрязнение обильнее, чем первая КОТЭ-машина.

– Ты просто подожди, Хелен, сейчас и осмотришь, – сказала Мама. – Может быть, для Рика и другие варианты найдутся, кто знает. – Мы проехали Новую КОТЭ-машину, Загрязнение серым туманом ползло по ветровому стеклу, и Мама, заметив это, процедила вполголоса: – Ну что это такое. Как им только с рук сходит?

– Даже если они найдутся, мама, – сказала Джози, – ты бы меня в такой колледж отпустила?

– Не понимаю, почему вам с Риком непременно надо в один и тот же колледж, – сказала Мама. – Вы что, поженились уже? Молодые люди куда только не уезжают и могут все равно поддерживать связь.

– Мама, ну зачем ты про это сейчас? Рику это ни капельки не нужно.

Я повернулась посмотреть через заднее стекло. Высокое здание было еще видно, но Новую КОТЭ-машину загоразивали автомобили. Теперь я знала, почему Солнце не стало помогать, и ненадолго я, может быть, позволила себе ссутулиться и поникнуть головой. Джози подалась вперед на сиденье и посмотрела на меня.

– Видишь, мама, – сказала она, – ты и Клару огорчила. А она и так была огорчена из-за своего магазина. Нам веселый разговор нужен сейчас.

Часть пятая

Джози начала слабеть через одиннадцать дней после нашего возвращения из города. Поначалу эта стадия не выглядела более тяжелой по сравнению с теми, через которые она уже прошла, но потом появились новые симптомы: странное дыхание и это ее утреннее полубодрствование с открытыми, но пустыми глазами. Если в эти промежутки времени я с ней заговаривала, она не отвечала, и Мама взяла за правило каждый день ранним утром приходить в спальню. И если Джози была в полубодрствующем состоянии, Мама стояла над кроватью и повторяла вполголоса: «Джози, Джози, Джози», как будто разучивала песню.

Случались более хорошие дни, когда Джози сидела в постели и разговаривала, даже училась чему-то через экран дощечки, но были и другие дни, когда она просто спала час за часом. Доктор Райан начал приходить ежедневно и уже не улыбался. Мама по утрам уезжала на работу все позже и позже, и они с доктором Райаном подолгу разговаривали в Открытой Планировке, закрыв за собой скользящую дверь.

В сравнительно хорошие дни сразу после поездки в город все согласились, что я буду помогать Рику с учебой, и он часто приходил в этот период. Но, когда Джози стало хуже, он потерял интерес к занятиям и завел обыкновение проводить время в прихожей, дожидаясь, чтобы Мама или Помощница Мелания позвала его в спальню. Но даже если это происходило, ему разрешали всего несколько минут постоять там не слишком далеко от двери, глядя на спящую Джози. Однажды, когда он смотрел на нее так, Джози открыла глаза и улыбнулась.

- Привет, Рик. Прости. Нет сил сегодня рисовать картинки.

- Ничего страшного. Отдыхай себе дальше, и все будет хорошо.

- Как твои птицы, Рик?

- С птицами полный порядок, Джози. Делают успехи.

Вот и все, что они смогли сказать друг другу перед тем, как глаза Джози снова закрылись.

После этого, видя уныние Рика, я вместе с ним спустилась по лестнице и вышла из дома. Мы встали на рассыпанных камешках, глядя на серое небо. Я чувствовала, что он хочет поговорить, но, может быть, опасаясь, что нас слышно будет из спальни, он продолжал молчать, поддевая камешки носком спортивной туфли. Поэтому я спросила: «Рик согласится поговорить со мной немного?» - и показала рукой в сторону калитки-рамы.

Когда мы вышли в первое поле, я увидела, что трава желтее, чем в тот вечер, когда мы ходили к сараю мистера Макбейна. Мы медленно двинулись по первому участку дикой тропы, ветер временами отводил траву, и открывался вид на дом Рика поодаль.

Мы дошли до места, в котором дикая тропа расширялась, образуя своего рода комнату под открытым небом, где слышался шелест окружающей травы, и тут Рик остановился и повернулся ко мне.

- Джози никогда еще так плохо не было, - сказал он, опустив глаза в землю. - Ты твердила про надежду, что для нее есть причина. Твердила про какую-то *особую* причину. И обнадежила меня.

- Я виновата. Рик, наверное, сердится. По правде говоря, я тоже разочарована. И все-таки я думаю, что надежда еще есть.

- Да перестань, Клара. Ей хуже и хуже. Доктор, миссис Артур - ты же видишь. Они почти уже не

надеются.

- И все-таки я не теряю надежды. Я верю, что может прийти помощь из такого места, о котором взрослые пока еще не думали. Но нам надо сейчас сделать кое-что быстро.

- Не знаю, Клара, о чем ты. Видимо, о чем-то в связи с тем твоим важным-преважным, чем ты ни с кем не можешь делиться.

- Честно говоря, меня с тех пор, как мы вернулись из города, не покидала неуверенность. Я ждала и колебалась, надеясь, что особая помощь все-таки придет. Но сейчас я думаю, что правильным с моей стороны будет только одно: пойти опять и объяснить дополнительно. Если обратиться с особой просьбой... Но я не должна говорить об этом подробнее. Мне нужно, чтобы Рик еще раз оказал мне доверие. Мне опять нужно в сарай мистера Макбейна.

- Хочешь, чтобы я снова тебя отнес?

- Я должна отправиться как можно раньше. Если Рик не сможет, я попробую пойти сама.

- Стоп, вот этого не надо. Конечно, я тебя отнесу. Не знаю, как это может помочь Джози, но раз ты говоришь, что может, то отнесу, конечно.

- Спасибо! Тогда мы должны пойти не откладывая, сегодня же вечером. И, как в тот раз, нам надо быть на месте, когда Солнце будет опускаться на отдых. Рик должен будет встретиться со мной тут, где мы сейчас стоим, в семь пятнадцать сегодня вечером. Сумеешь? Очень прошу!

- Само собой, сто процентов.

- Спасибо. Теперь еще одно. Когда я войду в сарай, я, конечно, попрошу извинения. Это была моя ошибка, я недооценила свою задачу. Но у меня должно быть что-то еще, что-то дополнительное, чем я смогу подкрепить свою просьбу. Вот что заставляет меня спросить Рика сейчас, пусть даже это будет вмешательством в

уединение. Ты должен мне сказать о любви между Риком и Джози: подлинная ли она? Долговечная ли? Мне необходимо это знать. Потому что если ответ – да, то у меня есть что предъявить вдобавок к произошедшему в городе. Пожалуйста, Рик, подумай хорошенько и скажи мне правду.

– Мне и думать не надо. Мы с Джози выросли вместе, каждый из нас – часть другого. И у нас есть наш план. Так что, конечно, наша любовь настоящая и навсегда. И для нас без разницы, кто форсирован, а кто нет. Вот мой тебе ответ, Клара, и другого не будет.

– Спасибо тебе. Теперь у меня есть кое-что очень особенное. Так что, пожалуйста, не забудь. Встречаемся здесь в семь пятнадцать. Прямо тут, на этом самом месте.

* * *

Мне уже было не так непривычно ехать у Рика на спине, поэтому я часто протягивала свободную руку и помогала ему раздвигать траву. Она была не только желтее, чем в прошлый раз, но и мягче, податливей, и даже скопления вечерних насекомых, когда мы проходили сквозь эти облачка, расступались перед моим лицом беззлобно. На этот раз поля всю дорогу оставались не разделенными на секции, и, когда мы прошли через третью калитку-раму, мне впереди стал отчетливо виден сарай мистера Макбейна под широким оранжевым небом, а Солнце было уже близко от вершины треугольной крыши.

Когда мы оказались на скошенной траве, я попросила Рика остановиться и ссадить меня. Мы с ним постояли, глядя, как Солнце опускается все ниже и ниже, и тень сарая, как в тот вечер, протянулась к нам по короткой траве, где виднелся вьющийся рисунок

косьбы. Когда Солнце зашло за крышу сарая, я вспомнила, как важно не нарушать уединение без необходимости, и попросила Рика отойти подальше.

- Что там внутри такое происходит? - спросил он, но до того, как я могла ответить тем или иным образом, он по-доброму прикоснулся к моему плечу и сказал: - Я буду ждать. Там же, где в прошлый раз.

Он ушел, и теперь я стояла одна, дожидаясь, чтобы Солнце вновь появилось ниже уровня крыши и послало сквозь сарай в мою сторону Свои последние лучи. Я понимала, что Солнце вполне могло рассердиться на меня за неудачу в городе, и к тому же, подумалось мне, теперешний шанс попросить Его об особой помощи, скорее всего, последний - и, если я его провалю, чем это может обернуться для Джози? С этой мыслью в меня вошел страх, но затем я вспомнила о Его великой доброте и без дальнейших колебаний пошла к сараю мистера Макбейна.

* * *

Как и тогда, сарай был наполнен оранжевым светом, и вначале мне было трудно разглядеть, что меня окружает. Но вскоре я различила слева тюки сена, поставленные друг на друга, и увидела, что невысокая стенка, которую они создавали, стала еще ниже. Частицы сена все так же светились в лучах Солнца, но теперь они взволнованно сновали в воздухе, а не плавали в нем спокойно - можно было подумать, что один из тюков недавно свалился на жесткий деревянный пол и рассыпался. Подняв руку, чтобы притронуться к этим движущимся частичкам, я заметила, что тени от моих пальцев тянутся назад до самого входа в сарай.

За тюками сена была настоящая стена сарая, и мне приятно было увидеть, что к ней по-прежнему прикреплены Красные Полки из нашего старого магазина, хотя сегодня они висели искривленно, с заметным наклоном в дальней части помещения. Керамические кофейные чашки сохранили свой аккуратный порядок, впрочем, и тут не обошлось без странностей: например, дальше на том же ярусе полок я увидела предмет, который, несомненно, был пищевым блендером Помощницы Мелании.

Я вспомнила, что в прошлый раз в ожидании Солнца сидела на металлическом складном стуле, и повернулась к противоположной стене сарая, надеясь вновь увидеть не только стул, но и переднюю нишу нашего магазина – и, может быть, даже гордую фигуру ИД или ИП в ней. Повернулась и увидела лучи Солнца, бьющие мимо меня почти горизонтально, пронизывающие сарай от заднего входа к переднему. Казалось, я смотрю на поток транспорта по оживленной улице, и, когда мне удалось перекинуть взгляд на ту сторону, я обнаружила, что все разделилось на множество секций разных размеров. Лишь несколько секунд спустя я высмотрела металлический складной стул – вернее, различные его части, распределенные по секциям, – и, вспомнив, как он мне помог в прошлый раз, как придал уверенности, я двинулась к нему. Но, едва я вступила в Солнечные лучи, мне подумалось, что если я хочу привлечь Его внимание, пока Оно еще не ушло, то мне надо действовать безотлагательно. Поэтому я начала формировать в уме слова прямо тут, охваченная ярким светом.

– Ты, должно быть, утомлено, и мне очень жаль Тебя беспокоить. Ты, вероятно, помнишь, я уже была здесь один раз летом, и Ты по Своей доброте уделило мне несколько минут Своего времени. Я посмела прийти

сегодня еще раз, чтобы обсудить все то же важное дело.

Только-только эти слова образовались во мне, как пришло воспоминание о социализации у Джози, когда в Открытую Планировку большими шагами вошла рассерженная мама, крича: «Дэнни прав! Тебе тут вообще не следовало находиться!» И почти в то же мгновение я заметила в одной из секций справа злую надпись, похожую на ту, что я увидела из машины на стене одного городского здания. Несмотря на это, я не останавливала поток полусформировавшихся слов через свой ум.

– Я знаю, что не имею права приходить сюда так. И знаю, что Солнце, должно быть, сердится на меня. Я подвела Его, не сумев полностью остановить Загрязнение. По правде говоря, сейчас я вижу, как глупо было с моей стороны не подумать, что найдется вторая ужасная машина, чтобы продолжить Загрязнение без задержки. Но Солнце заглядывало в тот день во двор, и Оно знает, как я постаралась и как принесла свою жертву, которую только рада была принести, пусть даже мои способности из-за этого, возможно, уменьшились. И Ты, должно быть, видело, как Папа тоже постарался и сделал все что мог, хоть и не знал ничего о добром согласии Солнца, потому что увидел мою надежду и поверил в нее. Я искренне прошу прощения за то, что недооценила свою задачу. Это была моя, и только моя ошибка, и хотя Солнце имеет полное право на меня сердиться, я прошу Его принять во внимание, что Джози ни в чем не виновата. Как и Папа, она не знала и до сих пор не знает о моем соглашении с Солнцем. А сейчас она с каждым днем все слабее и слабее. Я пришла сюда так сегодня, потому что не забыла, каким добрым может быть Солнце. Если бы только Оно проявило Свое великое сострадание к Джози, как проявило в тот день сострадание к

Попрошайке и его собаке. Если бы только Оно послало Джози особое питание, в котором она так отчаянно нуждается.

Когда эти слова пролетали сквозь мой ум, мне подумалось об ужасном быке по дороге к Морганс-Фолс, о его рогах и холодных глазах, и вспомнилось мое тогдашнее чувство - что была совершена какая-то громадная ошибка, что напрасно такому существу, полному злобы, позволено свободно стоять на освещенной Солнцем траве. Мне послышался громкий крик Мамы, донесшийся с тропы откуда-то сзади: «Нет, Пол, не сейчас и не в этой машине, черт бы ее драл!» - и я увидела одинокую женщину в закуской мистера Вэнса - женщину, которую не замечал даже Менеджер Закуской, когда она сидела у окна, прижавшись лбом к стеклу, и смотрела наружу на темную улицу, - и мне подумалось, что эта женщина очень сильно напоминает Розу. Но мне было ясно, что я не могу позволить себе отвлекаться, что Солнце может покинуть сарай в любую минуту, и поэтому я позволила мыслям течь сквозь мой ум еще и еще, уже не облакая их в словесную форму.

- Я не жалею, что лишилась ценной жидкости. Я бы охотно отдала больше, все бы отдала, если бы это побудило Тебя оказать Джози особую помощь. Как Ты знаешь, после того как я тут в прошлый раз побывала, я узнала о другом способе спасти Джози, и если больше ничего не останется, я сделаю все, что в моих силах. Но я не уверена, что другой способ сработает, как бы я ни старалась, поэтому мое заветное желание сейчас - чтобы Солнце еще раз проявило Свою великую доброту.

Ладонь, которую я, войдя в лучи Солнца, выставила вперед, встретила с чем-то твердым, и я поняла, что схватилась за каркас металлического складного стула. Я ощутила прилив радости из-за того, что обрела его снова, но садиться не стала, опасаясь, что это будет

выглядеть неуважением. Вместо этого я прочно встала за ним, держась за спинку обеими руками.

Солнечные лучи, бившие из задней части сарая, были слишком яркими для прямого взгляда, поэтому, хотя это могло показаться невежливым, я опять стала смотреть направо, на переменчивые силуэты, надеясь, может быть, увидеть Розу, одиноко сидящую в отсеке закуской. Но переднюю нишу ненадолго осветила сейчас, упав на нее, Солнечная фигура, и я увидела там не ИД и не ИП, а большую овальную фотографию, прикрепленную к стене. На ней было зеленое поле под Солнцем в ясный день, усеянное овцами, и на переднем плане я узнала четырех особенных овец, которых заметила из Маминой машины на обратном пути от Морганс-Фолс. Они выглядели еще более кроткими, чем мне помнилось, и разместились такой же аккуратной вереницей, головы опустили, чтобы щипать траву. В тот день эти существа осчастливили меня, помогая стереть воспоминание об ужасном быке, и я была рада увидеть их опять, пусть только на овальной фотографии. Но что-то было не так: хотя четыре овцы расположились друг за дружкой точно так же, как тогда в поле за окном машины, тут они были как-то странно подвешены, не было ощущения, что они стоят на земле. В результате, хотя они тянулись к траве, чтобы питаться, их рты до нее не доставали, и потому эти существа, такие счастливые тогда, теперь имели печальный вид.

- Пожалуйста, побудь здесь еще немного, - сказала я. - Пожалуйста, дай мне еще несколько коротких минут. Я знаю, что не сумела оказать Тебе в городе обещанную услугу и не имею права ни о чем Тебя больше просить. Но я помню, как Ты обрадовалось в тот день, когда Кофейная Чашка и Мужчина В Дождевике снова нашли друг друга. Ты до того обрадовалось, что не могло не проявить Свою радость открыто. Поэтому я знаю, как много для Тебя значит, когда люди, которые

любят друг друга, встречаются, сходятся, пусть через много лет. Я знаю, что Солнце всегда желает им добра, может быть, даже помогает им найти друг друга. Пожалуйста, обрати тогда внимание на Джози и Рика. Они еще очень юные. Если Джози сейчас скончается, они разлучатся навсегда. Если бы только Ты смогло дать ей Свое особое питание, какое, я видела, Ты дало Попрошайке и его собаке, то Джози и Рик могли бы вместе перейти во взрослую жизнь, как написано на их добром рисунке. Я сама могу поручиться, что их любовь так же сильна и долговечна, как у Кофейной Чашки и Мужчины В Дождевике.

Я заметила теперь в нескольких шагах от ниши маленький треугольный предмет, лежащий на полу. На мгновение пришла мысль, что это один из заостренных кусков пирога, которые были выставлены под прозрачным прилавком у Менеджера Закусочной. И вспомнился недобрый голос мистера Вэнса: «Если тебе не нужен протекционизм, то почему я сижу перед тобой сейчас?» – а затем быстрые слова мисс Хелен: «Мы просим его не о чем ином, как о протекции. Конечно, именно о ней». Только после этого мне стало ясно, что треугольник на полу – не кусок пирога, а освещенный угол книжки в бумажной обложке, которую Джози читала на диване в Квартире Подруги, дожидаясь Папу, а потом уронила на ковер. То есть на самом деле предмет был не треугольный, просто мне так показалось, потому что лишь один угол выступал из темноты. Слева от передней ниши секции смещались и наплывали друг на друга, словно под вечерним ветром. В нескольких из них я увидела проблеск ярких красок и обнаружила, что они заключают в себе, пусть только на заднем плане, цветные бутылки, которые я заметила в новой витрине моего магазина. Бутылки светились контрастными тонами, и в некоторых секциях я заметила еще и части рекламной надписи

«Утопленные светильники». Тут я поняла, что мое время на исходе, и поспешно продолжила:

- Я знаю, что протекционизм нехорош. Но если Солнце делает исключения, то, безусловно, самые достойные из молодых людей - те, что будут любить друг друга всю жизнь. Солнце, наверное, может спросить: «Как мы можем быть уверены? Что подростки знают о подлинной любви?» Но я наблюдала за ними внимательно и убеждена, что это так. Они выросли вместе, и каждый из двоих стал частью другого. Рик сам мне это сказал не далее как сегодня. Я знаю, что не справилась в городе со своей задачей, но прошу Тебя, прояви еще раз Свою доброту и окажи Джози особую помощь. Завтра или, может быть, послезавтра, пожалуйста, посмотри на нее и дай ей такое же питание, какое Ты дало Попрошайке. Я прошу Тебя об этом, пусть даже это может означать протекционизм, а я не выполнила свою задачу.

Вечерние лучи Солнца начали меркнуть, уступая внутренность сарая начаткам темноты. Хотя я все время старалась, чтобы мое лицо было обращено к заднему входу, через который внутрь устремлялся Его свет, некоторое время назад я почувствовала, что из-за моего правого плеча идет свет от какого-то другого источника. Вначале я предположила, что это часть экспозиции с цветными бутылками, но по мере того, как собственный свет Солнца в сарае делался все менее ярким, этот новый источник света все настойчивей требовал внимания. Я наконец обернулась, чтобы на него посмотреть, и, к своему удивлению, обнаружила, что это само Солнце: не спеша расставаться с сараем мистера Макбейна, Оно вошло прямо в него и разместилось почти на уровне пола между передней нишей и передним входом в сарай. Открытие было до того неожиданным, а Солнце в нижнем углу до того слепящим, что в первые секунды я ощущала опасность

дезориентации. Потом глаза привыкли, и, приведя ум в порядок, я поняла, что Солнца в сарае на самом деле нет, просто так случилось, что в этом месте было оставлено что-то способное посылать свет обратно, и в эти последние мгновения Его пути вниз тут сосредоточилось Его отражение. Иными словами, что-то служило сейчас для Солнца примерно таким же зеркалом, каким иногда для Него были окна РПО и других зданий. Пока я шла к этой отражающей поверхности, свет терял неистовость, хотя все еще был ярким и оранжевым в окружении полумрака.

Только когда я подошла к зеркальному предмету очень близко, мне стало ясно, что́ это. Мистер Макбейн – или кто-то из его друзей – оставил в этом месте прислоненными к стене несколько прямоугольных листов стекла, прилегающих друг к другу. Возможно, мистер Макбейн наконец решил как-то исправить отсутствие передней и задней стен и запасся стеклами для окон. Как бы то ни было, в стеклянных прямоугольниках, стоявших почти вертикально – я насчитала их семь, – отражался вечерний лик Солнца. Я приблизилась к ним еще и почти проговорила вслух:

– Прошу Тебя, прояви к Джози Свою особую доброту.

Я всмотрелась в листы стекла. Отражение Солнца, хотя по-прежнему ярко-оранжевое, уже не ослепляло, и, внимательнее вглядываясь в Его лик, обрамленный краями ближнего прямоугольника, я начала понимать, что передо мной не цельная картина: что на каждом из этих стекол в действительности возник свой вариант Солнечного лика, и то, что я вначале приняла за единый образ, на самом деле семь отдельных, семь наложенных друг на друга ликов, воспринимаемых взглядом по мере проникновения внутрь от первого листа к последнему. Хотя с ближнего ко мне стекла Его лик смотрел сурово и отчужденно, а на следующем он, если на то пошло, выглядел еще менее дружелюбно, на двух стеклах за

ними он был мягче и добрее. Дальше шли еще три листа, и хотя толком их разглядеть было уже трудно, у меня невольно создалось впечатление, что эти лики полны юмора и доброты. Так или иначе, каким бы ни был образ на каждом листе стекла, у меня, когда я смотрела на них вместе, было ощущение одного лика, но со множеством очертаний и эмоций.

Я продолжала пристально вглядываться, а затем все лики Солнца одновременно начали блекнуть, свет в сарае мистера Макбейна сделался тусклым, и я перестала видеть даже треугольник книжки, которую читала Джози, и овец, тянущих рты к недоступной траве. Я сказала:

- Ты приняло меня снова, благодарю Тебя за это. Мне очень жаль, что я не смогла сослужить Тебе обещанную службу. Прошу Тебя, рассмотри мою просьбу.

Но даже в уме я произнесла эти слова тихо, потому что знала, что Солнце уже ушло.

* * *

В последующие дни доктор Райан и Мама часто спорили в Открытой Планировке о том, надо ли отвезти Джози в больницу, и хотя их голоса сталкивались – мне слышно было через скользящую дверь, – в итоге они всякий раз, похоже, соглашались, что в таком месте она будет больше страдать, и только. Согласие согласием, но, когда доктор Райан приходил, они неизменно шли в Открытую Планировку и обсуждали вопрос заново.

Рик появлялся каждый день и, когда приходила его очередь, дежурил у Джози в спальне, пока Мама и Помощница Мелания отдыхали. Обе взрослые к тому времени перестали придерживаться обычного режима, спали только, когда их валила с ног усталость. Мое

присутствие ценилось, но по каким-то причинам считалось недостаточным, хоть Мама и знала, что я способна улавливать тревожные сигналы раньше кого бы то ни было. Так или иначе, день проходил за днем, и у Мама с Помощницей Меланией усталость дошла до того, что видна была в каждом движении.

Потом, через шесть дней после того, как я второй раз побывала в сарае мистера Макбейна, небо после завтрака сделалось необычно темным. Я говорю «после завтрака», хотя весь домашний распорядок был тогда уже нарушен настолько, что никто в обычное время не завтракал, не обедал и не ужинал. В то утро ощущение дезориентации еще больше усилилось из-за темного неба, и приход Рика был в числе немногих, напоминавшего нам, что ночь уже прошла.

Утро длилось, и небо становилось все темнее, тучи гуще, а потом подул очень сильный ветер. В дальней части дома начала стучать какая-то расшатавшаяся деталь обшивки, и, когда я выглянула в переднее окно спальни, деревья, где дорога поднималась на холм,гнулись и махали ветками.

Но Джози спала и спала, отключенная от всего, дышала мелко и часто. Посреди этого темного утра, когда мы с Риком вместе наблюдали за Джози, в спальню вошла Помощница Мелания, ее глаза были от усталости полузакрыты, и она сказала, что теперь ее очередь. Спускаясь после этого по лестнице за Риком, я видела, как печально придавлены у него плечи, и внизу он сел на ступеньку. Желая дать ему на время уединение, я прошла мимо него в прихожую, и в этот момент из Открытой Планировки появилась Мама. На ней, как и всю предыдущую ночь, был тонкий черный халат, который подчеркивал хрупкость ее шеи, и она быстро двинулась в сторону кухни, как будто ей срочно нужна была чашка кофе. Но в дверях кухни она обернулась и, увидев сидящего на нижней ступеньке

Рика, задержала на нем взгляд. Рик не сразу почувствовал, что Мама на него смотрит, но когда это до него дошло, он улыбнулся храброй улыбкой.

– Здравствуйте, миссис Артур.

Мама продолжала на него смотреть. Потом сказала: «Зайди-ка сюда» – и скрылась в кухне. Рик, вставая, посмотрел на меня озадаченно. Хотя меня Мама не позвала, я сочла нужным последовать за ним.

Кухня из-за темного неба снаружи выглядела необычно. Никакого света Мама не зажигала, и, когда мы вошли, она смотрела в большие окна на дорогу, по которой всегда ездила на работу. Рик неуверенно остановился около Островка, а я, чтобы дать уединение, отошла к холодильнику. Оттуда я могла видеть Маму перед большими окнами, а за ними поднимающееся вдаль шоссе и деревья, машущие ветками.

– Рик, я хотела кое о чем тебя спросить, – сказала Мама. – Если ты не возражаешь.

– Конечно, миссис Артур, я вас слушаю.

– Мне хочется знать, чувствуешь ли ты себя сейчас победителем. Тебе кажется, ты выиграл?

– Я не понимаю, миссис Артур.

– Я всегда хорошо к тебе относилась, правда же, Рик? Надеюсь, что так.

– Так, безусловно. Вы всегда были очень добры. И с моей мамой вы чудесно дружите.

– Вот и хочу тебя спросить сейчас. Скажи мне, Рик, чувствуешь ли ты себя так, будто одержал победу? Джози пошла на риск. Да, кости бросила я, но не мне, а ей предстояло выиграть или проиграть. Она сделала крупную ставку, и если прав доктор Райан, то скоро, видимо, проиграет. Но ты, Рик, другое дело, ты сыграл осторожно. Почему я и спрашиваю. Кем ты себя сейчас чувствуешь? Победителем?

Все это Мама проговорила, глядя на темное небо, но теперь она повернулась к Рику лицом.

- Потому что, Рик, если ты чувствуешь себя победителем, то тебе бы призадуматься. Первое. Что именно ты, по-твоему, выиграл? Я потому спрашиваю, что в Джози с той самой минуты, как я в первый раз взяла ее на руки, все говорило о жажде жизни. Весь окружающий мир ее волновал, будоражил. И поэтому я с самого начала знала, что не могу лишиться ее шанса. Ей требовалось будущее под стать ее натуре. Вот что я имею в виду, когда говорю, что она сыграла по крупной. Ну а ты, Рик, что? Тебе кажется, у тебя все получилось по-умному? Думаешь, из вас двоих ты - победитель? Потому что если ты так думаешь, то спроси себя, пожалуйста, вот о чем. Что именно ты, по-твоему, выиграл? Взгляни. Взгляни на свое будущее. - Она махнула рукой в сторону окна. - Ты сыграл по маленькой и получил свой выигрыш, мелкий и жалкий. Сейчас самодовольство, может быть, испытываешь. Но хочу тебе сказать: причин для него у тебя нет. Никаких абсолютно.

Пока Мама говорила, в лице Рика что-то зажигалось, что-то опасное, и под конец он стал выглядеть очень похоже на то, как выглядел во время социализации, когда не дал мальчикам бросить меня через комнату. Сейчас он шагнул к Маме, и вдруг она, мне показалось, встревожилась, как я.

- Миссис Артур, - сказал Рик. - Когда я прихожу сюда последнее время, чаще всего Джози так нехорошо, что ей не до разговоров. Но в прошлый четверг у нее был неплохой день, и я сидел близко от кровати, чтобы ничего не упустить. И она сказала, что хочет передать через меня сообщение. Сообщение для вас, миссис Артур, но не такое, чтобы сразу передать, потому что она еще не была готова. Я хочу сказать: она попросила подождать с этим сообщением, пока не придет правильное время. И вот, я думаю, сейчас оно, может быть, пришло.

Глаза Мама стали большими и наполнились страхом, но она ничего не сказала.

- Сообщение примерно такое, - продолжал Рик. - Она говорит: что бы сейчас ни случилось, как бы все ни обернулось, она любит вас и всегда будет любить. Она очень рада и благодарна, что вы ее мама, и ни разу у нее не было желания, чтобы ее мамой были не вы, а кто-то еще. Вот что она сказала. И другое. Как раз на эту тему - о форсировании. Она просит вам передать, что по-другому никогда бы не захотела. Если бы у нее была возможность все повторить, и на этот раз решать было бы ей, она говорит, сделала бы ровно то же, что и вы, и вы всегда будете для нее самой лучшей мамой, какая только может быть. Вот и все, более-менее. И повторяю, она не хотела, чтобы я это передавал, пока не настанет правильное время. Надеюсь, миссис Артур, я правильно рассудил, что сейчас мне пора это вам сказать.

Мама смотрела на Рика ничего не выражающим взглядом, но я, пока он говорил, заметила кое-что - кое-что, возможно, очень важное - за большими окнами позади нее, и сейчас, пользуясь тем, что Рик замолчал, я подняла руку. Но Мама, не обращая на меня внимания, не сводила глаз с Рика.

- Вот оно как, - сказала она наконец.

- Прошу прощения... - начала я.

- Господи, - проговорила Мама и тихо вздохнула. - Вот оно как.

- Прошу прощения! - Я перешла чуть ли не на крик, и Мама и Рик повернулись ко мне. - Извините, что вмешиваюсь. Но там, снаружи, кое-что происходит. Солнце выглядывает!

Мама посмотрела в большие окна, потом опять на меня.

- Да. Ну и что? Что с тобой такое, дружочек?

- Мы должны пойти наверх. Прямо туда, к Джози в спальню!

Мама и Рик до этих моих слов смотрели на меня озадаченно, но теперь в их лицах возник страх, и, едва я повернулась к прихожей, они оба метнулись из кухни мимо меня, так что по лестнице я торопливо поднималась позади них.

Они вряд ли могли понять, почему я так к ним обратилась, и, вероятно, подумали, что Джози грозит внезапная опасность. Поэтому, влетев в спальню, должно быть, испытали облегчение: она спала, как спала раньше, дышала ровно. Как часто бывало, она лежала на боку, большая часть лица была скрыта под упавшими на него волосами. Так что в самой Джози не было ничего необычного, чего нельзя сказать о комнате. Солнечные фигуры ложились на разные участки стен, пола и потолка с необычайной яркостью и силой: насыщенно-оранжевый треугольник над комодом, сияющая изогнутая линия поперек Дивана С Пуговками, полосы ослепительного света на ковре. Но кровать и Джози на ней оставались в тени, как и многое другое в комнате. Потом тени начали перемещаться, и я, когда зрение приспособилось, поняла, что их создает Помощница Мелания: она стояла у переднего окна и задвигала жалюзи и занавески. Жалюзи были уже полностью опущены, и она поверх них еще и занавешивала окно, чтобы была двойная защита, но пронизывающий свет каким-то образом входил в комнату по краям окна и творил в ней свои фигуры.

- Чертов Солнце! - громко проговорила Помощница Мелания. - Пошел вон, чертов Солнце!

- Нет, нет! - Я быстро подошла к Помощнице Мелании. - Надо их раздвинуть, надо всё открыть! Надо позволить Солнцу сделать все как можно лучше!

Я стала выхватывать у нее занавеску, вначале она ее не отдавала, но в конце концов отпустила с

удивленным видом. К этому моменту рядом со мной появился Рик, ему, видимо, что-то подсказала интуиция, и он тоже протянул руки, чтобы поднять жалюзи и отодвинуть занавески.

Питание Солнца теперь вошло в комнату до того изобильно, что мы с Риком отшатнулись, чуть не потеряли равновесие. Помощница Мелания, закрыв руками лицо, повторила свое: «Чертов Солнце!» – но больше не пыталась преградить путь Его питанию.

Я отошла от окна, но до этого заметила, что снаружи ветер такой же сильный и не только деревья по-прежнему машут ветками, но и по небу во множестве несутся крохотные цилиндрики и пирамидки, словно нарисованные острым карандашом. Но Солнце пробилось сквозь темные тучи, и все разом – как будто каждый из нас получил тайное сообщение – повернулись посмотреть на Джози.

Солнце озаряло ее, как и всю кровать, Своим неистовым оранжевым полукругом, и Мама, стоявшая к ней ближе всех, невольно вскинула руки к лицу. Рик, судя по всему, уже каким-то образом догадался, что сейчас делается, но интересно было, что Мама и Помощница Мелания, казалось, тоже уловили суть. И так мы все стояли некоторое время, каждый на своем месте, а Солнце между тем все ярче и ярче сосредоточивало силу на Джози. Мы смотрели и ждали, и даже когда настал такой момент, что оранжевый полукруг, почудилось, мог вспыхнуть пламенем, никто из нас не шелохнулся. Потом Джози пошевелилась и, щуря глаза, подняла руку в воздух.

– Привет. Что это за свет, откуда?

Солнце продолжало светить на нее с нещадной мощью, и она повернулась на спину и приподнялась в полулежачее положение, используя подушки и изголовье кровати.

– Что происходит?

- Как ты себя чувствуешь, дружочек? - спросила Мама шепотом, глядя на Джози словно бы в испуге.

Джози сползла по подушкам обратно и теперь смотрела чуть ли не в потолок над собой. Но в том, как она перемещалась, явственно ощущалось прибавление сил.

- Привет, - сказала она. - Там жалюзи, что ли, заело?

Разболтанная деталь обшивки все еще стучала где-то в дальней части дома, и когда я сейчас посмотрела в окно, по небу опять растекалась темнота. Потом у нас на глазах Солнечные фигуры, падавшие на Джози, потускнели, и вот уже она лежит в хмурой серости пасмурного утра.

- Джози? - сказала Мама. - Как ты себя чувствуешь?

Джози устало посмотрела на нее и зашевелилась, поворачиваясь к нам лицом. Мама увидела это и двинулась к ней, может быть, с намерением снова уложить ее как следует. Но, подойдя, она, похоже, передумала и стала помогать Джози найти удобное сидячее положение.

- Ты выглядишь лучше, дружочек, - сказала Мама.

- Слушайте, что происходит? - спросила Джози. - Почему все собрались? Что вы все так смотрите?

- Привет, Джози, - внезапно сказал Рик, и его голос был полон возбуждения. - Ну и видок у тебя.

- Спасибочки. На себя посмотри. - Потом она сказала: - Но знаете, я и правда лучше себя чувствую. Голова немного кружится.

- Ничего, - сказала Мама. - Все постепенно. Хочешь попить?

- Можно воды?

- Ладно, не будем загадывать, - сказала Мама. - Не все сразу.

Часть шестая

Особое питание Солнца оказалось для Джози таким же действенным, как для Попрошайки, и после того утра с темным небом она стала не только набираться сил, но и быстро взрослеть.

Времена года - и годы - шли своим чередом, и механизмы мистера Макбейна скосили высокую траву на всех трех полях, после чего они приобрели бурый цвет. Сарай теперь казался более высоким, и его очертания стали резче, но добавочных стен мистер Макбейн так и не построил, и в ясные вечера, когда Солнце опускалось на отдых, я по-прежнему могла видеть, как Оно посылает свет сквозь тыльную часть сарая, прежде чем скрыться под землей.

Джози усердно занималась со своими педагогами, и было много споров о том, в какой колледж ей пойти. Джози и Мама высказывали на этот счет твердые и несовпадающие мнения, но Атлас Брукингс - куда Рик расхотел поступать - упоминался редко. Папа, похоже, не соглашался ни с Джози, ни с Мамой и один раз приехал, чтобы изложить свои доводы более убедительно. Это был единственный случай, когда я видела его в доме, и хотя я-то очень ему обрадовалась, нам всем было понятно, что он своим появлением нарушил некое правило.

Джози в этот период покидала дом намного чаще, иногда уезжала на несколько дней: гостила у сверстников, участвовала в выездных семинарах. Поездки, я знала, были важной частью ее подготовки к колледжу, но со мной она о них предпочитала не заговаривать, поэтому мне мало что про эти поездки известно.

Рик после выздоровления Джози продолжал вначале приходить постоянно, но со временем – когда мистер Макбейн скосил траву, это, безусловно, уже было так – стал бывать намного реже. В какой-то мере это объясняется частыми отлучками Джози, но Рик тоже был теперь изрядно занят своими проектами. Он купил машину, которую называл «драндулетом», и регулярно ездил на ней в город встречаться со своими новыми друзьями. Рик предпочитал оставлять «драндулет» у нас на рассыпанных камешках, потому что, говорил он, ему легче отправляться в путь отсюда, чем преодолевать узкий и извилистый участок от своего дома. И все чаще именно «драндулет», а не Джози становился причиной его появления около нас, и тут-то, на рассыпанных камешках, и произошел мой последний разговор с ним.

Ни Джози, ни Мама в то утро не было дома, и поэтому, услышав его шаги снаружи, я не увидела причины не выйти и не поздороваться с ним. Вопреки обыкновению, он не очень спешил уехать, и мы поговорили несколько минут под легким ветерком; Рик стоял, прислонившись к «драндулету», я чуть поодаль. Небо все утро было затянуто тучами, и, может быть, из-за них Рiku вспомнился тот день.

– Помнишь, Клара, – спросил он, – то утро, когда очень странная была погода и Солнце вдруг ударило прямо к Джози в спальню?

– Конечно. Я никогда не забуду то утро.

– Я часто про него сейчас думаю. Ощущение почти такое, что именно с того утра Джози и пошла на поправку. Может, я что-то путаю. Но прокручиваю все в памяти, и кажется, что так.

– Да. Я согласна.

– Помнишь тот день? Мы все были страшно вымотаны. И в отчаянии. И вдруг все перевернулось. Я все время хотел тебя спросить – только вот к тебе

трудно было подступиться с этим. Я вот что хотел тебя спросить насчет того утра, всей этой странной погоды, всего остального: связано ли это с другим. Ну, ты знаешь. С тем, как я тебя носил через поле, а ты какую-то секретную сделку заключала. Тогда я думал, что это, ну, предрассудок, какие там у вас, у ИП, бывают. Что-то якобы приносящее удачу. Но сейчас у меня вертится в голове вопрос: может, там что-то большее было?

Он внимательно на меня смотрел, но я долго ничего не отвечала.

- К сожалению, - сказала я наконец, - я даже сейчас не смею об этом говорить. Это была особая милость, и если я кому-нибудь расскажу, даже одному только Рик, я буду бояться за помощь, которую Джози получила.

- Тогда не надо. Не рассказывай ничего. Я не хочу даже крохотную возможность создавать, чтобы она опять заболела. Правда, врачи говорят, если эта стадия пройдена, то бояться уже нечего.

- И все-таки нам надо быть осторожными: Джози такой особенный случай. Но, поскольку Рик затронул эту тему, я бы хотела упомянуть кое о чем в связи с ней - о том, что меня тревожит.

- О чем, Клара?

- Рик и Джози по-прежнему добры друг к другу. Но будущее они себе готовят совсем разное.

Он повернулся к подъему дороги, теребя боковое зеркальце «драндулета».

- Мне кажется, я понимаю, к чему ты это, - сказал он. - Я помню тот день, второй наш поход к сараю. Перед тем как мы пошли, ты стала такая серьезная и спросила, подлинная ли у нас любовь. Любовь между мной и Джози. И я, помнится, ответил, что да, она настоящая. Настоящая и навсегда. Догадываюсь, тебя это сейчас беспокоит.

- Рик правильно догадался. Мне тревожно видеть, что у Рика и Джози такие разные планы.

Он легонько поддевал ногой рассыпанные камешки перед собой. Потом сказал:

- Послушай. Я не хочу, чтобы ты ничего такого говорила, из-за чего здоровье Джози опять может быть в опасности. Но я тебе так скажу. Когда ты сообщила с моих слов, что мы с Джози любим друг друга по-настоящему, это была правда в то время. Ты никого не обманула, не ввела в заблуждение. Но сейчас мы уже не дети, и самое правильное для нас - пожелать друг другу всего наилучшего и пойти своими путями. Допустим, я даже поступил бы в колледж, пытаюсь там соперничать со всеми форсированными - не выйдет из этого ничего хорошего. У меня сейчас свои планы, и так оно и должно быть. Но ложью это не было. И как ни странно, это и сейчас не ложь.

- Я бы хотела узнать, что Рик имеет под этим в виду.

- Мне кажется, примерно вот что: мы с Джози всегда будем вместе на каком-то уровне, на более глубоком, пусть даже далеко разъедемся и никогда больше друг друга не увидим. Я не могу говорить за нее. Но знаю, что я сам там, где буду, всегда буду искать похожую на нее. По крайней мере на такую Джози, какую я знал раньше. Так что это не был обман, Клара. Не знаю, с кем ты там заключала сделку, но, если они заглянут в мое сердце и в сердце Джози, то поймут, что ты не пыталась никого обжудить.

После этого мы немного постояли на рассыпанных камешках молча. Я думала, что в любую секунду он может распрямить плечи и сесть в свой «драндулет». Но он спросил более легким тоном:

- А от Мелании слышно что-нибудь? Кто-то мне сказал, что она уехала в Индиану.

- Мы думаем, что она сейчас в Калифорнии. Последнее от нее - это что там есть какое-то сообщество, в которое, она надеется, ее примут.

- Я так боялся этой особы. Но потом вроде привык. Надеюсь, у нее все сложится нормально. Ну а ты, Клара? Как у тебя все сложится? В смысле - когда Джози уедет в колледж.

- Мама ко мне всегда очень добра.

- Слушай, если тебе моя помощь понадобится, просто скажи, хорошо?

- Да. Спасибо.

Сидя сейчас на этой жесткой земле, я возвращаюсь мысленно к сказанному Риком в то утро, и я уверена, что он не ошибся. Я больше не боюсь, что Солнце почувствует Себя введенным в заблуждение, что Оно захочет потребовать расплаты. По правде говоря, может быть так, что когда я обращалась к Нему со своей просьбой, то Оно уже знало, что Джози и Рик пойдут разными путями, и вместе с тем понимало, что вопреки всему их любовь будет длиться. Когда Оно задавало Свой вопрос - о том, что подростки могут знать о настоящей любви, - Оно, думаю, уже было уверено в ответе, вопрос был поставлен просто-напросто ради меня. Я даже думаю, что в ту минуту у Него, может быть, были на уме Кофейная Чашка и Мужчина В Дождевике, - ведь мы разговаривали о них перед этим. Возможно, Солнце предполагало, что через много лет, после многих перемен, Джози и Рик могут опять встретиться, как встретились Кофейная Чашка и Мужчина В Дождевике.

* * *

С приближением отъезда в колледж Джози все чаще принимала у себя дома сверстниц. Они приезжали обычно поодиночке, но иногда парами. Их либо привозили наемные шоферы, либо они вели машину сами, но родители их никогда не сопровождали.

Гостили в среднем дня два, иногда три, и о приближении такого визита мне говорило то, что за день или за два Новая Помощница приносила в спальню Джози фuton или раскладушку.

Из-за этих юных посетительниц я облюбовала для себя Подсобную Комнату. Разумеется, в спальне во время таких визитов для меня места не оставалось, и я понимала, что мое присутствие, так или иначе, перестало быть желательным. Если бы Помощница Мелания еще жила у нас, она, я думаю, нашла бы, куда меня определить, но ее не было, и я обнаружила эту комнату на самом верху сама. «Никто не требует, чтобы ты пряталась», – сказала мне Джози, но никакого альтернативного плана не предложила, так что я поселилась в Подсобной Комнате.

То были хлопотливые недели, и даже когда у Джози никто не гостил, я слышала, как она торопливо ходит по дому и покрикивает на Маму и на Новую Помощницу. Однажды днем дверь Подсобной Комнаты открылась, и в нее заглянула улыбающаяся Джози.

– Вот ты где, оказывается, – сказала она. – Ну, как дела?

– Все прекрасно, спасибо.

Джози подняла руки и взялась за стойки дверной рамы. Она смотрела внутрь комнаты, пригнув голову, как будто боялась случайно стукнуться о скошенный потолок. Быстро окинула взглядом разные предметы, которые тут хранились, и остановила его на единственном маленьком, высоко расположенном окошке.

– Ты когда-нибудь в него выглядываешь? – спросила она.

– К сожалению, оно слишком высоко. Оно предназначено для вентиляции, а не для обзора.

– Сейчас разберемся.

Джози вошла в комнату, по-прежнему пригибая голову, и внимательно осмотрелась. Потом взялась за дело: поднимала одно, толкала другое, создавала новые скопления, где их не было. Один раз, не в силах предвидеть ее резкие перемещения, я чуть с ней не столкнулась, и она громко рассмеялась.

- Клара! Ты просто постой там. Вон там, вон. Я тут задумала кое-что.

Вскоре она расчистила место под высоким окошком, а затем передвинула туда деревянный сундук. После этого взяла пластиковый ящик с плотно закрывающейся крышкой и аккуратно поставила на сундук.

- Вот. - Она отступила назад, довольная сделанным, хотя остальная комната стала выглядеть очень неопрятно. - Ну, Клара, попробуй. Только осторожно. Вторая ступенька высокая. Давай, я хочу, чтобы ты попробовала.

Я вышла из угла и без труда поднялась по двум ступенькам, которые она соорудила. Теперь я стояла на крышке пластикового ящика.

- Не волнуйся, не упадешь, они прочные, - сказала она. - Стой, как на полу. Поверь мне, все надежно.

Она опять засмеялась и продолжала на меня смотреть, поэтому я улыбнулась, а затем выглянула в высокое окошко. Вид был похож на старый, который открывался из заднего окна у Джози двумя этажами ниже. Траектория взгляда, конечно, изменилась, и справа обзор был отчасти закрыт куском крыши. Но я могла видеть серое небо, протянувшееся над скошенными полями, и сарай мистера Макбейна вдалеке.

- Зря ты раньше мне не сказала, - промолвила Джози. - Я же знаю, как ты любишь смотреть наружу.

- Спасибо. Спасибо огромное.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, мягко улыбаясь. Потом она оглядела разбросанные по полу

предметы.

- Фу, какой бардак! Ничего, я все приберу, обещаю. Но сейчас не могу, есть кое-что срочное. Не пытайся сама. Я позже этим займусь, хорошо?

* * *

Мама в этот период, как и Джози, не так часто имела со мной дело, порой даже не смотрела в мою сторону, когда встречала меня где-нибудь в доме. Я понимала, что сейчас и для нее хлопотливое время и что к тому же мое присутствие может наводить ее на трудные воспоминания. Но один раз она уделила мне особое внимание.

Джози в тот день была в отлучке, но Мама по случаю выходного дня осталась дома. Большую часть утра я провела у себя в Подсобной Комнате, но, услышав голоса внизу, вышла на верхнюю лестничную площадку. И тут я быстро поняла, что мужчина, который разговаривает с Мамой в прихожей, - это мистер Капальди.

Я была удивлена, потому что о мистере Капальди в доме не упоминали очень долго. Они с Мамой начали беседу непринужденным тоном, но немного погодя в Мамином голосе стало слышно напряжение. Потом раздались ее шаги, и я увидела, что она смотрит на меня, стоя тремя этажами ниже.

- Клара, - громко обратилась она ко мне. - Тут мистер Капальди. Ты помнишь его, конечно. Спустись и поздоровайся с ним.

Осторожно сходя по лестнице, я услышала, как Мама сказала:

- Мы не так договаривались, Генри. Вы другое мне сказали.

На что мистер Капальди ответил:

- Я просто хочу изложить это ей. Вот и все.

Мистер Капальди несколько погрузнел после того дня в его здании, и седина вокруг его ушей стала светлее. Он тепло со мной поздоровался, а затем повел меня в Открытую Планировку, говоря:

- Просто хотел обсудить с тобой кое-что, Клара. Ты могла бы оказать нам огромную помощь.

Мама последовала за нами молча. Мистер Капальди сел на модульный диван, откинулся на подушки и своей расслабленной позой напомнил мне подростка Дэнни, который сидел на этом диване в день социализации, вытянув поверх него ногу. В противоположность поведению мистера Капальди, Мама, держась очень прямо, осталась стоять посреди комнаты и, когда мистер Капальди предложил мне сесть, сказала:

- Я думаю, Кларе будет приятнее стоя. Давайте, Генри, к сути.

- Крисси, ну что вы. Какие причины для нервозности?

После этого он, сев уже не так расслабленно, подался в мою сторону.

- Ты, наверное, помнишь, Клара, как меня всегда завораживали ИД и ИП. Я всегда смотрел на вас как на наших друзей. Как на животворящий источник познаний и просвещения. Но, как ты знаешь, есть на свете люди, которые встревожены из-за вас. Люди, которые испытывают страх и досаду.

- Генри, - сказала Мама. - Пожалуйста, ближе к сути дела.

- Хорошо. Итак. Дело в том, Клара, что сейчас налицо широкое и растущее беспокойство по поводу ИД и ИП. Люди говорят, что вы, дескать, стали слишком умными. Боятся, потому что уже не могут уследить за тем, что делается у вас внутри. Люди видят ваши действия. Они согласны с тем, что ваши решения, ваши рекомендации здравы и надежны, почти всегда

правильны. Но им не нравится, что они не знают, как вы их вырабатываете. Вот откуда это идет – этот откат, этот предрассудок. Так что мы должны дать отпор. Мы должны им сказать: ну хорошо, вы встревожены из-за того, что не понимаете, как ИД и ИП мыслят. Ладно, давайте тогда заглянем под капот. Попробуем вскрыть технологию, имея готовый продукт. Вам не нравятся герметически закрытые черные ящики. Ладно, давайте их откроем. Когда мы заглянем внутрь, не только страха станет гораздо меньше, но и знаний у нас прибавится. Мы узнаем поразительные новые вещи. Вот где ты, Клара, вступаешь в игру. Нам – тем, кто на вашей стороне, – нужны помощники, волонтеры. Нам уже удалось открыть целый ряд черных ящиков, но этого мало, надо открыть гораздо больше. Вы, ИД и ИП, просто невероятны. Мы обнаруживаем такое, о чем и помыслить не могли, что это возможно. Вот почему я сегодня здесь. Я никогда не забывал о тебе, Клара. Я знаю, что ты принесешь нам неоценимую помощь. Очень прошу тебя о ней. Поможешь?

Он не сводил с меня глаз, поэтому я сказала:

– Я была бы рада оказать содействие. Если это не доставит неудобств Джози и ее маме...

– погоди. – Мама стремительно обогнула журнальный столик и теперь стояла подле меня. – Это совсем не то, о чем мы говорили по телефону, Генри.

– Я только хотел спросить Клару, вот и все. Это шанс для нее внести долговечный вклад...

– Клара заслуживает лучшего, чем это.

– Возможно, вы и правы здесь, Крисси. Возможно, я допустил грубую ошибку. И тем не менее раз уж я тут, а Клара стоит передо мной, может быть, вы мне разрешите просто ее спросить?

– Нет, Генри, не разрешу. Клара заслуживает лучшего. Она заслуживает своего медленного угасания.

- Но перед нами стоят задачи. Мы должны сопротивляться этому откату...

- Сопровивляйтесь в другом месте. Поищите другие черные ящики, чтобы взламывать. А нашу Клару оставьте в покое. Пусть она получит свое медленное угасание.

Мама чуть раньше шагнула вперед и встала передо мной, словно хотела загородить меня от мистера Капальди, и из-за того, что, рассерженная, она сделала это торопливо, задняя сторона ее плеча почти соприкоснулась с моим лицом. В результате я не только хорошо познакомилась с гладкой тканью ее темного свитера, но и вспомнила, как она обняла меня на переднем сиденье своей машины, когда мы стояли припаркованные у кафе Сами Готовим Фарш. Выглянув из-за ее плеча, я увидела, как мистер Капальди покачал головой и опять откинулся на подушки дивана.

- Не оставляет чувство, - сказал он, - что вы все еще злитесь на меня, Крисси. Что вы давно уже на меня злитесь. И это несправедливо. Ведь это *вы* тогда ко мне пришли. Помните? И я просто постарался, как мог, вам помочь. Я рад, что с Джози в итоге все вышло наилучшим образом. Действительно рад. И какие причины так злиться на меня все время?

* * *

Последние дни перед отъездом Джози были полны и напряжения, и волнения, и предвкушения. Будь Помощница Мелания по-прежнему с нами, все могло бы пройти спокойнее. Новая Помощница часто оставляла дела несделанными до последней минуты, а потом бралась за несколько дел разом, и это добавляло нервозности. Я чувствовала, что не должна путаться под ногами, и много времени проводила в Подсобной

Комнате, глядя в высокое окошко на поля с возвышения, которое Джози для меня соорудила, и прислушиваясь к звукам в доме. Потом однажды днем, за два дня до отъезда, я услышала шаги Джози на верхней лестничной площадке, и она появилась в дверном проеме.

- Привет, Клара. А не спустишься ненадолго ко мне в спальню? Ну, если ты не занята, конечно.

Я сошла вместе с ней по лестнице и снова оказалась в старой комнате. В ней многое изменилось. Помимо кровати Джози здесь теперь постоянно стояла складная кровать для гостей, а Диван С Пуговками убрали. Изменились и многие менее крупные детали обстановки: например, Джози теперь сидела в новом рабочем кресле с колесиками и могла, если ей хотелось, перемещаться в нем по комнате. Но Солнечные фигуры на стене были ровно такими же, какими я их помнила по многим дням, которые мы провели тут вместе. Я села на край кровати, и некоторое время мы весело разговаривали.

- С кем ни поговоришь, все заявляют, что не боятся колледжа, - сказала Джози в какой-то момент. - Но ты не представляешь, Клара, как некоторые боятся на самом деле. Я тоже побаиваюсь, не буду притворяться, что нет. Но знаешь? Я не позволю страху вмешиваться в мои дела. Я себе торжественную клятву про это дала. Слушай, я тебе не рассказывала? Мы все должны были поставить себе официальные цели. Две цели в каждой из пяти категорий. Надо было анкету заполнить на эту тему, но я там соврала, потому что поставила себе свои секретные цели, ничего общего с целями в анкете. Мама дорогая, увидели бы они мой *настоящий* список - за голову бы схватились! Кстати, мама тоже про него не знает и не узнает! - Она радостно засмеялась. - И даже ты, Клара. Я и от тебя утаю, какие у меня секретные

цели. Но, если ты еще будешь здесь, когда я приеду на Рождество, я тебе расскажу, чего достигла.

Это был один из немногих намеков на мой собственный отъезд, какие Джози сделала в этот период. И она еще раз упомянула о нем в то утро, когда наконец отправилась в путь с Мамой.

Она надеялась, я знала, что Рик помашет ей на прощание. Но он в тот день, как оказалось, был за много миль от дома, обсуждал с новыми друзьями свои устройства скрытого сбора данных. Так что на рассыпанных камешках, глядя, как Джози и Мама укладывают в Мамину машину последний багаж, стояли только я и Новая Помощница.

Потом – Мама, готовая ехать, уже сидела за рулем – Джози вернулась ко мне от машины, при каждом шаге с нажимом ставя ногу в скрипучие камешки, потому что осторожность сохранилась в ее походке. Взволнованная и сильная на вид, она, двигаясь ко мне, вскинула руки, как будто решила изобразить самую большую букву Y, какая только бывает. Подойдя, она обняла меня долгими объятиями. Она была теперь выше меня, поэтому ей пришлось, кладя подбородок мне на левое плечо, чуточку присесть, и ее длинные пышные волосы отчасти заслонили мне поле зрения. Когда она отстранилась, на лице у нее была улыбка, но я заметила и толику печали. Вот когда она мне сказала:

– Когда я вернусь, тебя, может быть, тут и не будет уже. Ты просто чудо какая была все это время, Клара. Правда.

– Спасибо, – сказала я. – Спасибо, что выбрала меня.

– Ну, это-то было элементарно. – Она обняла меня еще раз, теперь более коротко, и вновь отступила назад. – Пока, Клара. Всего доброго тебе.

– До свидания, Джози.

Садясь в машину, она опять приветливо помахала – скорее мне, чем Новой Помощнице. Потом машина

тронулась и стала подниматься по дороге на холм мимо шевелящихся под ветром деревьев, как поднималась много раз, когда мы с Джози смотрели на ее движение в окно.

* * *

В последние дни некоторые мои воспоминания начали странно совмещаться. Например, утро под темным небом, когда Солнце спасло Джози, поездка к Морганс-Фолс и освещенная закусочная, которую выбрал мистер Вэнс, приходят мне на ум разом, слившись в единое место событий. Мама стоит ко мне спиной перед водопадом, глядя на висящую в воздухе водяную пыль. Но я смотрю на нее не с деревянной скамейки для пикников, а из своего отсека в закусочной мистера Вэнса. И хотя мистера Вэнса не видно, мне слышны через проход его недобрые слова. Тем временем над Мамой и водопадом сгустились темные тучи – те же темные тучи, что собрались утром, когда Солнце спасло Джози, – и ветер несет по небу маленькие цилиндрики и пирамидки.

Я знаю, что это не дезориентация, потому что при желании всегда могу отделить одно воспоминание от другого и поместить каждое в правильный контекст. Кроме того, при таком совмещении воспоминаний непременно дает себя знать то, что границы у них – отделяющие, скажем, Маму у водопада от моего отсека в закусочной – неровные, как будто нетерпеливый ребенок оторвал что-то пальцами, вместо того чтобы отрезать ножницами. И если пристально взглядеться в темные тучи, то заметно, что по масштабу они вообще-то не вполне соответствуют фигуре Мамы или водопаду. И все равно эти составные воспоминания иногда приходят мне на ум так живо, что я надолго забываю,

где на самом деле нахожусь, забываю, что сижу во Дворе на жесткой земле.

Двор большой, и единственное, что я со своего отдельного места вижу высокого – это строительный кран вдалеке. Небо очень широкое и открытое: если бы мы с Риком еще раз пошли через поля мистера Макбейна – особенно теперь, когда трава скошена, – то небо над нами могло бы выглядеть именно так. Благодаря широкому небу я могу без помех наблюдать за путешествием Солнца, и даже в пасмурные дни я всегда знаю, где Оно надо мной.

Когда я только сюда попала, Двор показался мне неопрятным, но сейчас я понимаю порядок, в котором он содержится. То первое впечатление, как мне стало ясно, возникло из-за того, что многие предметы здесь сами по себе носят неопрятный характер: из одного торчат обрезки кабелей, у другого покорежена радиаторная решетка. Однако если присмотреться, то хорошо видно, сколько стараний прилагают рабочие Двора, чтобы каждый кусок механизма, каждый ящик и тюк получил должное место в одном из аккуратных рядов, так что посетитель, идущий по длинным проходам между рядами – ему, конечно, надо быть осторожным, чтобы не споткнуться о какой-нибудь стержень или проволоку, – может оглядывать эти предметы один за другим.

Из-за того что здесь такое широкое небо и нет ничего высокого, что загораживало бы обзор, любой посетитель Двора быстро становится мне виден. Я замечаю людей даже издалека – маленькие фигурки, движущиеся между рядами. Но посетители тут бывают нечасто, и, когда я слышу человеческие голоса, это обычно рабочие Двора перекрикиваются между собой.

Иногда с неба слетают птицы, но они быстро обнаруживают, что во Дворе интересного для них мало. Недавно несколько темных птиц спустились изящной

стройной стаей и сели на какой-то механизм поблизости от меня, и на мгновение пришла мысль, что это, может быть, птицы Рика, посланные для наблюдения за мной. Но, конечно, это были никакие не изделия Рика, а натуральные птицы, и они спокойно посидели на здешнем механизме какое-то время, совсем не двигаясь, хотя ветер ерошил их оперение. Потом они все разом улетели.

Примерно тогда же один добрый рабочий Двора остановился передо мной и сказал, что тут есть три ИП на Южной Стороне и два ИД в Кольце. Если я хочу, сказал он, он может переместить меня в одну из этих зон. Но я ответила ему, что довольна своим отдельным местом, он кивнул и пошел дальше.

Несколько дней назад произошло кое-что особенное.

Хотя передвигаться с места на место я не способна, я с легкостью могу поворачивать голову и смотреть во все стороны. Поэтому я знала с некоторого момента, что позади меня ходит кто-то в длинном пальто. Когда я обернулась один раз, фигура была на среднем расстоянии от меня, и я увидела, что это посетительница с небольшой висячей сумкой на конце ремешка. Всякий раз, когда она наклонялась рассмотреть что-то на земле, сумка перед ней раскачивалась. Я не могла наблюдать за ней постоянно, потому что она была у меня за спиной, и затем на некоторое время – возможно, из-за очередного набежавшего воспоминания – я совсем перестала о ней думать. Потом послышался звук, и я увидела, что посетительница в длинном пальто стоит передо мной. И еще до того, как она присела и взглянула мне в лицо, я узнала Администратора, и меня наполнила радость.

– Клара. Ведь ты же Клара, да?

– Да, конечно, – сказала я, улыбаясь ей.

- Клара. Как чудесно. Погоди секунду. Дай что-нибудь принесу, чтобы сесть.

Она вернулась с небольшим металлическим ящиком, который, волочась за ней по грубой земле, издавал неприятный звук. Когда она поместила его передо мной и села, я, хотя позади нее раскинулось широкое небо, смогла рассмотреть ее лицо отчетливо.

- Я надеялась найти тебя тут. Однажды - сколько - почти год тому назад уже - я нашла что-то в этом дворе и подумала было, что это ты, Клара. Но нет, ошиблась. Ну а сейчас - определенно ты. Я так рада.

- Я счастлива, что снова вижу Администратора.

Она продолжала мне улыбаться. Потом сказала:

- Интересно, что ты можешь думать сейчас. Вдруг увидела меня опять через столько лет. Ты, наверное, сбита с толку.

- Я не испытываю ничего, кроме счастья от встречи с Администратором.

- Тогда скажи мне, Клара. Была ли ты все это время - до того, я хочу сказать, как оказалась здесь, - была ли ты все это время у людей, которые тебя забрали из магазина? Извини за такой вопрос, но у меня больше нет простого доступа к этим сведениям.

- Да, конечно. Я все время была у Джози. Пока она не отправилась в колледж.

- Значит, успех. Все удалось.

- Да. Мне кажется, я хорошо послужила Джози и защитила ее от одиночества.

- Ну еще бы. Я уверена, что с тобой она и ведать не ведала, что такое одиночество.

- Надеюсь, что так.

- Ты знаешь, Клара. Из всех ИД и ИП, за которых я отвечала, ты, безусловно, была одна из самых замечательных. Необыкновенная проницательность. И способность к наблюдению. Я сразу это заметила. Я так рада услышать, что все вышло хорошо. Потому что

никогда нельзя знать, даже при таких чудесных способностях, как у тебя.

- Администратор по-прежнему отвечает за ИД и ИП?

- Нет. О нет. Это все позади. - Она оглядела Двор, а затем снова мне улыбнулась. - Вот почему мне нравится здесь бывать время от времени. Иногда я хожу во двор у Мемориального моста. Но здесь мне больше нравится.

- Администратор приходит... только искать ИД и ИП из ее магазина?

- Нет, не только. Мне нравится собирать мелкие памятки. - Она показала на свою сумку. - Здешние не позволяют таким, как я, брать ничего существенного. Но маленькие предметы - пожалуйста. Рабочие тут меня знают. Но ты не ошиблась. Всякий раз, как сюда прихожу, надеюсь набрести на кого-нибудь из моих старых ИД или ИП.

- А Роза вам не попадалась?

- Роза? Ты знаешь, да. Я нашла ее здесь, это было, дай вспомнить, года два назад по меньшей мере. У Розы все не так хорошо сложилось, как у тебя.

- Ей не понравился ее тинейджер?

- Нет, не в этом дело. Но ты не волнуйся. Не будем про Розу. Расскажи мне про себя. У тебя такие необычные способности. Надеюсь, твоя девочка их оценила.

- Думаю, что да. Все в доме были ко мне очень добры. Я очень много всего смогла узнать.

- Я помню день, когда они пришли и выбрали тебя. Дама протестировала тебя вначале, попросила пройтись походкой дочери. Это меня обеспокоило. После того как тебя забрали, я думала об этом.

- Администратор напрасно беспокоилась. Лучшего дома для меня и быть не могло. И лучшего тинейджера, чем Джози.

Администратор смотрела на меня и улыбалась, ничего не говоря. Поэтому я продолжила:

- Я как могла старалась делать то, что было для Джози наилучшим. Я много раз обдумывала это сейчас. И если бы понадобилось, я уверена, я сумела бы продолжить Джози. Но так, как вышло, гораздо лучше, пусть даже у Рика и Джози не получилось быть вместе.

- Не сомневаюсь, что ты права, Клара. Но в каком смысле «продолжить Джози»? Что это значит?

- Администратор, я как могла старалась изучить Джози и, если бы понадобилось, сделала бы все возможное. Но не думаю, что получилось бы очень хорошо. Не потому, что мне точности бы не хватило. Нет, но, как бы я ни старалась, все равно, мне думается сейчас, оставалось бы что-то для меня недоступное. Мама, Рик, Помощница Мелания, Папа. Я никогда бы не дотянулась до того, что они чувствовали к Джози в своих сердцах. Я теперь в этом уверена, Администратор.

- Ну что ж, Клара, меня очень радует твое ощущение, что все вышло к лучшему.

- Мистер Капальди считал, что в Джози нет ничего совсем особенного - того, что не продолжается. Он сказал Маме, что искал, искал и ничего такого не нашел. Но я сейчас думаю, что он искал не там, где надо. *Было* что-то совсем особенное, но не внутри Джози. Оно было внутри тех, кто любил ее. Вот почему мне думается сейчас, что мистер Капальди был не прав и я не смогла бы добиться успеха. Поэтому я рада, что решила так, как решила.

- Не сомневаюсь, что все так, как ты говоришь, Клара. Это то, что мне всегда хочется услышать, когда набредаю на кого-нибудь из своих бывших ИД или ИП. Хорошо, что ты довольна тем, как все прошло. Что не испытываешь сожалений. Ты знаешь, что тут, на той дальней стороне, есть несколько БЗ? Они не из нашего магазина, но, если тебе хочется общения, я могу попросить здешних тебя переместить.

- Нет, Администратор, благодарю вас. Вы очень добры, как всегда. Но мне нравится это место. И у меня есть мои воспоминания, я прохожусь по ним и размещаю их в правильном порядке.

- Это, вероятно, самое умное. В магазине я бы этого не сказала, но тут скажу, что к БЗ я никогда не могла чувствовать того, что к твоему поколению. Мне часто кажется, что и у покупателей было похожее ощущение. Они никогда не проникались к БЗ настоящей симпатией, при всех их технических преимуществах. Я так рада, что встретила с тобой сегодня, Клара. Я очень часто о тебе думала. Ты была у меня одна из самых-самых.

Она поднялась на ноги, и сумка перед ней опять закачалась.

- Пока вы не ушли, Администратор, я должна еще об одном вам сообщить. Солнце было очень добрым ко мне. Оно всегда, с самого начала было ко мне очень добрым. Но один раз, когда я была у Джози, Оно проявило особую доброту. Я хочу, чтобы Администратор это знала.

- Да. Не сомневаюсь, что Солнце всегда хорошо относилось к тебе, Клара.

Сказав это, Администратор повернулась к широкому небу за ней, подняла к глазам ладонь, и некоторое время мы смотрели на Солнце вместе. Потом она повернулась ко мне обратно:

- Мне пора идти. Ну что ж, Клара. До свидания.

- До свидания, Администратор. Спасибо вам.

Она протянула руку вниз к металлическому ящику, на котором сидела, и перетащила его на прежнее место с тем же неприятным звуком. Потом пошла по длинному проходу между рядами, и заметно было, как изменилась у нее походка по сравнению с магазином. При каждом втором шаге она припадала на левую ногу, так что я обеспокоилась, как бы нижний край ее длинного пальто

не запачкался с этой стороны о грязную землю. Отойдя на какое-то расстояние, она остановилась и повернулась, и я подумала было, что она, может быть, взглянет на меня еще раз на прощание. Но она смотрела за пределы Двора, в сторону строительного крана на горизонте. Потом она двинулась дальше.

notes

Примечания

1

Имеется в виду выпущенный в 1998 году отчет так называемой Комиссии Дженкинса, исследовавшей возможность реформирования избирательной системы Великобритании. – *Примеч. перев.*